

ФОНД ЛИБЕРАЛЬНАЯ МИССИЯ

**ДИНАМИКА
МОНЕТАРНЫХ
И НЕМОНЕТАРНЫХ
ХАРАКТЕРИСТИК
УРОВНЯ ЖИЗНИ РОССИЙСКИХ
ДОМОХОЗЯЙСТВ ЗА ГОДЫ
ПОСТСОВЕТСКОГО РАЗВИТИЯ
АНАЛИТИЧЕСКИЙ ДОКЛАД**

**ДИНАМИКА МОНЕТАРНЫХ
И НЕМОНЕТАРНЫХ
ХАРАКТЕРИСТИК УРОВНЯ ЖИЗНИ
РОССИЙСКИХ ДОМОХОЗЯЙСТВ
ЗА ГОДЫ ПОСТСОВЕТСКОГО
РАЗВИТИЯ**

Аналитический доклад

УДК 338(470+571):330.59
ББК 65.9(2Рос)-94
О35

Овчарова, Л.Н.

О35 Динамика монетарных и немонетарных характеристик уровня жизни российских домохозяйств за годы постсоветского развития : аналитический доклад / рук. авт. колл. Л. Н. Овчарова., А.Я. Бурдяк, А.И. Пишняк, Д.О. Попова, Р.И. Попова, А.М. Рудберг. — Москва : Фонд «Либеральная Миссия», 2014. — 108 с.

ISBN 978-5-903135-45-5

Доклад посвящен анализу динамики уровня жизни российского населения в постсоветский период, то есть с начала 1990-х годов до нашего времени. Неоднозначность обозначившихся в этот период тенденций динамики ключевых характеристик благосостояния приводит к достаточно противоречивым оценкам общего вектора развития страны с точки зрения теории человеческого капитала и перспектив модернизации. Авторы проводят собственный анализ и на его основе делают выводы о динамике уровня жизни российского населения за годы постсоветского развития.

ВЫСШАЯ ШКОЛА ЭКОНОМИКИ
НАЦИОНАЛЬНЫЙ ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ

*Исследование осуществлено в рамках
Программы фундаментальных исследований НИУ ВШЭ в 2014 г.*

ФОНД ЛИБЕРАЛЬНАЯ МИССИЯ

*Доклад подготовлен и издан при финансовой поддержке
Фонда «Либеральная Миссия»*

УДК 338(470+571):330.59
ББК 65.9(2Рос)-94

ISBN 978-5-903135-45-5

© Фонд «Либеральная Миссия», 2014

СОДЕРЖАНИЕ

ВВЕДЕНИЕ	5
ГЛАВА 1. МОНЕТАРНЫЕ ХАРАКТЕРИСТИКИ УРОВНЯ ЖИЗНИ: ОТ СТАНДАРТА ВЫЖИВАНИЯ К МОДЕЛИ РАЗВИТИЯ	9
1.1. Подходы к оценке уровня жизни на основе монетарных показателей	9
1.2. Динамика уровня и структуры доходов	11
1.3. Динамика уровня и структуры расходов	17
1.4. Финансовое поведение домашних хозяйств	24
1.5. Основные тенденции динамики монетарных показателей благополучия	27
ГЛАВА 2. ДИНАМИКА УРОВНЯ И ФАКТОРОВ НЕРАВЕНСТВА В РОССИИ	29
2.1. Подходы к анализу экономического неравенства	29
2.2. Динамика неравенства доходов в России	32
2.3. Факторы неравенства на макроуровне	38
2.4. Факторы неравенства на микроуровне	40
2.5. Основные тенденции динамики неравенства доходов	46
ГЛАВА 3. НЕМОНЕТАРНЫЕ ХАРАКТЕРИСТИКИ УРОВНЯ ЖИЗНИ	48
3.1. Подходы к оценке уровня жизни на основе немонетарных показателей	48
3.2. Потребление продуктов питания	50
3.3. Имущественная обеспеченность	57
3.4. Субъективные показатели удовлетворенности материальным положением	60
3.5. Основные тенденции динамики немонетарных показателей благополучия	63
ГЛАВА 4. БЕДНОСТЬ	65
4.1. Концептуальные основы оценки бедности	65
4.2. Монетарные оценки бедности	67

4.3. Немонетарные оценки бедности _____	76
4.4. Совмещение монетарных и немонетарных оценок бедности _____	80
4.5. Основные тенденции динамики монетарной и немонетарной бедности __	82
БИБЛИОГРАФИЯ _____	85
ПРИЛОЖЕНИЕ 1. Источники данных об уровне жизни населения России __	90
Официальная статистика _____	90
Альтернативные источники данных: репрезентативные общероссийские опросы _____	91
ПРИЛОЖЕНИЕ 2. Статистические данные _____	95

ВВЕДЕНИЕ

Несмотря на то что взгляд на экономический рост как главный источник развития остается доминирующим в экономической науке, в последние 20 лет этот подход подвергся серьезной критике. Дискуссия по этому вопросу активизировалась в условиях последнего мирового кризиса, и значительный вклад в этот процесс внес доклад нобелевских лауреатов Дж. Стиглица и А. Сена (Stiglitz, Sen et al., 2009). Обсуждая причины кризиса, они отмечают растущий разрыв между информацией, содержащейся в агрегированных данных по ВВП, и тем, что действительно значимо для благосостояния населения, и считают, что пришло время переместить акцент с измерения производства на измерение уровня и качества жизни. Подобная дискуссия наблюдается и в социологических исследованиях, где существенный рост материальных ресурсов населения рассматривается как необходимое, но не достаточное условие для модернизационного развития (Пайпс, 2002; Инглхарт и Вейцель, 2011).

Данный доклад посвящен анализу динамики уровня жизни российского населения в постсоветский период, то есть с начала 1990-х гг. до нашего времени. Экономисты, социологи и политологи в академических журналах и средствах массовой информации уже немало написали об изменениях в уровне жизни российского населения и социальной структуре общества за годы постсоветского развития. Неоднозначность обозначившихся в этот период тенденций динамики ключевых характеристик благосостояния приводит к достаточно противоречивым оценкам общего вектора развития страны с точки зрения теории человеческого капитала и перспектив модернизации. Мало кто оспаривает факт более глубокого, чем ВВП, падения реальных доходов населения в период масштабных социально-экономических и политических реформ (1991–1998 гг.), который сопровождался существенным ростом доходного неравенства. Основная дискуссия разворачивается вокруг оценки результатов восстановительного периода (1999–2007 гг.) и особенностей сложившегося массового потребительского стандарта.

Большинство публикаций по проблемам социальной политики и стратификации, посвященных постсоветскому периоду, акцентируют внимание на том, что массовые модели потребительского поведения российских домохозяйств в большей степени ассоциируются со стратегиями выживания домохозяйств, хотя налицо их дифференциация в зависимости от уровня благосостояния (Смирнов и Сидорина, 2003; Шкаратан, 2003; Manning and Tikhonova, 2004). При этом общий вектор развития с точки зрения потребительского поведения оценивается неоднозначно. Ряд исследователей рассматривают этот период

скорее как годы упущенных возможностей и считают, что стандарт выживания продолжает оставаться преобладающим (Римашевская и Бочкарева, 2007; Бобков, 2012). Придерживающиеся либеральных взглядов макроэкономисты, признавая потери в благосостоянии на этапе структурных реформ, показывают, что за последние 10 лет макропоказатели указывают на серьезные изменения в потреблении всех социальных страт, включая бедных (Андрущак, Ивантер и др., 2011; Ясин, Андрущак и др., 2011; Дмитриев и Мисихина, 2012).

Отличительной чертой данного доклада является методологический подход, который предполагает комбинирование мониторинга монетарных и немонетарных показателей благосостояния, что позволяет всесторонне оценить основные изменения в текущем жизненном стандарте российского населения. Как правило, уровень жизни или благосостояния домашних хозяйств или отдельных граждан измеряется денежными доходами, которые используются для определения уровня бедности, неравенства, динамики условий жизни населения. Именно этот показатель принимает во внимание большинство исследователей, когда речь идет о влиянии материального положения респондентов на социальную стратификацию, выбор моделей экономической активности и трудовой мобильности, репродуктивное и электоральное поведение.

Несмотря на то что данная традиция измерения благосостояния продолжает преобладать в системах национального статистического учета, межстрановых сопоставлениях и отдельных исследованиях материальных условий жизни, в последнее время все большее распространение получают подходы, основанные на немонетарных оценках достигнутого уровня жизни, учитывающих не только доходы, но и такие аспекты, как текущее потребление, оснащенность товарами длительного пользования, владение недвижимостью и финансовыми активами, субъективные оценки материального положения и т.д.

Общепринятое мнение — и оно подтверждается многочисленными эмпирическими исследованиями в странах с развитой рыночной экономикой — заключается в том, что монетарные показатели хорошо отражают немонетарные параметры уровня жизни. Насколько это справедливо для России? Ответить на этот вопрос мы сможем только на основе данных обследований домохозяйств. Однако работая с такими данными, исследователи имеют дело с оценками доходов, которые, как правило, значительно ниже душевых доходных характеристик, получаемых на основе макроэкономического баланса доходов и расходов (БДР). Обозначенное расхождение обусловлено двумя разнонаправленными обстоятельствами. С одной стороны, в выборках социологических обследований слабо представлены обеспеченные группы, поэтому при получении характеристик генеральной совокупности необходимо применять процедуры перевзвешивания выборочных данных. С другой стороны, доходы в макроэкономическом балансе на четверть представлены источниками, которые не идентифицируются, и дооценены на основании рас-

ходов, поэтому макроэкономические оценки также вызывают определенные вопросы у экспертного сообщества.

Вторая причина, по которой социологические обследования не позволяют собрать полной информации о доходах населения, — это сокрытие информации о доходах самими респондентами. В ряде опросов населения доходная обеспеченность контролируется информацией о потреблении, но, если таковой нет, необходимость использования немонетарных показателей благосостояния становится очевидной еще и потому, что таким образом проверяется представленная информация по доходам.

Отсюда следует, что мониторинг уровня жизни в России нужно вести, комбинируя монетарные и немонетарные показатели. Это основной принцип, которым мы руководствовались при проведении данного исследования. В докладе анализируются размеры не только денежных поступлений, но и немонетарных характеристик благосостояния, таких как питание и имущественная обеспеченность. Безусловно, немонетарные оценки благосостояния не исчерпываются показателями, рассмотренными в данном докладе. Признавая несомненную важность таких аспектов благосостояния, как занятость, здоровье и благополучие, политические свободы, безопасность окружающей среды и т.д., в данной работе мы ограничимся только анализом критериев материальной обеспеченности.

Исследование тенденций изменения благосостояния домашних хозяйств в рамках данного доклада базируется на двух источниках данных, подробное описание которых приведено в приложении 1:

- 1) данные макростатистики и Обследования бюджетов домашних хозяйств (ОБДХ) Росстата, публикуемые в сборниках и на сайте Росстата www.gks.ru;
- 2) данные репрезентативных выборочных обследований домашних хозяйств, включая Российский мониторинг экономического положения и здоровья населения (РМЭЗ), ежегодно проводимое НИУ ВШЭ¹, и панельное обследование «Родители и дети, мужчины и женщины в семье и обществе» (РидМиЖ), проведенное Независимым институтом социальной политики в 2004, 2007 и 2011 гг.² Эти обследования позволяют подробно анализировать характеристики и особенности экономического, социального и демографического поведения российских домохозяйств.

Там, где это возможно, показатели, полученные на основе официальной статистики и микроданных, сопоставляются.

В качестве начальной точки для сравнения используется 1991 г., предшествующий радикальным экономическим преобразованиям. Отметим, что лучше было бы начать анализ с 1990 г. (последнего «полного» советского года),

¹ <http://www.hse.ru/rf/ms/>

² <http://www.socpol.ru/gender/RIDMIZ.shtml>

однако это не всегда представляется возможным, поскольку статистические данные по нескольким ключевым показателям недоступны. Некоторые показатели, в принципе, вошли в практику статистического наблюдения еще позже (например, понятие «бедности» появилось в 1992 г.), поэтому в отдельных таблицах и графиках мы будем приводить динамические ряды с более позднего времени.

В постсоветском экономическом развитии России можно выделить три периода: масштабная социально-экономическая трансформация на фоне глубокого структурного экономического кризиса (1991–1998 гг.), ускоренный восстановительный рост (1999–2007 гг.) и незавершенный этап стагнации, стартовавший в 2008 г. на фоне мирового экономического кризиса. Особенности доходной обеспеченности и других индикаторов уровня жизни домашних хозяйств будут рассматриваться в привязке к данным тенденциям макроэкономического развития.

Доклад состоит из четырех глав, каждая из которых посвящена одному из анализируемых аспектов благосостояния.

Первая глава характеризует динамику монетарных характеристик уровня жизни за последние 20 лет, в том числе анализируются концептуальные вопросы, связанные с оценкой уровня жизни через монетарные характеристики; рассматривается динамика реальных доходов и расходов, а также их структуры; проводится обзор основных тенденций в области сберегательного и кредитного поведения домохозяйств.

Вторая глава посвящена анализу дифференциации монетарных показателей уровня жизни: рассматриваются основные тенденции в изменении неравенства доходов в России; анализируются макроэкономические факторы неравенства доходов, главным из которых выступает неравенство оплаты труда; оценивается вклад в неравенство микроэкономических факторов (социально-демографических характеристик домохозяйств).

Третья глава посвящена анализу динамики немонетарных характеристик уровня жизни, в том числе приводится динамика характеристик питания населения; анализируются показатели имущественной обеспеченности. Последний раздел посвящен динамике субъективных оценок уровня жизни российскими домохозяйствами.

В *четвертой главе* представлен анализ бедности на основе альтернативных подходов к ее определению — абсолютного, относительного и субъективного; анализируется профиль и риски бедности различных социально-демографических групп при использовании монетарных и немонетарных оценок.

В *заключении* сформулированы основные выводы о динамике уровня жизни российского населения за годы постсоветского развития, полученные на основе проведенного анализа.

ГЛАВА 1. МОНЕТАРНЫЕ ХАРАКТЕРИСТИКИ УРОВНЯ ЖИЗНИ: ОТ СТАНДАРТА ВЫЖИВАНИЯ К МОДЕЛИ РАЗВИТИЯ

1.1. ПОДХОДЫ К ОЦЕНКЕ УРОВНЯ ЖИЗНИ НА ОСНОВЕ МОНЕТАРНЫХ ПОКАЗАТЕЛЕЙ

При оценке благосостояния ключевая роль отводится именно монетарным показателям, в роли которых чаще всего выступают **потребительские расходы** или **доходы** домашних хозяйств. Хотя в практике статистического наблюдения доходы и расходы часто рассматриваются как взаимозаменяемые показатели, на теоретическом уровне существует ряд аргументов «за» и «против» использования этих показателей в качестве характеристик благосостояния.

Выбор в пользу доходов объясняется двумя причинами (Atkinson, 1983). Во-первых, доходы могут служить своего рода аппроксимацией потребления, если невозможно получить данные о реальном уровне потребления домашнего хозяйства. В этом случае оценки уровня жизни на основе доходов должны интерпретироваться с осторожностью, поскольку показатель доходов не всегда отражает реальный уровень жизни домохозяйства, он может его недооценить или переоценить. Например, если домохозяйство берет деньги в долг или тратит свои сбережения, его текущий уровень потребления будет выше, чем текущие доходы. За счет этих факторов сглаживаются временные колебания уровня доходов (хотя трата сбережений на текущее потребление может иметь серьезные последствия для уровня жизни семьи в будущем). Семья, осуществляющая часть своего потребления за счет ведения натурального хозяйства, может иметь более высокий уровень жизни, чем показывают ее доходы. И наоборот, в условиях дефицита потребительских товаров на рынке, показатель доходов может дать завышенные оценки уровня жизни домохозяйства, в то время как одних денег для покупки необходимых товаров может быть недостаточно.

Вторая причина использования показателя доходов, а не потребления, связана с концептуальным предпочтением доходов в качестве показателя текущего благосостояния, поскольку доход является мерой возможностей челове-

ка вести тот образ жизни, который ему больше подходит (Sen, 1997). Люди могут сознательно снижать уровень потребления в некоторых ситуациях. Предположим, что основной интерес исследователя направлен на анализ различий в уровне бюджетных возможностей индивидов, а не потребительского поведения домохозяйств. Отсюда берет свое начало концепция «минимального дохода», в рамках которой считается, что каждый гражданин имеет право на получение минимального дохода, которым он может распоряжаться по своему усмотрению. Право гражданина на минимальный доход расценивается как предпосылка для полноценного участия в жизни общества, как гарантия «объединенной свободы».

Непостоянство доходов во времени является основной причиной, заставляющей исследователей использовать в качестве основного показателя уровня жизни данные о расходах¹. Особенно важен этот фактор для таких стран, как Россия, где значительная часть доходов населения скрыта от статистического учета. Поэтому текущий объем потребления будет не только лучшим показателем текущего уровня жизни домохозяйств по сравнению с текущими доходами, но и достаточно надежным показателем долговременного благосостояния, поскольку он позволяет получить приблизительные оценки уровня доходов домохозяйства в прошлом периоде времени (Ovcharova and Tesliuk, 2006).

С другой стороны, существуют и факторы, снижающие точность сравнительных оценок благосостояния на основе расходов. Во-первых, уровень потребления зависит от стадии жизненного цикла семьи и, как правило, меняется в течение жизненного цикла, а на момент обследования у семей с различным уровнем сбережений, например у молодой семьи и семьи пенсионеров, может быть зафиксирован одинаковый уровень потребления. Во-вторых, домохозяйства с разным уровнем дохода, принадлежащие к разным социальным слоям, имеют неравные возможности для поддержания текущего уровня потребления за счет привлечения своих сбережений или заимствования средств².

В заключение отметим, что в большинстве стран — членов ОЭСР или стран Латинской Америки для оценки благосостояния домашних хозяйств используется доход. Напротив, страны с переходной экономикой, а также многие развивающиеся страны чаще применяют для этих целей оценки потребления. В России используются оценки как доходов, так и потребления, хотя надежными можно считать только данные о потреблении (приложение 1). Рассмотрим, как

¹ Еще одна причина связана с широко распространенным (вэлферистским) предположением о том, что полезность связана с потреблением, а не с доходами. См.: Ravallion, M. (1992). Poverty comparisons: a guide to concepts and methods Living Standards Measurement Study Working Paper No. 88. Washington, D.C., The World Bank.

² Например, возможности малообеспеченных семей для поддержания текущего потребления могут быть сильно ограничены, потому что у них нет сбережений и, даже если есть возможность взять деньги в долг, на практике реализация этой возможности затруднена, так как семья понимает, что ей нечем будет этот долг отдавать.

изменились монетарные оценки уровня жизни российского населения за последние 20 лет.

1.2. ДИНАМИКА УРОВНЯ И СТРУКТУРЫ ДОХОДОВ

Несмотря на то что за точку отсчета мы выбрали 1991 г., надо отметить, что инфляционные процессы в российской экономике начались намного раньше и выражались не столько в росте цен, сколько в углублении дефицита товаров и услуг, распространении теневой экономики. Однако при этом рост номинальных доходов все же обгонял рост цен на потребительские товары и услуги. Проведенная в 1992 г. либерализация цен привела к более чем двукратно-му снижению **реальных доходов населения** (рис. 1.1). При этом темпы снижения денежных доходов в 2 раза превышали экономический спад.

Пять лет, последовавшие за резким сокращением доходов населения в 1992 г., продемонстрировали неустойчивый и скорее периодический рост доходов. Это

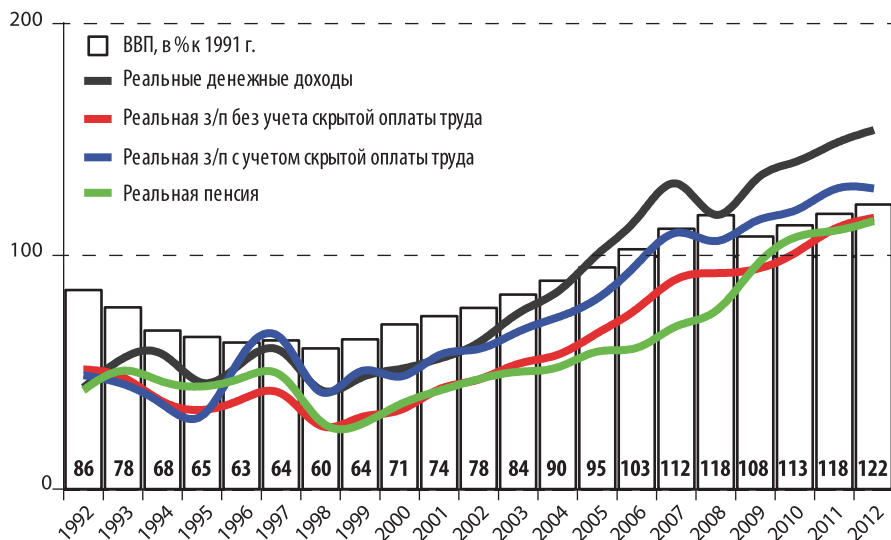

Рис. 1.1. Динамика ВВП, денежных доходов, заработной платы и пенсии, в процентах от 1991 г. в сопоставимых ценах, декабрьские данные

Источник: рассчитано по данным Росстата (краткосрочные показатели).

связано, по крайней мере, с двумя факторами — продолжающимся макроэкономическим спадом и кризисом неплатежей по заработной плате, пенсиям и пособиям. Финансово-экономический кризис в августе 1998 г. прервал тенденцию восстановительного роста доходов населения. Последствием дефолта снова стал одномоментный «скачок» потребительских цен, однако по итогам 1998 г. инфляция не носила столь галопирующего характера, как в 1992 г. В результате реальные доходы по итогам декабря 1998 г. упали в 1,4 раза (по отношению к 1991 г.). В целом последствия этого кризиса оказались не такими катастрофическими для экономики, как можно было ожидать летом и осенью 1998 г., и уже первый послекризисный 1999 г. сопровождался ростом ВВП. Тем не менее в реальном выражении восстановить уровень доходов 1991 г. удалось лишь в 2005 г.

Отметим, что, по мнению ряда независимых экспертов, падение доходов населения в 1990-х гг. было значительно более глубоким, чем демонстрируют данные официальной статистики (вставка 1.1).

Вставка 1.1. Альтернативные оценки динамики реальных денежных доходов в 1990-х

А.В. Суворов в работе «Доходы и потребление населения: макроэкономический анализ и прогнозирование» анализирует особенности методики расчета доходных показателей, используемой Госкомстатом (Суворов, 2001). Автор указывает на то, что до 1992 г. оценка общего объема денежных доходов строилась на основе прямого учета отдельных видов доходов и практически сплошного учета показателей расходов, сбережений, прироста наличных денег у населения, результатом чего являлся баланс доходов и расходов населения (БДР). С 1992 г. методика расчета общего объема денежных доходов изменилась из-за масштабного сокрытия доходов в условиях трансформирующейся экономики и в дальнейшем строится лишь на основе суммирования всех расходов и сбережений населения с дооценкой части товарооборота и платных услуг. Принципиальным моментом, указывает автор, является то, что расчеты общего объема денежных доходов по новой методологии произведены Госкомстатом только с 1992 г., а для сопоставимости с 1991 г. они некорректны и приводят к завышению реального уровня доходов. Так, по расчетам автора, уровень денежных доходов в 1996 и 1998 гг. по сравнению с 1991 г. составил соответственно 45,7 и 36% (по данным официальной статистики, представленным на рис. 1.1, он составил 54,2 и 42,6%).

Наиболее проблемной зоной стала заработная плата: рынок труда при сохранении высокой занятости населения подстраивался к кризисной ситуации за счет ценовой компоненты, то есть посредством поддержки сверхгибких механизмов оплаты труда (Капелюшников, 2001; Шевяков и Кирута, 2001; Суворов, 2001). На протяжении экономического спада 1991–1998 гг. все агенты рынка труда шли по пути «придерживания излишней рабочей силы» за счет резкого сокращения оплаты труда. Основными механизмами «зарплатной гибкости» стали изменение

переменной и особенно скрытой части заработной платы, задержки ее выплаты, а также отсутствие обязательной индексации заработной платы с учетом инфляции. Ответом российского рынка труда на рост ВВП в 1999–2007 гг. стал стремительный рост зарплаты при слабом увеличении численности занятых, что подтверждается динамикой **реальной оплаты труда** (рис. 1.1).

Необходимо отметить, что повышенная гибкость заработной платы при весьма устойчивом уровне занятости способствовала развитию нестандартных форм оплаты труда, выводящих ее за пределы статистического наблюдения. Проводимые Росстатом исследования по количественному измерению *скрытой заработной платы* позволили получить оценки масштабов данного явления. Согласно этим данным, в среднем около 40% фонда оплаты труда скрыто от статистического наблюдения. Но не вся скрытая от наблюдения заработная плата классифицируется как теневые доходы, поскольку из наблюдения исключены и все заработки работников, занятых на малых и средних предприятиях. Если принимать во внимание масштабы официальной занятости на предприятиях и в учреждениях данного типа и уровень официальной оплаты труда на них, то примерно половина нерегистрируемого фонда оплаты труда складывается в рамках непрозрачных трудовых отношений. При этом в процессы получения скрытых от наблюдения доходов в максимальной степени вовлечены 10% самых бедных и 10% самых богатых. Отметим, что специфика неформальных трудовых доходов заключается в том, что, с одной стороны, они в большей степени подвержены рискам сокращения в условиях кризиса, с другой стороны, они быстрее восстанавливаются и расширяются в кризисных ситуациях. Важно подчеркнуть, что неформальные доходы от занятости создают серьезные проблемы для формирования доходной части солидарной пенсионной системы. Как результат, в 2012 г. при среднегодовой численности занятых 71,6 млн чел. плательщиками взносов в Пенсионный фонд РФ являются только 46,6 млн чел.

Большую часть 1990-х, вплоть до кризиса 1998 г., приоритетом правительства была индексация пенсий. В результате материальное положение пенсионеров было относительно лучше, чем у других социальных групп. Ситуация изменилась после кризиса 1998 г. Начиная с этого момента рост реальной заработной платы начал обгонять рост **реальной пенсий**. Особенно драматичным это отставание стало после начала пенсионной реформы 2002 г. Соответственно, в период экономического роста 2000-х гг. благосостояние семей, основным источником которых выступают пенсии, стало ухудшаться относительно других групп, и прежде всего тех, чьи доходы преимущественно зависят от заработной платы.

В целом за период девяти «тучных» лет (1998–2007 гг.) средние душевые реальные денежные доходы в ценах 1991 г. выросли в 3 раза, и это при условии, что ВВП увеличился в 1,8 раза. Однако в 2008–2009 гг. Россия столкнулась с очередным экономическим кризисом, последствия, глубина и продолжительность которого непонятны до настоящего времени. В 2008 г. впервые с 1999 г. было зафиксировано падение реальных доходов (на 11%), хотя уже в

2009 г. оно было полностью компенсировано. Применительно к официальной заработной плате сокращения в реальном выражении не произошло, но наблюдалось существенное замедление темпов роста. Наиболее сильно от макроэкономического шока пострадала теневая часть зарплаты: на рис. 1.1 видно, что **реальная заработная плата с учетом скрытой оплаты труда** в 2008 г. также «провалилась» по сравнению с 2007 г.

Помимо возможных погрешностей в измерении доходов населения (с переоценкой в большую сторону), этот свидетельствует о том, что наблюдаемый рост доходов населения на этапе выхода из кризиса был во многом обусловлен ростом пенсий, значительно опережающим рост зарплаты. Ускоренный рост средней пенсии происходил в основном за счет нетрадиционных мер антикризисной программы 2009–2010 гг., реализуемой в преддверии парламентских и президентских выборов, в результате которых в целом за 2 года реальная пенсия увеличилась на 41%. Возможно, это помогло выиграть выборы и решить политические вопросы, но не позволило преодолеть проблемы пенсионного обеспечения: средние за 20 лет темпы роста пенсии находятся существенно ниже темпов роста заработной платы и доходов. Обращает на себя внимание тот факт, что, несмотря на четко просматриваемые периоды политики сдерживания и ускоренного роста средней пенсии, кривая динамики пенсии расположена рядом с кривой, описывающей изменения в реальной официальной заработной плате. И такая тенденция закономерна, т.к. именно официальная заработная плата лежит в основе доходной части солидарного пенсионного обеспечения. Если в дальнейшем мы не добьемся сближения численности занятых и плательщиков взносов в Пенсионный фонд РФ, мы не решим проблемы дефицита средств пенсионной системы, несмотря уже четырёхкратную попытку ее реформирования.

До сих пор мы оперировали лишь средними показателями доходов и можем резюмировать, что за все годы постсоветского развития мы наблюдаем увеличение среднего размера реальных душевых доходов в 1,5 раза, несмотря на их двукратное падение в результате структурных экономических реформ начала 1990-х гг. Однако правомерно ли распространять этот вывод на все население России? Предваряя более детальный анализ дифференциации доходов, представленный в главе 2 данного доклада, обратимся к **динамике роста доходов в разрезе 20% групп** (рис. 1.2). Описанная выше динамика средних доходов в реальном выражении наиболее близка к динамике доходов четвертого квинтиля. Домохозяйства из третьей квинтильной группы лишь к 2007 г. достигли уровня 1991 г., а домохозяйства из двух наиболее бедных квинтильных групп так и не смогли восстановить предреформенный уровень доходов. Пятый квинтиль (с самыми высокими доходами), напротив, значительно оторвался от остальных домохозяйств, нарастив доходы более чем в 2 раза.

Следующим важным источником информации о реализованных упущенных и потенциальных шансах развития представляется **структура денежных доходов**

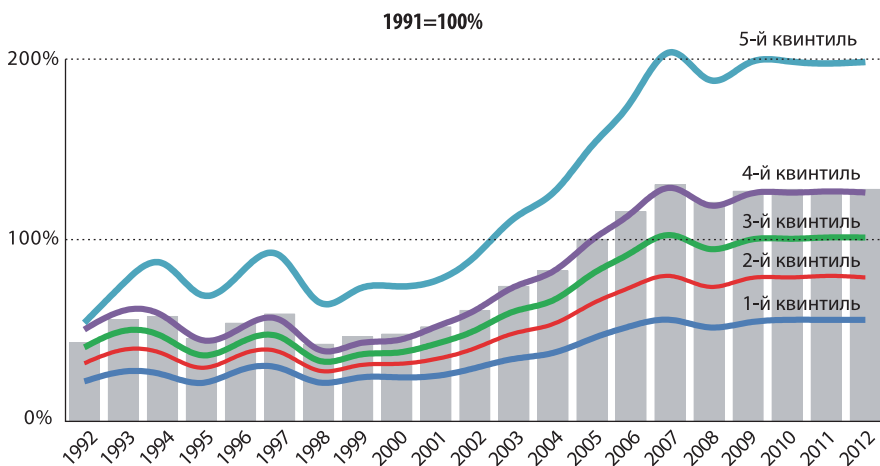

Рис. 1.2. Динамика реальных денежных доходов по 20%-м доходным группам, в процентах к 1991 г. в сопоставимых ценах

Источник: рассчитано по данным Росстата.

населения. В последние годы советского периода она в основном соответствовала стандартам стран, прошедших этап модернизационного индустриального развития, в которых доходы наемных работников являются главным источником (80% и более) денежных поступлений семей. Принципиальное отличие заключалось в отсутствии предпринимательских доходов и доходов от собственности, доля которых в общем объеме доходов уже в первые годы становления российской рыночной экономики поднялась до 20% (рис. 1.4). Доступ населения к данным источникам денежных поступлений стал главным позитивным эффектом рыночных преобразований и обеспечил, несмотря на более чем двукратное падение реальных доходов, лояльность населения к проводимым реформам.

Предпринимательская активность достигала своего максимума в начале рыночных реформ, когда доходы от этого вида деятельности стали составлять 16% от всех доходов населения. Именно эти источники доходов способствовали тому, что в начале периодов экономического подъема темпы роста доходов опережали рост заработной платы. К началу 2000-х новые рыночные виды доходов (предпринимательский доход и доходы от собственности) составляли пятую часть общего объема доходов. Однако на этапе экономического роста 2000-х наметилась тенденция сокращения их удельного веса, развивающаяся на фоне повышения значимости доходов от занятости. Это реакция на усиление прямого вмешательства государства в оперативное управление экономикой. Продолжая сокращаться и в период экономического кризиса, и на этапе стагнации в 2012 г., совокупная доля доходов от собственности и предпринимательской деятель-

ности достигала 13,8%. Снижение веса этих компонент в структуре доходов населения позволяет рассматривать 2000-е как период упущенных возможностей для активизации предпринимательской деятельности.

Согласно данным РМЭЗ-ВШЭ модели доходной обеспеченности, базирующиеся на новых, по сравнению с советским периодом, источниках денежных поступлений, доступны не более чем 8% российских домохозяйств, и за последние годы каких-либо значимых институциональных или экономических изменений, расширяющих их круг, не происходило. Этот результат свидетельствует о том, что есть потенциал роста среднего класса за счет преимущественно рыночных источников доходов населения, так как в развитых странах доходы от собственности и предпринимательской деятельности — значимый ресурс для 20–25% населения. Пока все усилия по содействию развитию предпринимательства не достигают желаемой цели.

Заработная плата наемных работников была и остается главным источником средств к существованию населения. Более высокие темпы роста средней заработной платы способствовали увеличению ее доли в структуре доходов населения: с 63% в 2000 г. до 68% в 2007 г. С 2008 г. доля зарплаты в доходах сокращалась. Отметим, что, хотя относительный вклад заработной платы в доходы населения продолжает до сих пор оставаться ниже постсоветского уровня, в совокупности трудовые доходы (заработная плата и доходы от пред-

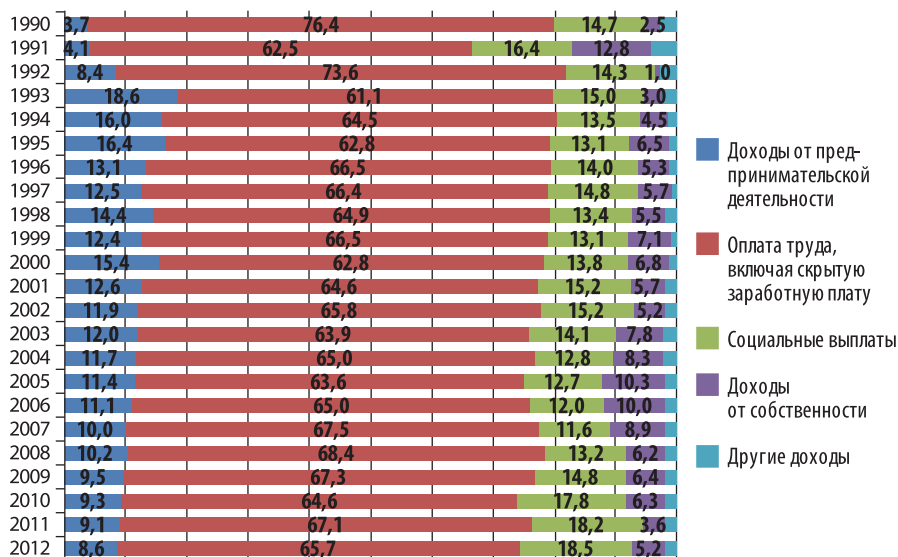

Рис. 1.3. Динамика структуры денежных доходов населения, в процентах

Источник: данные Росстата.

принимательства) в 2012 г. составили 74,3% всех денежных поступлений, приближаясь к значениям последних лет советского периода.

Подчеркнем изменения последних лет, проявившиеся в увеличении доли социальных трансфертов в структуре доходов населения (до 18–18,5% в 2010–2012 гг.) в связи с резким ростом пенсий. Даже в лучшие советские годы (1985 г.) доля социальных трансфертов не поднималась до такого уровня. Возрастающая доля пособий и пенсий — это реакция на высокое неравенство и попытка снизить его. Обязательства самые высокие за всю историю развития пенсионной системы, и это при условии, когда как минимум треть заработков не принимает участия в формировании пенсионных отчислений.

1.3. ДИНАМИКА УРОВНЯ И СТРУКТУРЫ РАСХОДОВ

Обозначенные выше тенденции роста реальных доходов населения за годы постсоветского развития показывают, что сектор домохозяйств стал обладать совсем другим объемом доходов, которые позволяют начать переход к новому стандарту потребления. Так ли это и подтверждается ли этот вывод данными о расходах российских домохозяйств? Сразу ответим, что действительно, с момента начала рыночных преобразований произошли существенные изменения в структуре потребления и, как следствие, стиле жизни. Они заметны при анализе статистики различного уровня, однако четче прослеживаются на микроданных, привязанных к отдельным домохозяйствам.

Так как уровень расходов населения в макростатистике отличается от доходов населения на балансирующий показатель суммы денег на руках у населения, размеры которого за последние 10 лет варьировались в пределах до 4%, динамика средних расходов населения на макроуровне, по сути, повторяет динамику доходов, рассмотренную в предыдущем разделе. В этой связи не будем останавливаться на детальном освещении изменений по уровню реальных расходов, но обратимся к альтернативному индикатору потребления населения — стоимостному измерению **объема розничной торговли и платных услуг, предоставляемых населению**. Розничная торговля в статистике наблюдается в двух составляющих, по *продовольственным* и *непродовольственным* товарам, сумма которых равна 100%. Важно отметить, что доля продовольственных товаров за годы постсоветского периода колебалась в интервале 42–48%. Приведение макропоказателей к ценам 1990 г. по ИПЦ позволяет проследить их динамику за годы постсоветского развития (рис. 1.4). В 1992 г. падение рассматриваемых показателей оборота торговли и платных услуг населению достигло «дна»: сильнее всего снизился объем предоставляемых

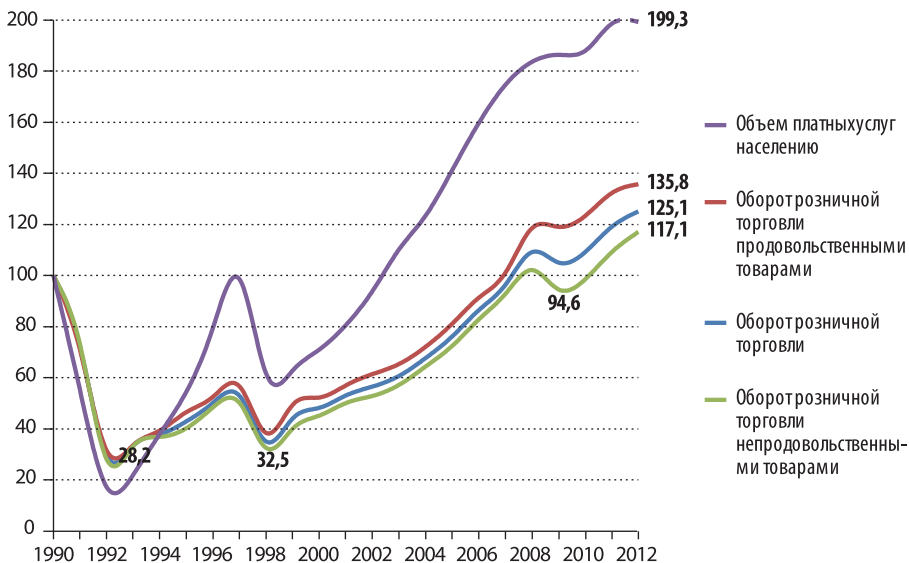

Рис. 1.4. Динамика оборота розничной торговли и платных услуг населению, в процентах к 1990 г. в сопоставимых ценах

Источник: рассчитано по данным Росстата.

населению услуг — до 17,2% от уровня 1990 г., в то время как объем розничной торговли продовольственными товарами сократился до 31,6%, а непродовольственными товарами — до 28,2%. Далее до 1997 г. год от года наблюдалась устойчивая положительная динамика, особенно интенсивная для объема услуг населению, достигшего почти 100% от стартового уровня.

Кризис 1998 г. обрушил оборот платных услуг до отметки 62%, а розничную торговлю — с 53 до 35% от уровня 1990 г., и на восстановление ушло 4 года. Далее происходил интенсивный рост объема розничной торговли продовольственными и непродовольственными товарами, в результате которого к 2007–2008 гг. мы наблюдаем достижение уровня стартового 1990 г. в розничной торговле. Объем услуг рос гораздо быстрее, перешагнув через этот рубеж еще в 2003 г. В кризисный 2009 г. оборот розничной торговли снизился за счет падения расходов на непродовольственные товары, поскольку объем продаж продуктов питания продолжал расти, но низкими темпами. Услуги населению росли медленными темпами в 2009–2010 гг., но в дальнейшем ускорились, и к 2012 г. их объем в реальном выражении удвоился по сравнению с 1990 г., в то время как розничный товарооборот вырос только на 25%.

Настораживает то, что темпы роста продовольственного товарооборота растут быстрее, чем объемы розничной торговли непродовольственными това-

рами. Но тот факт, что это происходит на фоне сокращения объемов потребления из личного подсобного хозяйства, свидетельствует о формировании более современной потребительской модели. В первые годы постсоветского развития личное подсобное хозяйство стало важным ресурсом выживания для многих российских домохозяйств. Возвращаясь к вопросу о поиске новой потребительской модели, можно констатировать явное смещение потребления в сторону услуг, которое косвенно подтверждает движение по пути от модели выживания к модели устойчивого развития, в рамках которой есть маневр для инвестиций в образование и здоровье, что формирует совсем другое качество человеческого капитала.

Взгляд на **структуру денежных расходов населения** через призму укрупненных агрегированных видов расходов показывает, как изменилось финансовое и потребительское поведение домохозяйств. Прежде всего за годы постсоветского развития в структуре расходов появились новые статьи, такие как приобретение недвижимости, покупка ценных бумаг, иностранной валюты, изменение средств на счетах индивидуальных предпринимателей, задолженности по кредитам. Вместе с приростом (уменьшением) вкладов на счетах граждан и денег на руках у населения, которые были и в советское время, данные статьи расходов сегодня составляют около 15% расходов населения. Доля обя-

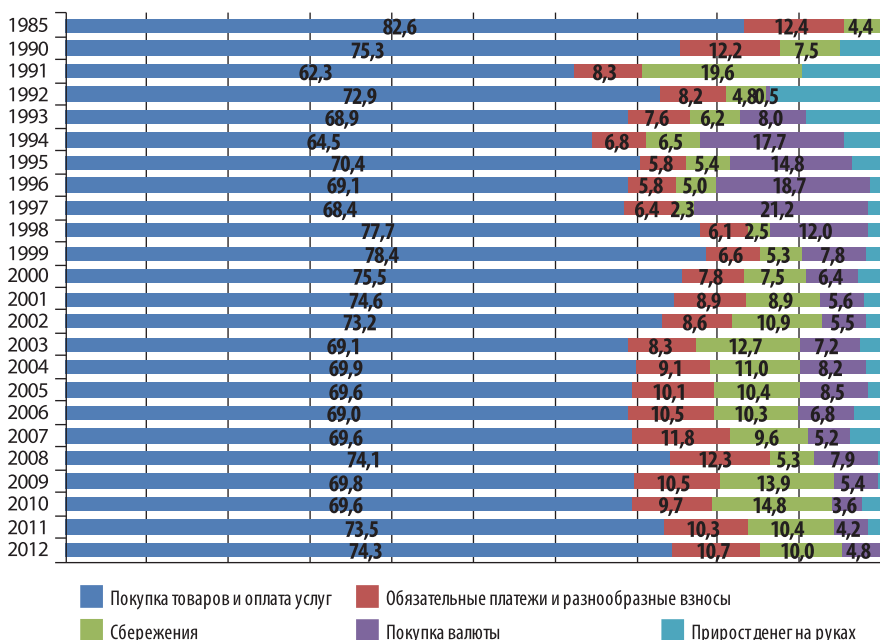

Рис. 1.5. Динамика структуры использования денежных доходов населения, в процентах

Источник: данные Росстата.

зательных платежей и взносов в расходах населения снижалась до 1997 г. и начала расти после 2000 г. за счет развития ипотечного и потребительского кредитования, достигнув максимума в 2008 г. Последующий кризис приостановил этот процесс, особенно в части ипотеки, но уже через два года тенденция изменилась, что подтверждают и данные по объему ипотечного кредитования. Институты ипотеки очень медленно развивались первые пять лет, и за 2006 год, по данным Агентства по ипотечному жилищному кредитованию, было выдано кредитов на сумму 263,6 млрд руб. Последующий бурный рост до 655,8 млрд руб. в 2008 г. был приостановлен кризисом (в 2009 г. данный показатель снизился до 152 млрд руб.), однако за следующие четыре года объем выданных ипотечных кредитов вырос в 9 раз достигнув 1353,6 млрд руб. в 2013 г. В настоящее время четверть сделок на рынке жилья осуществляется с ипотекой, что подтверждает массовый характер новой модели решения жилищной проблемы. Доля расходов населения на покупку товаров и оплату услуг по сравнению с 1980-ми сократилась очень существенно: с 83% в 1985 г. до уровня 70% в спокойные 2000-е. Однако динамика этой компоненты расходов очень чувствительна к экономическим кризисам — в такие периоды ее вес возрастал до 74–75%. В 2011–2012 гг. мы, по сути, наблюдаем структуру расходов, аналогичную 1990 г., правда, теперь речь идет об объеме расходов, который в сопоставимых ценах в 1,5 раза выше.

Сбережения, расходы на покупку валюты и прирост наличных денег на руках — это финансовые активы домохозяйств. Макроэкономические данные баланса денежных доходов и расходов (БДР) свидетельствуют об опережающем, по сравнению с доходами, росте объемов сбережений населения за 1999–2010 гг. — в 6,7 раза в постоянных ценах стартового года (по ИПЦ), банковская статистика показывает рост объема вкладов физических лиц в реальном выражении в 9,7 раза за 1999–2011 гг. Помимо выхода на рынок купли-продажи жилья за последние 20 лет население прошло через дефолт по советским сбережениям, участие в финансовых пирамидах в начале 1990-х гг., массовую включенность в валютные операции и накопление опыта потребительского кредитования. Накануне кризисного 1992 года был зафиксирован самый низкий за анализируемый период уровень расходов на оплату товаров и услуг (62,3%) и самая высокая доля использования денежных доходов на финансовые активы (29,4%) в виде сбережений (19,6%) и наличных денег на руках (9,8%). Повышенная склонность к сбережениям в первую очередь была обусловлена дефицитом товаров и услуг. Далее либерализация цен и дефолт по советским сбережениям повлекли за собой резкий рост доли расходов на товары и услуги и отказ от рублевых сбережений, что привело к снижению расходов на финансовые активы до 18,9%. Остановим внимание на том, что относительные расходы на товары и услуги всякий раз повышались в годы кризиса, а затем наблюдалась тенденция к снижению. Несколько иную ситуацию мы наблюдаем в настоящий момент: значимо повысившись в кризисном 2008, она снижалась два последую-

Рис. 1.6. Динамика структуры потребительских расходов населения, в процентах

Источник: рассчитано по данным Росстата.

щих года, но в 2011–2012 гг. опять выросла. Население перебрало 5% своих доходов на текущее потребление и покупку валюты, снизив доверие к сбережениям во вкладах. Это означает, что население, не находя надежных инструментов для организованных сбережений, наращивает потребление.

История массового участия в валютнообменных операциях начинается с 1993 г., когда на покупку валюты сектор домохозяйств направляет 8% доходов, а к 1997 г. на эти цели направляется уже 21,2% от всех доходов домохозяйств. Население диверсифицирует ресурсы между тремя обозначенными формами финансовой активности, но приоритетной является покупка валюты. Все меньшее предпочтение отдается наличным рублям, но начиная с 2000 г. приоритетным становится формирование сбережений во вкладах и ценных бумагах.

Структура потребительских расходов населения¹ также существенно изменилась (рис. 1.6). В этом отношении одним из важнейших маркеров является динамика доли расходов на питание: чем она выше, тем ниже материальный достаток и наоборот (Deaton, 1997). И этот вывод подтверждают представленные данные: во все кризисные годы происходило повышение доли расходов на питание, а в периоды подъема наблюдается ее сокращение.

¹ Потребительские расходы являются частью денежных расходов, направленных на приобретение потребительских товаров и услуг.

Накануне рыночных реформ доля расходов на питание (по показателю «расходы на покупку продуктов для домашнего питания и питания вне дома») составляла 36,1%, а к 1999 г. она поднялась до 53,7%. К 2012 г. она снизилась до 31,4%. Таким образом, структурные изменения расходов также подтверждают факт достижения уровня жизни более высоких стандартов, но по данному индикатору мы все еще существенно отстаем от стран Европы, где доля расходов на питание составляет не более 20% (EUROSTAT, 2013).

Сокращение доли расходов на питание, как правило, сопровождается ростом *доли расходов на непродовольственные товары* и наоборот. Среди расходов на непродовольственные товары наиболее заметно выросли расходы на транспортные средства и топливо, медицинские изделия и предметы личной гигиены (таблица П1). Но самое большое изменение — это снижение доли расходов домашних хозяйств на одежду, обувь, белье и ткани с 26% до 10%, которые по большому счету входят в стандарт выживание. Снижение их удельного веса также указывает на качественные изменения в потребительском стандарте.

Наконец, главная тенденция — значительный рост *доли расходов на оплату услуг* (с 14,9% в 1997 г. до более чем четверти общего объема расходов в 2006–2012 гг.). Этот показатель продолжал расти и в период стагнации: по отношению к дореформенному периоду (1990 г.) расходы населения на услуги выросли в 2 раза, по отношению к 1991 г. — в 3 раза.

Основной локомотив роста расходов на услуги — это *жилищно-коммунальные платежи*, в начале 1990-х «схлопнувшиеся» до чисто символических 0,7%, а сегодня составляющие почти 10% потребительских расходов домохозяйств. Вторая отличительная черта нашего времени — высокая развитость и распространенность *услуг связи*, за которые население платит. *Медицинские услуги*, бесплатные на заре постсоветского периода, теперь составляют 1,5% потребительских расходов, а доля расходов на *услуги в системе образования* формально не изменилась (1,5%, как и в 1991 г.). Однако 20 лет назад они целиком состояли из расходов на услуги только дошкольного образования, а теперь платность есть на всех уровнях системы образования. Также можно отметить возросшую долю расходов на *оплату услуг учреждений культуры*. Следует отметить и небольшой рост расходов домашних хозяйств на услуги пассажирского транспорта, но если сюда же включить вышеупомянутое увеличение расходов на топливо (до 3%), на ремонт и покупку транспортных средств, то совокупный рост расходов населения на транспорт за последние 20 лет составит более 10%.

Более подробно остановимся на анализе динамики различий в потреблении более обеспеченных слоев населения. Для репрезентативности, обратимся к базе данных ОБДХ, а в качестве контрольной группы возьмем 8-ю децильную группу распределения по доходам. Наш выбор обусловлен тем, что в данных ОБДХ покупки товаров длительного пользования и движимого имущества городскими семьями концентрируются в 10-м дециле, а сельскими — в 9-м дециле. Если речь идет о текущих расходах, то наиболее устойчивую картину

потребления казывает именно 8-я децильная группа. Более того, именно эта доходная группа по текущему потребительскому поведению может рассматриваться как контрольная группа для оценки потребительского поведения среднего класса. При выборе методологии анализа, нам приходилось идти на компромиссы, обусловленные изменениями в агрегировании потребительских расходов, возникающие в связи с переходом Росстата на новые методологические принципы: с одной стороны, хотелось сохранить более длинный период для ретроспективного анализа, с другой — нужно было добиться сопоставимости данных. В условиях таких ограничений было принято решение перейти к анализу структуры потребительских расходов за период с 2000 по 2011 гг., отличающийся максимальными изменениями в потребительском поведении.

Данные таблицы 1.1 показывают, что в модели потребления 8-го дециля существенно — практически на треть — сократилась доля расходов на пита-

Таблица 1.1. Структура потребительских расходов контрольной децильной группы для среднего класса, 8-я децильная группа, %

Структура потребительских расходов, 8-я децильная группа	2000 г.	2011 г.
Потребительские расходы	100	100
– продукты питания и безалкогольные напитки	46,1	28,3
– одежда и обувь	17,4	11,5
– жилищные услуги, вода, электроэнергия, газ и другие виды топлива	5,9	11,3
– расходы на покупку непродовольственных товаров	35,1	—
– здравоохранение, в т.ч.	—	4,6
медикаменты, мед. оборудование	-	1,9
амбулаторные услуги и услуги стационаров	0,6	2,7
– транспорт, в т.ч.	—	11,4
покупка транспортных средств	1,3	2,1
эксплуатация транспортных средств	—	6,1
транспортные услуги	2,6	3,1
– связь	1,1	3,8
– отдых и культурные мероприятия	3,7	7,5
– образование	1,3	1,5
– гостиницы, кафе и рестораны, в т.ч.	—	3,4
общественное питание	2,1	3,3
– другие товары и услуги	—	8,9

Источник: рассчитано по данным Росстата (ОБДХ).

ние (при росте расходов на питание вне дома), упала доля расходов на одежду и обувь. С другой стороны, практически в 2 раза выросли расходы на оплату жилищно-коммунальных услуг. Потребление сместилось в сторону расходов на культуру и отдых, на связь, на покупку и эксплуатацию транспортных средств. Очевидно, данная группа населения миновала период доминирования стандарта жизни бедных и находится на этапе формирования новой потребительской модели, характерной для среднего класса.

1.4. ФИНАНСОВОЕ ПОВЕДЕНИЕ ДОМАШНИХ ХОЗЯЙСТВ

Рассуждая об изменении потребительского стандарта, мы не можем оставить без внимания вопрос о включенности отдельных домашних хозяйств в сберегательное поведение и потребительское кредитование. Ответ на него можно получить только с помощью микроданных, и в данном случае будут использоваться три волны обследования РидМиЖ за 2004, 2007 и 2011 гг. Макроэкономические характеристики масштаба использования денежных доходов на формирование сбережений в трех временных точках опроса представлены на рис. 1.5. Относительно кредитного поведения отметим увеличение **объемов задолженности населения по кредитам** с 1,5 трлн руб. в 2004 г. до 3,8 трлн руб. в 2007 г. и до 9,8 трлн руб. в 2011 г. Согласно вопросу «Если сравнить доходы Вашего домохозяйства и его расходы, скажите, как правило, у Вашего домохозяйства остаются деньги, которые Вы могли бы отложить, сберечь?», доля сберегателей среди домашних хозяйств выросла с 30,5% в 2004 г. до 36,8% в 2011 г.

Социологические опросы позволяют проанализировать специфику сберегательного поведения отдельных групп домашних хозяйств. Доля домашних хозяйств, которые могут откладывать часть своего дохода, устойчиво увеличивается с размером населенного пункта. Следует отметить, что в первой точке наблюдения доля сберегателей в сельской местности была в полтора раза ниже, чем в среднем, а к 2011 г. этот разрыв между сельским и городским населением сократился. Семьи с высоким доходом всегда с большей вероятностью имеют возможность делать сбережения, но за 7 лет ощутимо выросла доля сберегателей в двух нижних квинтильных группах по душевому доходу, вследствие чего различия в доле сберегателей первой и пятой квинтильных групп сократились с шести раз в 2004 г. до четырех раз в 2011 г. В верхних квинтильных группах доля сберегателей меняется слабо: среди домохозяйств пятого квинтиля (с самыми высокими доходами) 53–59%

домашних хозяйств могут откладывать часть своих доходов, и, видимо, отметка в 60% является верхним пределом роста доли сберегателей при положительно складывающихся экономических условиях в обозримом будущем. Одним из факторов роста доли сберегателей является рост пенсий: домашние хозяйства, доход которых формируется в основном за счет пенсии, в 2 раза увеличили представительство среди тех, кто может откладывать часть дохода, и теперь по этому показателю не отличаются от выборки в целом. При движении семьи по этапам жизненного цикла склонность к сбережениям имеет U-образный характер. На ранних стадиях (одиночки с родителями и живущие отдельно, а также бездетные пары, в которых женщина моложе 46 лет) 40–43% семей имеют возможность часть дохода откладывать, по данным за 2011 г., в предыдущих волнах процент таковых составлял 35–45%. Далее, с появлением детей, возможности откладывать часть доходов сужаются, и самая низкая доля сберегателей наблюдается в семьях с детьми старше 18 лет и в неполных семьях с детьми (29%). Далее, по мере взросления семьи, шансы сберечь часть доходов увеличиваются до 39% для одиночек и 47% для супружеских пар, в которых женщина старше 46 лет. Одиночки старше 60 лет показали очень хорошую динамику доли сберегателей за прошедшие годы (рост с 19% в 2004 г. до 39,4% в 2011 г.).

Опыт участия в потребительском кредитовании¹ сегодня имеют 48,9% домашних хозяйств, в то время как в 2007 г. таковых было лишь 37,4%. Около 20% домашних хозяйств сегодня платят по кредитам, и эта цифра почти не различается по типам населенных пунктов. Больше всего плательщиков по кредитам концентрируется в пятом (верхнем) квинтиле распределения доходов. За ним следует второй квинтиль, и здесь, скорее всего, речь идет о мелких потребительских кредитах, компенсирующих нехватку доходов на текущее потребление. Потребительское кредитование проявляется как стратегия финансовой активности семей на ранних стадиях жизненного цикла. Максимальна доля текущих заемщиков в группе молодых супружеских пар без детей, что позволяет утверждать, что именно на этой стадии жизненного цикла домашние хозяйства самым активным образом включаются в кредитование. Согласно текущим и уже выплаченным кредитам наиболее опытные в этой сфере полные семьи с детьми дошкольного и школьного возраста.

По сочетанию двух видов финансовой активности (сберегательной и кредитной) домашние хозяйства делятся на четыре группы (рис. 1.7), изменение численности которых позволяет заключить следующее.

¹ В 2011 г. были расширены временные рамки вопроса: в 2007 г. был задан вопрос об участии в кредитовании за последние три года, а в 2011 г. вопрос звучит в формулировке «Начиная с 2000 года Вы покупали что-нибудь в кредит?...». С точностью до этих оговорок анкеты двух волн сопоставимы.

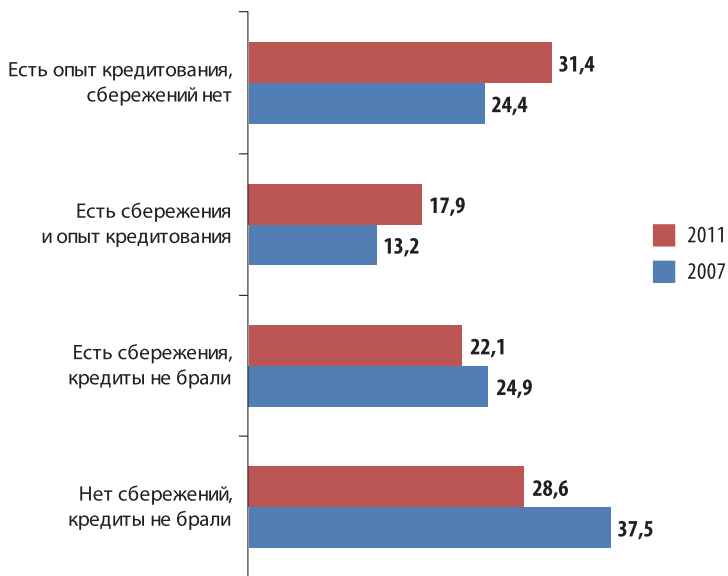

Рис. 1.7. Финансовая активность домашних хозяйств в 2007 и 2011 гг.

Источник: рассчитано по данным обследования РидМиЖ.

- Самая *активная* часть семей — те, у кого есть опыт участия в потребительском кредитовании и имеются сбережения, сегодня составляет 18% домашних хозяйств, тогда как четыре года назад их было 13%.
- Доля *чистых сберегателей* сократилась с 25 до 22% за 2007–2011 гг.
- Доля *чистых заемщиков* потребительских кредитов, не имеющих сбережений, увеличилась с 24 до 31%, и теперь это самый большой сектор распределения.
- *Пассивные участники*, группа семей, которые никак не включены в область финансовой активности, будучи самой многочисленной (более 37%) в 2007 г., сегодня составляет только 29% выборки.

Таким образом, в последнее время наблюдается выравнивание распределения семей по участию в финансовой активности.

Высокая финансовая пассивность, когда у домашнего хозяйства нет ни сбережений, ни кредитов, присуща одиночкам. Так было в 2007 г., так происходит и в 2011 г., и, возможно, причина здесь кроется не в стадии жизненного цикла, а в одиночестве респондента. Вместе с тем пик финансовой активности происходит на ранней стадии семейной жизни: молодые пары без детей чаще остальных имеют опыт сберегателей и заемщиков. С рождением детей семьи с повышенной вероятностью остаются без сбережений, но с опытом участия в

кредитовании. Пары, в которых женщина старше 46 лет, живущие без детей («родительский дом — пустое гнездо»), отличаются от остальных чисто сберегательной стратегией финансового поведения (35%), хотя бесспорными лидерами по доле «чистых сберегателей» являются пожилые одиночки (50%).

Необходимо сказать, что финансовая активность домашних хозяйств очень сильно меняется при переходе от низшего класса к высшему: растет доля финансово активных домашних хозяйств, имеющих и сбережения, и опыт кредитования, и заметно сокращается доля финансово пассивных семей. Чисто кредитная стратегия финансового поведения чаще характерна для классов ниже среднего, а средний класс, кроме лидерства по смешанной стратегии, чаще остальных применяет и чисто сберегательную стратегию.

Исследование материальной обеспеченности и финансового поведения домашних хозяйств, проведенное Росстатом на данных ОБДХ, дает еще один ракурс сопоставления характеристик уровня жизни домашних хозяйств (Росстат, 2012). Задолженность перед банками по кредиту, ссуде в 2011 г. имеют 14,2% малоимущих домашних хозяйств (12,2% в 2009 г.), в то время как среди семей с располагаемыми ресурсами выше уровня прожиточного минимума таких в два раз больше, 27,4%.

1.5. ОСНОВНЫЕ ТЕНДЕНЦИИ ДИНАМИКИ МОНЕТАРНЫХ ПОКАЗАТЕЛЕЙ БЛАГОСОСТОЯНИЯ

- Согласно макроэкономическим данным, за период 1991–2012 гг. реальные доходы населения выросли в 1,54 раза (в том числе за период с 1999 г. по 2012 г. — в 3 раза). В 2008 г. на макроэкономическом уровне произошло снижение реальных доходов, хотя его масштабы несопоставимы с теми, что наблюдались в 1990-е гг.
- Представители двух верхних квинтилей душевого дохода восстановили уровень доходов 1991 г. уже в 2005 г., третий квинтиль перешагнул этот порог в 2007 г., однако представители двух нижних квинтилей (или 40% населения) не смогли восстановить доходы дореформенного периода даже к 2012 г.
- Самыми медленными темпами восстанавливался реальный размер средней пенсии: достичь дореформенного уровня удалось лишь в 2010 г. Однако в результате активной государственной политики в период последнего кризиса пенсии росли быстрее, чем заработная плата, что и послужило основным фактором быстрого восстановления доходов населения.

- К середине 2000-х гг. в структуре денежных доходов удельный вес таких рыночных видов доходов населения, как предпринимательский доход и доходы от собственности, увеличился в 3,5 раза по сравнению с периодом начала масштабных экономических трансформаций (1990 г.). Однако во второй половине 2000-х гг. вес этих источников стал сокращаться на фоне роста доли социальных трансфертов, которые к 2011–2012 гг. достигли пятой части общего объема доходов. Это реакция на усиление прямого вмешательства государства в оперативное управление экономикой.
- Заработная плата с учетом скрытых от статистического наблюдения форм оплаты труда вернулась к уровню 1991 г. в 2007 г., а без учета скрытых источников — лишь в 2010 г. В значительной степени это обусловлено широкой распространенностью низкооплачиваемой занятости, в формальной и неформальной экономике.
- Данные об уровне расходов и потреблении фиксируют тенденции, аналогичные динамике доходных показателей. Согласно макроэкономической статистике объемы розничной торговли в период 1990–2012 гг. выросли в 1,25 раза, в том числе оборот продовольственных товаров — в 1,35, оборот непродовольственных товаров — в 1,17 раза. Объем платных услуг населению вырос в 2 раза.
- Значительные изменения произошли в структуре потребительских расходов домохозяйств: сократилась доля расходов на питание и непродовольственные товары и в два раза увеличился удельный вес расходов на услуги. На фоне снижения непродовольственных расходов на товары наблюдается рост расходов на покупку транспорта и средств коммуникации. Двукратный рост расходов на услуги обусловлен динамикой стоимости и объема потребления жилищно-коммунальных услуг, развитием платных услуг в образовании и здравоохранении, увеличением объемов потребления услуг связи и в сфере досуга и отдыха.
- Макроэкономические данные свидетельствуют о том, что объем сбережений рос более высокими темпами, чем доходы: за 1999–2010 гг. объем сбережений в реальном выражении вырос в 6,7 раза, тогда как реальные доходы — всего в 2,9 раза. Анализ как структуры использования доходов, так и финансового поведения домашних хозяйств указывает на существенный прорыв в части сберегательной и кредитной активности населения. Более того, динамика финансового и потребительского поведения позволяет сделать вывод о том, что сектор домохозяйств вполне грамотно и рационально реагирует на кризисные шоки, институциональные риски и новые возможности.
- В совокупности изменения в доходах, расходах, потреблении и финансовом поведении указывают на существенное продвижение от стандарта уровня и качества жизни, основанного на стратегии выживания, в сторону модели с возможностями для устойчивого развития.

ГЛАВА 2. ДИНАМИКА УРОВНЯ И ФАКТОРОВ НЕРАВЕНСТВА В РОССИИ

2.1. ПОДХОДЫ К АНАЛИЗУ ЭКОНОМИЧЕСКОГО НЕРАВЕНСТВА

Дифференциация населения по уровню благосостояния является частью экономической реальности любого общества. Она постоянно находится в поле зрения исследователей и периодически становится предметом острых социально-политических дискуссий. Исследователи рассматривают рост неравенства доходов¹ как один из главных социально-экономических рисков, порождаемых глобализацией (Firebaugh, 2003; Firebaugh and Goesling, 2011; Grusky and Kricheli-Katz, 2013).

Особое значение проблема неравенства приобрела в связи с рыночной трансформацией постсоциалистических стран, включая Россию, в которых «исходным пунктом» преобразований была централизованная плановая экономика. Особенностью трансформационного процесса стал резкий рост дифференциации доходов. В конце 1980-х Россия наряду со Скандинавскими странами входила в группу стран с низким уровнем дифференциации доходов (OECD, 2008). В начале переходного периода в России на фоне рецессии, как во всех постсоветских и большинстве восточноевропейских экономик, произошел скачкообразный рост неравенства, в результате которого она по показателям дифференциации доходов стала сопоставима с экономиками США и Латинской Америки (вставка 2.1).

Вставка 2.1. Показатели неравенства в России и странах ОЭСР

Представленные на рис. 1 оценки роста неравенства доходов для стран ОЭСР указывают на то, что в период середины 1980-х — середины 2000-х гг. неравенство значительно выросло почти во всех странах ОЭСР. Рост дифференциации в России оказался гораздо более значительным, чем в других странах Восточной Европы с переходной экономикой. Например, в Венгрии коэффициент Джини за 20 лет, начиная с середины

¹ Далее по тексту термины «дифференциация» и «неравенство» употребляются как синонимы. Во всех случаях речь идет исключительно о монетарных показателях экономического благосостояния — доходах или расходах.

1980-х, вырос на 0,018 пункта, в то время как в России за аналогичный период он вырос на 0,149 пункта, хотя неравенство в России в преддверии реформ было ниже. На данный момент уровень неравенства в России выше, чем во всех странах Евросоюза и ОЭСР, и сопоставим с показателями Турции и Мексики (рис. 2).

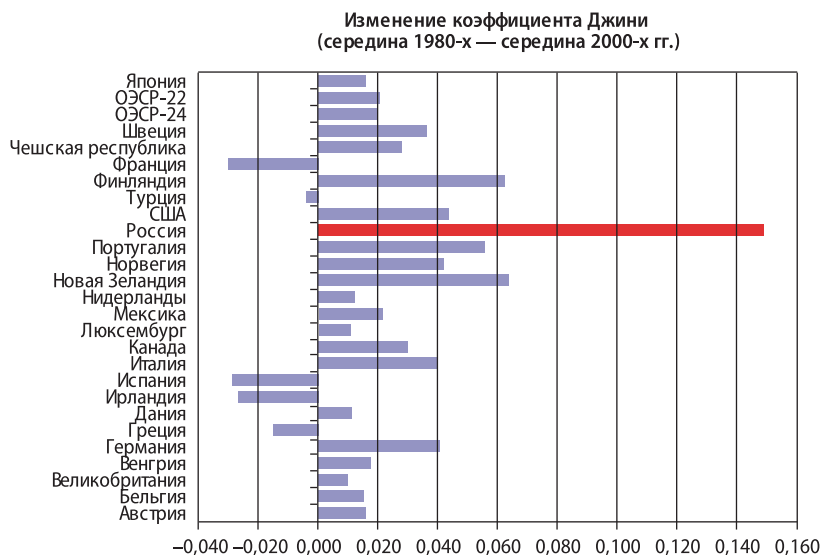

Рис. 1. Динамика доходного неравенства (коэффициента Джини) в странах ОЭСР и России

Примечание. Коэффициент Джини для России взят из официальной статистики, рассчитывается на основе показателя душевых денежных доходов. Для стран ОЭСР коэффициенты рассчитаны на основе показателей доходов с применением шкалы эквивалентности с коэффициентом эластичности 0.5. Показатель середины 1980-х равен показателю 1990 г.

Источник: данные Росстата и отчета OECD (2008) Growing unequal Income Distribution and Poverty in OECD countries.

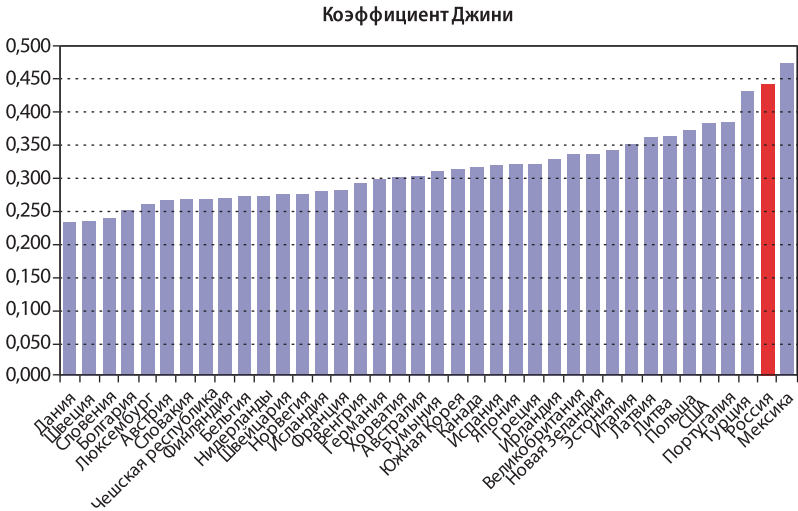

Рис. 2. Коэффициент Джини в середине 2000-х гг.

Примечание. Страны ранжированы в порядке возрастания значения коэффициента Джини. Данные показывают картину на середину 2000-х гг. по всем странам (для Японии и Швейцарии данные за 2000 г.). Рассчитаны по показателю располагаемого дохода, скорректированного с помощью шкалы эквивалентности с коэффициентом эластичности 0,5. Для России — расчеты на основе данных РМЭЗ за 2005 г. (показатель денежных расходов, скорректированный с помощью аналогичной шкалы эквивалентности).

Источник: для России — авторские расчеты по данным РМЭЗ; для Болгарии, Румынии, Эстонии, Латвии, Литвы, Хорватии и Словении — данные Евростата, для остальных стран — данные ОЭСР (OECD, 2008).

Вопреки прогнозам о том, что неравенство в России снизится, когда начнется экономический рост, данные официальной российской статистики фиксировали дальнейшее нарастание дифференциации в период 2000-х гг. на фоне благоприятной макроэкономической конъюнктуры. Включенность российской экономики в глобальную экономику, а также отсутствие в России эффективной экономической и социальной политики, направленной на перераспределение доходов населения и регулирование их дифференциации, создали предпосылки для дальнейшего усиления неравенства в период экономического роста. В 2008–2009 гг. мы имеем дело с началом масштабного мирового экономического, структурного и финансового кризиса, продолжительность и последствия которого пока непонятны.

Действенность перераспределительной политики во многом зависит от полноты и адекватности представлений о природе и факторах неравенства. Эти факторы формируются на разных экономических уровнях. На макроэконо-

мическом уровне неравенство доходов является результатом неравенства в оплате труда и предпринимаемых государством мер по его регулированию. На микроэкономическом уровне факторами неравенства являются характеристики самих домохозяйств — демографические и социально-экономические (иждивенческая нагрузка, уровень образования, статус занятости и пр.), а также особенности внешней экономической среды в месте проживания (регион, тип поселения). Анализ указанных характеристик и оценка их влияния на дифференциацию благосостояния позволяют определить основные микроэкономические контуры неравенства. На этой основе путем сравнительных исследований можно установить его проявления, с одной стороны, типичные для любой рыночной экономики, с другой — специфические для российской экономики на разных этапах экономического цикла.

Далее будут рассмотрены основные тенденции в изменении уровня и факторов неравенства за последние 20 лет, по данным официальной макростатистики и по оценкам на основе микроданных.

2.2. ДИНАМИКА НЕРАВЕНСТВА ДОХОДОВ В РОССИИ

Становление рыночных отношений в России сопровождалось стремительным ростом неравенства в распределении доходов. Очевидно, что переход от плановой экономики к рынку должен был привести к росту дифференциации доходов, поскольку разрушились идеологические барьеры сдерживания материального неравенства. Значение *коэффициента Джини*¹ в 1992 г. выросло на 11%, а в 1993–1994 г. более чем на треть по сравнению с показателем 1991 г. (рис. 2.1). В таблице П2 дополнительно представлена динамика и других показателей, рассчитываемых Росстатом: *коэффициента фондов*² и *распределения объема доходов по 20%-м доходным группам*. Все они демонстрируют, что масштаб произошедших изменений был колоссальным. Фондовый коэффициент увеличился с 4,5 раз в 1991 г. до восьми раз в 1992 г. и до 15 раз к 1994 г.

¹ Коэффициент Джини рассчитывается как среднее отклонение каждой доходной единицы в выборке от всех остальных доходных единиц, выраженное в отношении к среднему доходу. Индекс принимает значения от 0 до 1 (0 в случае абсолютного равенства в распределении доходов, 1 — в случае абсолютного неравенства). Возрастание значения индекса Джини указывает на рост неравенства.

² Коэффициент фондов представляет собой соотношение средних значений доходов в границах верхнего дециля (с самыми высокими доходами) и нижнего дециля (с самыми низкими доходами). Коэффициент фондов показывает, во сколько раз доход 10% самого богатого населения в среднем больше, чем доход 10% самого бедного населения.

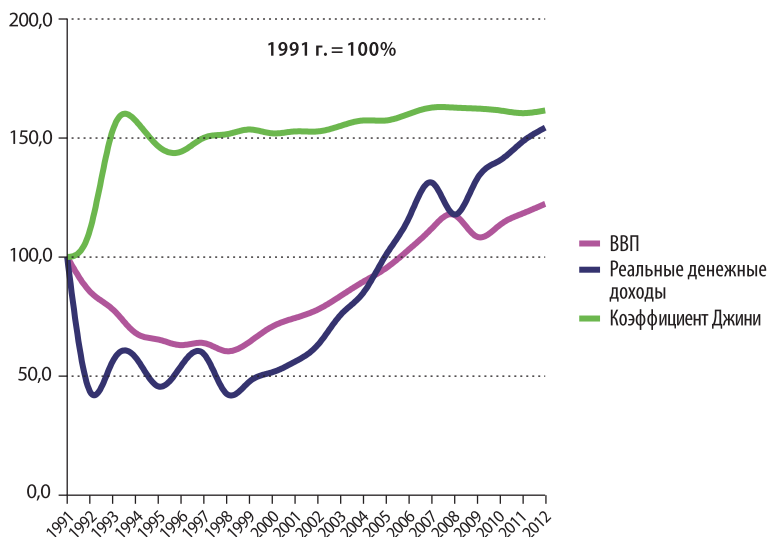

Рис. 2.1. Динамика ВВП, реальных доходов населения и коэффициента Джини в России, в процентах к 1991 г. в сопоставимых ценах

Примечание. Данные о доходах за декабрь соответствующего года.

Источник: рассчитано по данным Росстата.

Доля дохода, приходящегося на первый квинтиль, снизилась с 12% в 1991 г. до 6% в 1992 г. и до 5,3% в 1994 г.

Следует отметить, что методика моделирования распределения домашних хозяйств по доходам, используемая Росстатом, является дискуссионной, и многие независимые исследователи считают и аргументированно доказывают, что публикуемые официальной статистикой значения фондового коэффициента и других оценок неравенства являются существенно заниженными (вставка 2.2).

Вставка 2.2. Альтернативные оценки неравенства в распределении доходов в России

Как известно, в настоящее время источником определения неравенства доходов российского населения служат данные ОБДХ, проводимого Росстатом. Выборка ОБДХ, по разным оценкам, репрезентирует от 80 до 97% российского населения. Из выборки выпадают «крайние» слои населения: как самая бедная и социально уязвимая часть населения (бомжи, беженцы, вынужденные переселенцы и пр.), так и самые богатые. Для корректировки этого факта ФСГС проводит дооценку денежных

доходов (примерно на 20% в соответствии с данными о розничном товарообороте) на основе ряда распределения, выровненного по двухпараметрической логнормальной модели. До 1992 г. методика построения распределения по доходам состояла в том, что один из параметров этой модели — среднеквадратическое отклонение логарифмов — оценивался на основе данных ОБДХ, а другой параметр — уровень среднедушевого дохода — определялся по данным БДДР. При этой методике оценки неравенства для всего населения практически совпадали с их значениями по бюджетной статистике. Начиная с 1992 г. Росстатом используется иной метод, который невозможно идентифицировать на основе официальных публикаций. Целесообразность использования логнормальной модели для оценки неравенства в распределении доходов населения России в настоящее время вызывает большие дискуссии в научном сообществе.

По мнению А. Суворова, в условиях беспрецедентного роста дифференциации доходов «динамика средних показателей утрачивает свою представительность» и для характеристики уровня жизни следует использовать модальный доход как наиболее часто встречающийся, типичный для основной массы населения (Суворов, 2001). Таким образом, автор предлагает дополнить логнормальную модель еще одним параметром — модальным доходом, полученным из данных бюджетных обследований. По расчетам этой трехпараметрической логнормальной модели были получены альтернативные оценки фондовых коэффициентов дифференциации, которые в период 1997–2000 гг. составляли около 40 раз (в 1997 г. — 38,3 раза, в 1998 г. — 38,7 раза, в 1999 г. — 38,8 раза, в 2000 г. — 41,2 раза), что более чем в три раза превышает официальные оценки (ПРООН, 2003).

Большой вклад в повышение точности практических измерений неравенства внесли методологические разработки А. Шевякова и А. Кируты (Шевяков и Кирута, 2001; 2002). Они также доказывают, что занижение показателей неравенства в официальной статистике связано с несовершенством методики расчета оценок неравенства на основе логнормальной модели, которая неточно отражает фактическое распределение по доходам. В отличие от А. Суворова, который предлагает корректировать эту модель путем включения в нее дополнительного параметра — модального дохода, Шевяков и Кирута предлагают использовать принципиально новый методологический подход к моделированию распределения доходов, основанный на объединении разработанной ими методики взвешивания выборочных данных с непараметрическими методами оценивания функции плотности распределения. По их расчетам, в 1991 г. значение фондового коэффициента дифференциации составило 8,9 раза против 4,5 раза по официальной методике Росстата. Соответственно, в 1992 г. — 12,4 против 8,0; в 1993 г. — 15,0 против 11,2; в 1994 г. — 21,5 против 15,4; в 1995 г. — 18,7 против 13,5; в 1996 г. — 25,3 против 13,0; в 1997 г. — 23,3 против 13,5 раза. Таким образом, рассчитанные авторами показатели неравенства в 1,5–2,0 раза превышают официальные оценки.

Результаты исследований, проводимых в Лаборатории распределительных отношений ИСЭПН РАН, продемонстрировали, что официальные показатели неравенства

занижены по крайней мере в 1,5 раза. Например, была предпринята попытка пересчета коэффициента фондов в целом по России (ИСЭПН, 2003). С 1995 г. коэффициент фондов оценивается по имитационной модели, игнорирующей региональные различия в стоимости жизни (что завышает реальный уровень неравенства) и региональные различия в неравенстве доходов (что занижает реальный уровень неравенства). Другими словами, в первую децильную группу российской выборки собираются все децильные группы региональных выборок, т.е. 10% самых бедных в Москве объединяются с 10% самых бедных в Дагестане и пр., при этом считается, что покупательная способность доходов везде одинакова (Великанова, Колмаков и др., 1996). Официальный фондовый коэффициент дифференциации для населения России, рассчитанный таким образом, в 2000 г. составил 13,9 раза. Оценки, полученные ИСЭПН РАН, показали, что если пересчитать официальное распределение численности населения по величине среднедушевых денежных доходов в среднем по населению РФ путем суммирования соответствующих численностей по регионам, то разрыв в денежных доходах 10% самых бедных и 10% наиболее богатых россиян составил бы не менее 16–17 раз.

Таким образом, между оценками показателей неравенства, публикуемыми Росстатом и полученными независимыми экспертами на основе данных Госкомстата, существуют большие различия. В целом они дают представление о масштабах доходного неравенства в России в переходный период, однако необходимо подчеркнуть, что достоверных количественных оценок уровня неравенства не дает ни одна из существующих в стране форм статистического учета и методик расчета.

Помимо явно заниженных показателей дифференциации обращает на себя внимание их нечувствительность к изменению экономической конъюнктуры. Настораживает тот факт, что в 1995–1996 гг., согласно официальным оценкам, произошло значительное сокращение неравенства. За эти два года значение коэффициента Джини сократилось на 10%. Достоверно известно, что никаких событий экономического или политического плана, которые позволили бы приостановить рост неравенства, в этот период не произошло. Зато произошло другое значимое событие: была изменена методология расчета индексов неравенства (вставка 2.2). На протяжении 1997–2007 гг. все индексы неравенства демонстрировали плавный восходящий тренд. Они не отреагировали снижением на кризис 1998 г., который сопровождался падением средних доходов. Очевидно, что рост неравенства в годы экономического роста был вызван тем, что доходы богатых росли значительно быстрее доходов бедных. Реакция на текущий кризис проявилась в том, что показатели неравенства в 2007–2010 гг. зафиксировались на одном уровне (0,421–0,422 для коэффициента Джини; 16,6–16,7 для коэффициента фондов). В 2011 г. фиксируется некоторое снижение (до 0,417 по коэффициенту Джини и до 16,2 раза по коэффициенту фондов), и вновь рост неравенства в 2012 г. (рис. 2.1 и таблица П2).

Таким образом, на основе анализа официальной статистики мы можем сделать следующее заключение. Рыночная трансформация в России сопровожда-

лась рецессией, падением реальных доходов населения и масштабным ростом неравенства в их распределении. Рост неравенства продолжился и в благоприятный с точки зрения экономической конъюнктуры период 1999–2007 гг., когда реальные доходы населения росли. Экономический кризис, начавшийся в 2008 г., приостановил рост неравенства, но не привел к существенному снижению его уровня.

Для того чтобы подтвердить или опровергнуть эти выводы, обратимся к данным выборочного обследования РМЭЗ. Достоинства РМЭЗ заключаются в том, что они позволяют охарактеризовать динамику дифференциации в 1992–2012 гг., используя единую методологию на протяжении всего рассматриваемого периода и более широкий набор индикаторов. Характерной чертой всех лонгитюдных опросов (а значит, и РМЭЗ и ОБДХ) является тот факт, что выборка смещена в сторону более бедного и экономически неактивного населения. Данные РМЭЗ не лишены этого недостатка, хотя по основным показателям выборка адекватно репрезентирует российское население. На рис. 2.2 представлены абсолютные значения двух индексов неравенства, используемых в официальных публикациях Росстата, — коэффициента Джини и коэффициента фондов. Несколько слов о расчетном показателе благосостояния. Поскольку официальные оценки распределения по доходам выводятся из данных о расходах, при работе с данными РМЭЗ мы оперировали показателем *душевых денежных расходов*¹. Данные о расходах считаются более надежным показателем для оценки неравенства на основе данных выборочных обследований населения в переходной экономике: оценки расходов, как правило, выше оценок доходов² и более устойчивы к случайным колебаниям в сравнении с доходами (Ovcharova and Tesliuk, 2006).

Сравним полученные оценки с официальными. Во-первых, данные РМЭЗ фиксируют гораздо больший размах дифференциации в период рецессии 1990-х гг. по сравнению с данными официальной статистики. Например, в 1992 г. значение коэффициента Джини, по данным РМЭЗ, составило 0,453, что в

¹ Последние включают все виды денежных расходов за месяц, предшествующий интервью, включая расходы на питание (в том числе вне дома), расходы на непродовольственные товары и услуги, трансферты другим домохозяйствам или организациям (займы, финансовая помощь, сбережения). Наконец, показатель душевых расходов был скорректирован с учетом различий в стоимости жизни в разных регионах страны, для этого душевые расходы умножались на коэффициент, равный соотношению стоимости общероссийского и регионального прожиточного минимума в соответствующем году. Показатели за 1997 г. и 1999 г. отсутствуют, так как в эти годы обследование РМЭЗ не проводилось.

² Превышение расходов над доходами, особенно в 1990-х гг., было зафиксировано в работе, выполненной на данных обследования РМЭЗ 1994–2005 гг. См.: Gorodnichenko Y., K. Sabirianova Peter and D. Stolyarov (2010). Inequality and volatility moderation in Russia: evidence from micro-level panel data on consumption and income // Review of Economic Dynamics 13(1): 209–237.

1,6 раза выше официального показателя. Разрыв в значении коэффициента фондов составляет более трех раз. Во-вторых, микроданные свидетельствуют о том, что показатели неравенства все-таки реагируют на изменение экономической конъюнктуры. В период с 1992 по 1998 г. на фоне структурного экономического кризиса наблюдается рост неравенства, в 2000–2001 гг. уровень неравенства снижается. Это говорит о том, что экономический рост 2000–2001 гг. компенсировал рост дифференциации в 1992–1998 гг. Коэффициент фондов преодолел уровень 1992 г. уже в 2000 г. (24,8 раза). Коэффициент Джини опустился ниже значения 1992 г. в 2001 г. (0,439).

Во второй половине 2000-х гг. абсолютные значения показателей неравенства, по макроданным Росстата и микроданным РМЭЗ, сближаются, становясь практически идентичными в 2007–2009 гг. Оценки РМЭЗ свидетельствуют о более значительном снижении неравенства в 2008–2010 гг., чем оценки Росстата, а в 2010–2011 г. фиксируют новый виток роста.

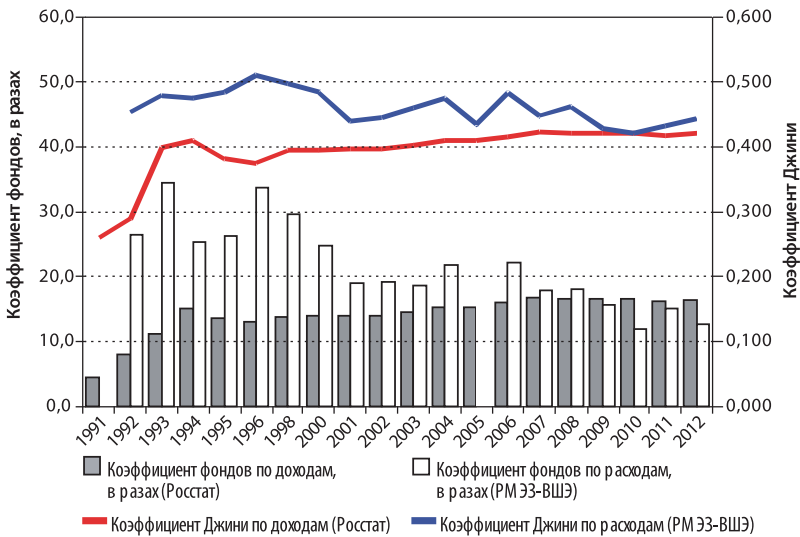

Рис. 2.2. Динамика индексов неравенства в 1991–2012 гг., по данным Росстата и РМЭЗ

Источник: рассчитано по данным РМЭЗ-ВШЭ и Росстата.

2.3. ФАКТОРЫ НЕРАВЕНСТВА НА МАКРОУРОВНЕ

Дифференциация оплаты труда является ключевым макроэкономическим фактором дифференциации доходов населения России, так как трудовые доходы (зароботная плата и доходы от предпринимательской деятельности) остаются самым значимым и массовым видом доходов. В доходной структуре ВВП на их долю приходится не менее половины, а в структуре денежных доходов населения — почти 80% (рис. 1.3). От трудовых доходов существенно зависят размеры социальных трансфертов — второго по величине источника денежных поступлений населению, удельный вес которых в общей структуре доходов составляет около 18%.

Зароботная плата традиционно характеризуется большей дифференциацией, чем неравенство доходов, особенно в том случае, когда речь идет о коэффициенте Джини, учитывающем неравенство по всему ряду распределения, а не только на его «хвостах», что характерно для коэффициента фондов. Действительно, в период структурных реформ ярко проявилась именно эта тенденция, и она продолжалась в первые годы ускоренного экономического роста (рис. 2.3). Начиная с 2002 г. фиксируются ускоренные

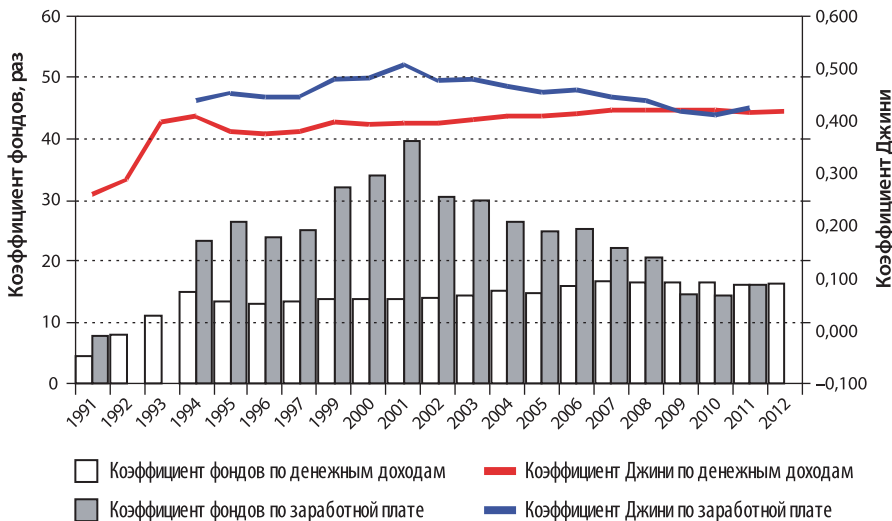

Рис. 2.3. Динамика индикаторов неравенства по доходам и заработной плате в 1991–2012 гг.

Источник: данные Росстата.

темпы снижения неравенства в оплате труда, и эта тенденция сохранилась и на этапе стагнации.

Как и в случае оценки неравенства по доходам, источники информации о дифференциации оплаты труда достаточно ограничены. Если обращаться к официальным публикациям, то в распоряжении исследователей имеются лишь данные проводимого Росстатом в апреле каждого года обследования неравенства заработной платы, выплаченной работникам крупных и средних предприятий. На данный сегмент занятости приходится примерно половина всех работников и порядка 60–70% фонда оплаты труда. Второй нюанс связан с данными за апрель, когда практически вся переменная часть оплаты труда не наблюдается. По оценкам за разные годы, переменная составляющая оплаты труда — это 30–50% от годового фонда зарплаты. С высокой вероятностью можно предположить, что учет всех сегментов экономики и переменной части заработков приведет к росту зарплатного неравенства. С большой долей вероятности именно недоучет более чем половины трудовых доходов наемных работников объясняет различия в темпах изменений

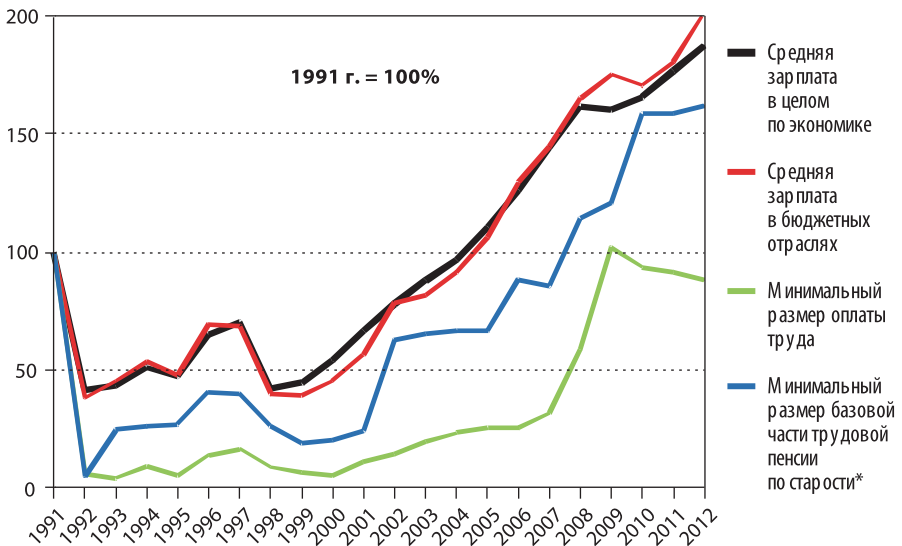

Рис. 2.4. Динамика средней реальной оплаты труда в бюджетных отраслях (образовании и здравоохранении) и реального размера минимальных гарантий в 1991–2012 г. (на 1 января)

Источник: рассчитано по данным Росстата.

* До 2002 г. минимальный размер трудовой пенсии с учетом компенсации; с 2002 по 2009 г. размер базовой части трудовой пенсии.

неравенства доходов и заработной платы, а также противоположную направленность динамики доходного и зарплатного неравенства в отдельные временные промежутки.

Несмотря на то что сравнение динамики индексов неравенства доходов и заработной платы не представляется корректным, мы можем сделать определенные выводы относительно того, какие факторы влияли на неравенство зарплат на крупных и средних предприятиях. Для этой цели данные рис. 2.3 сравним с данными рис. 2.4, который показывает динамику средней заработной платы в данном сегменте экономики, выделяя отдельно минимальную заработную плату и среднюю заработную плату в преимущественно бюджетных секторах экономики (образование и здравоохранение). На этапе экономического роста, когда минимальная заработная плата росла достаточно низкими темпами, неравенство снижалось за счет повышения зарплаток низкооплачиваемого рыночного сегмента экономики. В частности, в 2002–2003 гг. этот эффект в основном обеспечивали сельское хозяйство, пищевая промышленность, строительство и розничная торговля.

В период стагнации существенный вклад в снижение неравенства внесли ускоренный рост минимальной оплаты труда и зарплаток в бюджетном секторе экономике. В 2008–2009 гг. темпы роста реальной заработной платы в бюджетных секторах превышали средние по экономике. Минимальный размер оплаты труда в ценах 1991 г. вырос в 2,7 раза за период 2007–2012 гг., тогда как за весь период экономического роста (1999–2007 гг.) увеличение составило 4,7 раза. Кризисный 2009 г. — это единственный год, когда минимальная оплата труда в реальном выражении достигла 100% от уровня 1991 г. Не стоит забывать и о продолжающейся, несмотря на кризис, политике повышения пенсий темпами, опережающими рост заработной платы. За 2007–2012 гг. минимальный размер пенсии в ценах 1991 г. вырос в 1,9 раза, а средняя зарплата — в 1,3 раза. Снижение неравенства преимущественно за счет более высоких темпов роста зарплаток в низкооплачиваемом сегменте и пенсий — это еще один аргумент в пользу того, что Россия преодолевает стандарт выживания как массовую модель потребительского поведения.

2.4. ФАКТОРЫ НЕРАВЕНСТВА НА МИКРОУРОВНЕ

В политической риторике стало модным негативное отношение к неравенству, хотя именно благодаря неравенству формируются модели трансформации образования и занятости в доходы и модели трансформации доходов в инвестиции. Региональное и поселенческое неравенство в доходах — это сигнал

для перемещения трудовых ресурсов к точкам экономического роста, хотя население в целом негативно относится к территориальному неравенству в доходах. Изучение факторов дифференциации доходов на микроуровне позволит, во-первых, определить лифты восходящей доходной мобильности, во-вторых, оценить их силу.

Классический подход к изучению факторов неравенства на микроуровне заключается в декомпозиции агрегированных индексов неравенства по подгруппам населения. Если рассматривать весь имеющийся набор доходов как совокупность, где подгруппами являются группы индивидов, выделенные на основе какого-либо признака, можно разложить общее неравенство доходов на неравенство между этими подгруппами и неравенство внутри подгрупп. Некоторые индексы неравенства, например меры, принадлежащие к классу обобщенной энтропии, без остатка раскладываются на внутри- и межгрупповую компоненты неравенства (Theil, 1967; Shorrocks, 1980; Shorrocks, 1984). Внутригрупповая компонента равна сумме индексов всех подгрупп, перевзвешенных по доле населения в подгруппах; межгрупповая компонента неравенства рассчитывается также как сам индекс неравенства, за тем исключением, что индивидуальные доходы заменены средними доходами подгрупп. Последняя интерпретируется как вклад данного фактора в общее неравенство.

На неравенство доходов могут влиять как различия в доходах между группами населения с разными демографическими характеристиками (возраст, структура домохозяйства), так и изменения демографической структуры. Возраст индивида отражает его положение на карьерной лестнице и стадию жизненного цикла семьи. Заработная плата, как правило, растет с возрастом за счет накопленного опыта работы и/или роста соответствия между навыками работника и требованиями работодателей. Стадия жизненного цикла семьи также оказывает влияние на доходы домохозяйства: последние, как правило, снижаются за счет присутствия детей. Демографические изменения, такие как старение населения и снижение рождаемости, также влияют на неравенство доходов. Увеличение продолжительности жизни и пенсионного возраста когорт, родившихся в период «бэби-бума», привели к изменениям в возрастной структуре населения: доля пожилых растет, тогда как доля детей и трудоспособных сокращается. Снижение рождаемости и увеличение вероятности распада союзов ведут к сокращению среднего размера домохозяйств.

Так как доходы от занятости являются основным источником существования для большинства обычных домохозяйств, доходы домохозяйств в значительной степени определяются статусом членов домохозяйства на рынке труда. Как краткосрочные флуктуации уровня безработицы, так и более фундаментальные изменения (например, рост занятости женщин или увеличивающаяся сегментация рынка труда) влияют на статус занятости домохозяйств. Таким образом, изменения на рынке труда — важные драйверы

неравенства. Образование является детерминантой перспектив индивида на рынке труда. В соответствии с теорией человеческого капитала индивидуальная производительность растет вместе с числом лет обучения, что отражается в более высокой зарплате людей с высоким уровнем образования. Следовательно, уровень образования влияет на доходы индивидов и домохозяйств. Изменение структуры образования (например, расширение доступности высшего образования) и рост доходных различий в зависимости от уровня образования становятся важными драйверами неравенства доходов на микроуровне.

Перспективы индивида на рынке труда также могут зависеть от пространственных аспектов рынка труда: доступность занятости и оплата труда может быть выше в более урбанизированных районах. Экономическая активность часто концентрируется в крупных городах, и это приводит к большему спросу на труд в урбанизированных территориях. Если существуют препятствия на пути мобильности населения, пространственное неравенство может стать источником застойного неравенства и бедности домохозяйств, проживающих в экономически неразвитых районах.

Таким образом, мы исходим из того, что уровень экономического благосостояния домохозяйств определяется их демографической структурой (число взрослых и детей, пол и возраст членов домохозяйства), социально-экономическим статусом (уровень образования и статус занятости членов домохозяйства) и «внешними» факторами, связанными с местом проживания. В отличие от традиционного подхода к агрегированию индивидуальных признаков до уровня домохозяйства с использованием в этих целях характеристики главы домохозяйства, в данной работе применяется типология домохозяйств на основе доминирования определенного признака в домохозяйстве¹. Набор факторов включает следующие характеристики домохозяйств: 1) *размер домохозяйства*, 2) *гендерный состав* (соотношение числа взрослых женщин и мужчин), 3) *возрастная структура* (соотношение числа индивидов в возрасте 65 лет и старше и индивидов в возрасте 18–64 лет), 4) *детская нагрузка* (соотношение числа детей до 18 лет и работающих взрослых), 5) *уровень образования* (соотношение числа взрослых с высшим и без высшего образования),

¹ Традиционный подход имеет серьезные ограничения, учитывая, что идентификация главы домохозяйства основана на субъективных критериях. Как правило, статус главы автоматически приписывается мужчине, или самому старшему члену домохозяйства, или индивиду с самым высоким доходом. Менее спорный подход заключается в случайном отборе индивида внутри домохозяйства. Последнее вносит некоторый элемент риска; например, мы можем ошибочно отобрать мужчину в качестве представителя домохозяйства, состоящего из трех женщин и одного мужчины. Тем не менее в больших выборках эта ошибка будет незначительной, тогда как в небольших выборках метод, основанный на доминировании признака, предпочтителен.

б) *статус занятости* (соотношение числа занятых и незанятых взрослых¹), 7) тип населенного пункта, 8) регион². В таблице ПЗ приведены распределения независимых переменных. Результаты декомпозиции представлены на рис. 2.5.

Демографические факторы достигают 5%-го порога лишь в отдельные годы, и ни один из них не преодолевает порога в течение всего периода 1994–2012 гг. На протяжении 1998–2007 гг. наиболее высокий вес среди демографических факторов (около 4–5%) имела лишь «возрастная структура».

Фактор «высшее образование» не входил в число значимых в начале переходного периода (в 1992 г. его вклад в неравенство составлял менее 2%), и, хотя его вес начал расти уже в середине 1990-х, заметный скачок вверх произошел лишь в 1998–2000 гг. В первой половине 2000-х вклад фактора колебался на уровне 7–8% с одномоментным снижением. В 2006–2007 гг. он набрал максимальный вес (10%), опережая все остальные факторы неравенства, помимо регионального. С началом кризиса в 2008 г. удельный вес «образования» снизился до 6–7%, а по данным за 2012 г. — упал до 5,1%.

Динамика веса фактора «статус занятости» в значительной степени повторяет динамику «образования». В начале 1990-х вклад данного фактора в неравенство не превышал 5%. В дальнейшем он непрерывно возрастал, достигая максимума в 2006 г. (9%). В период 2008–2012 гг. значение фактора упало до 5,3%.

Стабильно высокий вес на протяжении всего рассматриваемого периода имели оба фактора, связанные с местом проживания домохозяйства. Значение фактора «тип поселения» находилось около 5%-го порога с середины 1990-х до начала 2000-х гг. В 2003 г. вес фактора достигал максимального уровня (7,2%). Начиная с 2004 г. фактор стал терять свою значимость.

Значимость региональных различий для объяснения общего неравенства была высокой уже в 1992 г. (9%), но особенно заметный скачок веса данного фактора пришелся на вторую половину 1990-х, когда его значение выросло до 15%. Учитывая, что используемый нами показатель душевых расходов сглажен по регионам, можно предположить, что вклад регионального фактора на самом деле еще выше. В начале 2000-х межрегиональные различия, судя по всему, стали падать и значение фактора закрепилось на уровне 12–13%. В 2010 г. мы еще раз наблюдаем снижение, однако на этом ресурсы снижения были исчерпаны. В целом вес регионального фактора как минимум в 2 раза выше веса любого из рассматриваемых факторов.

¹ Категория «незанятый» включает безработных и экономически неактивных.

² Выборка РМЭЗ нерепрезентативна в региональном разрезе, поэтому она не может быть использована для оценки неравенства внутри отдельных регионов, однако это не является препятствием при оценке межгрупповой компоненты неравенства.

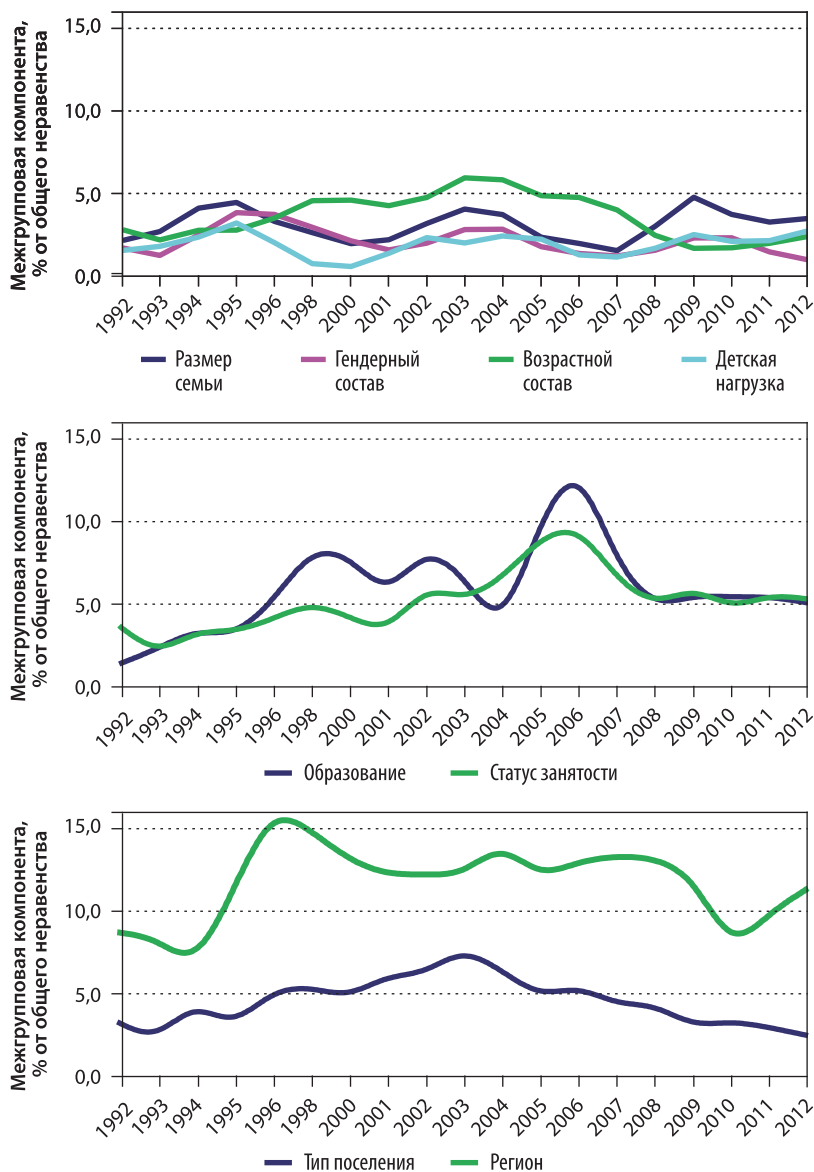

Рис. 2.5. Факторы неравенства в 1992–2012 гг. (вклад межгрупповой компоненты в общее неравенство, среднее логарифмическое отклонение)

Примечание. Для данного размера выборки значимыми считаются факторы, вес которых превышает 5%.

Источник: рассчитано по данным РМЭЗ.

Еще раз подчеркнем, что за весь рассматриваемый нами период (1992–2012 гг.) самые высокие темпы роста имели фактор «уровень образования», вес которого увеличился почти в 3,7 раза, а если исключить из рассмотрения посткризисные годы (2008–2012 гг.) — в 6 раз. С другой стороны, в течение всего рассматриваемого периода наиболее весомым фактором дифференциации российских домохозяйств по уровню расходов оставалось региональное неравенство.

Вставка 2.3. Сравнительный анализ микроэкономических факторов неравенства в России и странах ЕС

Отличается ли Россия от других стран по набору и весу факторов неравенства? Метод декомпозиции неравенства неоднократно использовался различными авторами, исследующими воздействие индивидуальных и домохозяйственных характеристик на неравенство доходов в Европе и странах ОЭСР (Förster, 2000; IBRD/WB, 2006; Mitra and Yemtsov, 2006). Наиболее свежие результаты применения данного метода для стран ЕС приведены в годовом отчете Обсерватории социальных процессов, существующей при поддержке Европейской комиссии (ЕС, 2009). Для целей сравнительного анализа при расчете российских показателей мы опирались на методологию расчета доходов и типологий домохозяйств, примененную в данном докладе.

Рис. 1 показывает, как эффект различных факторов неравенства (средние невзвешенные значения межгрупповых компонент неравенства) варьирует в кластерах

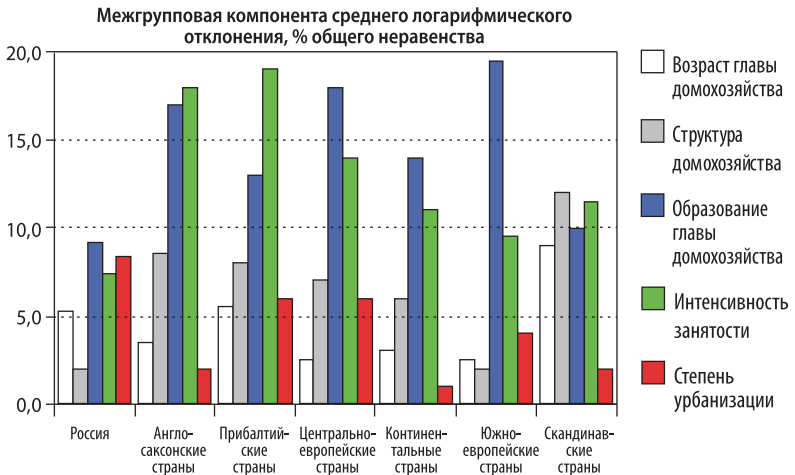

Рис. 1. Средний вклад социально-демографических факторов в объяснение неравенства по кластерам стран с разными режимами государства благосостояния, 2006 г.

Источник: для стран ЕС (ЕС, 2009); для России рассчитано по данным РМЭЗ-ВШЭ 2006 г.

стран с разными моделями государства благосостояния. В среднем по всем кластерам наблюдается более низкий эффект демографических переменных в сравнении с эффектом образования и интенсивности занятости. Лишь Скандинавские страны демонстрируют отличную модель, с практически равным весом демографических характеристик и характеристик, связанных с рынком труда.

В сравнении с европейскими странами в России наблюдается более низкий вклад межгрупповых различий в общее неравенство, ни один признак из нашего набора не имеет веса выше 10%. По структуре факторов неравенства Россия не похожа ни на одну из европейских моделей. В России различия по уровню образования являются более значимым фактором, чем интенсивность занятости. Такая же ситуация характерна для стран Центральной Европы, континентальных и южноевропейских стран, тогда как в англосаксонских странах образование и интенсивность занятости имеют примерно одинаковый эффект, а в балтийских странах интенсивность занятости является самым важным фактором неравенства. Наиболее заметной российской особенностью является высокий вклад различий, связанных с местом проживания домохозяйств. Подобная ситуация, хотя и в меньшей степени, характерна для других постсоветских стран и стран Южной Европы.

Отметим, что в мировом контексте именно межстрановое неравенство становится основным, в то время как двести лет назад, согласно расчетам Милановича (Milanovic, 2012) разрыв в доходах разных социальных групп внутри стран определял лицо глобального неравенства.

2.5. ОСНОВНЫЕ ТЕНДЕНЦИИ ДИНАМИКИ НЕРАВЕНСТВА ДОХОДОВ

- В условиях становления рыночных отношений в России произошли значимые изменения в экономическом благосостоянии населения, что проявилось не только в падении средних показателей уровня жизни, но и в стремительном росте дифференциации денежных доходов и расходов. Эти тенденции были характерны для всех постсоциалистических стран, однако в России рецессия была более глубокой, а рост дифференциации — гораздо более значительным. Таким образом, с приходом рыночных отношений Россия стала страной с высоким уровнем неравенства, которое, согласно официальным данным, не снижалось, а, наоборот, незначительно увеличивалось по мере роста среднедушевых доходов. В 2012 г. фондовый коэффициент дифференциации, оценивающий различия в доходах 10% самых богатых и 10% самых бедных, составил 16,4 раз.

- Официальную российскую методику оценки неравенства нельзя назвать безупречной: во-первых, из-за перевзвешивания выборочных данных по логнормальной модели; во-вторых, из-за того, что за рамками статистического наблюдения остаются как межрегиональные различия в стоимости жизни, так и межрегиональные различия в уровне доходов. Поскольку территориальные различия в уровне доходов превосходят аналогичные различия в стоимости жизни, можно предположить, что уровень неравенства доходов недооценивается.
- Согласно микроданным РМЭЗ, размах дифференциации в России в 1990-х гг. был гораздо выше, чем показывает официальная статистика неравенства, несмотря на то что мы нивелировали региональные различия в стоимости жизни. При этом во второй половине 2000-х гг. макропоказатели Росстата и оценки неравенства на основе обследований сблизились. Данные РМЭЗ свидетельствуют о сокращении неравенства в период 2009–2010 гг. Это результат как кризиса, который сильнее ударил по обеспеченным слоям, так и масштабных мер по повышению пенсий и минимальной оплаты труда. Данные РМЭЗ и Росстата указывают на прекращение этой тенденции в 2011–2012 гг.
- Декомпозиция неравенства на основе кросс-секционных данных РМЭЗ за 1992–2012 гг. показала, что на микроуровне определяющее влияние на неравенство оказывает регион проживания домохозяйства. С другой стороны, за период наблюдения почти в 4 раза возрос вес высшего образования. Последнее характерно для стран с развитой рыночной экономикой; соответственно, рост веса «образования» в России (за счет роста отдачи от инвестиций в образование) — это позитивная тенденция. Высокий вес межрегиональных различий нетипичен для развитых стран, и должен рассматриваться как негативный результат в контексте экономического развития.

ГЛАВА 3. НЕМОНЕТАРНЫЕ ХАРАКТЕРИСТИКИ УРОВНЯ ЖИЗНИ

3.1. ПОДХОДЫ К ОЦЕНКЕ УРОВНЯ ЖИЗНИ НА ОСНОВЕ НЕМОНЕТАРНЫХ ПОКАЗАТЕЛЕЙ

Все большее число ученых и практиков во всем мире разделяют мнение о том, что оценки доходов или ВВП не могут служить надежными показателями прогресса в области благосостояния нации. В частности, Комиссия по измерению экономического и социального прогресса, основанная президентом Франции Н. Саркози и возглавляемая Дж. Стиглицем, выпустила доклад, в котором отмечается ограниченность показателя ВВП. Доклад рекомендует дополнять оценками потребления и богатства домашних хозяйств, а также проводить мониторинг показателей качества жизни, включая здоровье, образование и политические свободы (Stiglitz, Sen et al., 2009).

Первые попытки измерения различных аспектов благосостояния в соответствии с рекомендациями этого доклада были сделаны международными организациями. Организация экономического сотрудничества и развития (ОЭСР), объединяющая 34 наиболее развитые страны мира, разработала индекс качества жизни (OECD, 2011). Индекс является интерактивным инструментом, который позволяет сравнивать страны как по индикаторам материального благосостояния (ВВП, душевые доходы), так и по таким направлениям, как доступность занятости, качественного образования, жилищные условия, окружающая среда и т.д. Программа развития ООН, выпускающая широко известный Индекс развития человеческого потенциала (ИРЧП), начала оценивать Многокритериальный индекс бедности, призванный дополнить оценки недостающего дохода индикаторами, отражающими ограничения доступа к здравоохранению, образованию и нормальным условиям жизни (UNDP, 2011).

Признавая важность всех вышеупомянутых характеристик благосостояния, в данном докладе мы ограничимся исследованием лишь материальных его аспектов. К таковым относятся характеристики потребления домохозяйств и обеспеченность такими активами, как собственность и имущество. Они отражают благосостояние в долгосрочном периоде. Такая широкая трактовка благосостояния (базирующаяся на учете не только доходов, но и других матери-

альных активов домашних хозяйств) может существенно скорректировать наши представления о динамике уровня жизни. С другой стороны, в России актуальность этого подхода вызвана к жизни проблемой массового сокрытия доходов в условиях широкого распространения теневых форм занятости. В данном исследовании мы ограничились анализом трех немонетарных характеристик уровня жизни.

Продовольственное потребление или питание населения, его количественные и качественные оценки являются важнейшей характеристикой достигнутого уровня экономического и социального развития страны, а в разрезе социально-демографических групп они свидетельствуют не только об уровне благосостояния, но и отображают потенциал здоровья нации. Кризис 1990-х гг. привел к существенному снижению как предложения, так и спроса на продукты питания. Учитывая тот факт, что статистически зафиксировано восстановление предреформенного уровня доходов населения, возникает объективная потребность оценить качественные и количественные характеристики питания. Продолжающийся экономический кризис, ожидаемые социальные последствия которого связывают с падением реальных доходов населения, и рост цен на продукты питания, обусловленный мировыми и внутренними изменениями в спросе на продовольствие, также актуализируют значимость данной исследовательской темы.

Имущественная обеспеченность является неотъемлемой компонентой оценки благосостояния домохозяйств. Мониторинг обеспеченности населения товарами длительного пользования (ТДП) является частью официальной статистики (например, Росстат учитывает ТДП при определении неравенства). В связи с этим следует заметить, что для исследования благосостояния принципиален не столько сам факт включения этой составляющей в анализ, сколько выбор метода ее оценки.

Субъективные оценки зачастую игнорируются исследователями при идентификации благосостояния домашних хозяйств. При этом опыт работы с различными социологическими опросами позволяет утверждать, что суждения респондентов о своей обеспеченности не имеют высокой корреляции с объективными показателями благосостояния. Вопрос состоит в том, какие оценки предпочтительны при анализе? Очевидно, что это зависит от исследовательских задач, и если речь идет о стратегиях поведения населения, то субъективные ощущения оказываются более согласованными со стратегиями поведения и намерениями респондентов. При принятии решений о рождении детей, смене места работы, изменении статуса экономической активности респонденты если и принимают во внимание достигнутый уровень материального положения, то только в субъективном его измерении.

3.2. ПОТРЕБЛЕНИЕ ПРОДУКТОВ ПИТАНИЯ

Обзор публикаций по этой теме показывает, что большинство из них ограничено анализом макроэкономических показателей производства и продаж, но при этом практически не изучается динамика качественных показателей питания на уровне индивидов или домашних хозяйств (вставка 3.1). Особо стоит отметить малое количество статистической информации и практически полное отсутствие исследований по проблемам достаточного и сбалансированного питания.

Вставка 3.1. Источники информации о потреблении продуктов питания на макро- и микроуровне

Информацией о потреблении населением продуктов питания на макроуровне являются данные *баланса продовольственных ресурсов* (БПР) о производстве продуктов, импорте, экспорте, расходах на непищевые цели и об изменении запасов продуктов в течение года, полученные балансовым методом. БПР составляются в натуральном выражении по основным видам ресурсов продовольствия: мясопродуктов, молочных продуктов, яиц, маргариновой продукции, растительного масла, рыбопродуктов, сахара, зерна, продовольственного зерна, муки, крупы.

Источником информации о питании на микроуровне являются ежеквартальные данные ОБДХ. Начиная с 1997 г., в связи с изменением программы ОБДХ в части сокращения трудоемкости регистрации, из программы обследования были изъяты вопросы по производству сельскохозяйственной продукции и обороту продуктов питания. До 1997 г. среднедушевое потребление продуктов питания определялось расчетным путем на основе данных об обороте продуктов питания в домашних хозяйствах в течение периода обследования (квартал, год). С 1997 г. методика получения данных о потреблении продуктов питания основана только на двухнедельных дневниковых записях домашних хозяйств о денежных расходах на продовольственные товары и потреблении продуктов питания, поступивших в натуральном виде.

В результате, как показывают данные рис. 1, оценка потребления продуктов питания населением РФ на макро- и микроуровне заметно различается. Так, по оценкам ФАО (Продовольственная и сельскохозяйственная организация ООН), рассчитываемых балансовым методом на основе официальной статистики о производстве продуктов, импорте, экспорте, расходах на непищевые цели и об изменении запасов продуктов в течение года, среднесуточное потребление калорий на душу населения в 2000–2003 гг. заметно выше рассчитываемого по соответствующим данным ОБДХ на 17–20%.

Почему наблюдается такой разрыв в оценках питания по данным бюджетной статистики и балансовым методом? Возникает вопрос, почему при росте реальных доходов

в 2002–2005 гг. средние характеристики питания домохозяйств с 2002 г. практически не улучшались? Такая ситуация может быть вызвана несколькими причинами, одна из которых, по мнению ряда исследователей, состоит в том, что реальный рост доходов в эти годы несколько преувеличен, например в значительной мере вызван «выходом из тени» части заработной платы. С другой стороны, отсутствие улучшения характеристик питания в эти годы, на наш взгляд, обусловлено тем фактом, что бюджетная статистика недоучитывает потребление продуктов питания в домохозяйствах.

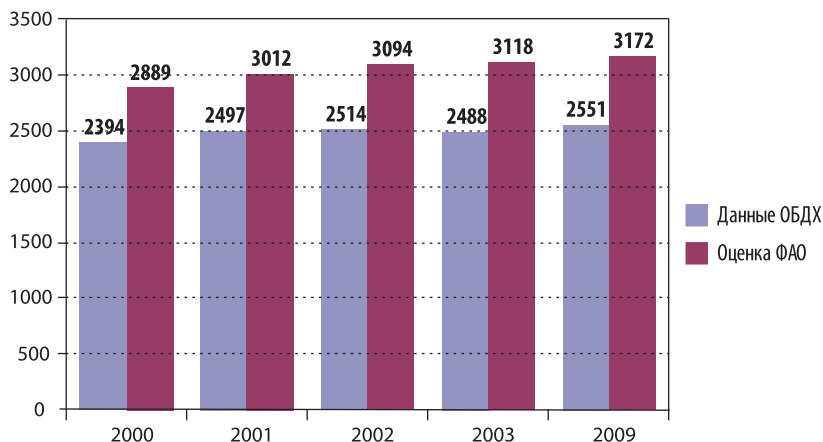

Рис. 1. Среднесуточное потребление килокалорий на душу населения РФ

Здесь надо отметить, что фактический анализ питания домохозяйств Росстат проводит по домашнему потреблению, включающему 3 источника — покупку продуктов питания, поступлений продуктов питания от собственного производства (ЛПХ), а также поступлений продуктов питания из других источников. Продукты питания, потребленные семьями вне дома (в столовых на предприятиях, в школах, детских дошкольных учреждениях, ресторанах, кафе и других предприятиях общественного питания), по методике ОБДХ с 1997 г. не включаются в общие объемы потребления. Поскольку в реформенный период происходило резкое сокращение доли расходов на питание вне дома в общих потребительских расходах домашних хозяйств (с 6,4% в 1980 г. до 1,7% в 1999 г.), недоучет данного вида потребления существенно не влиял на общие объемы потребления продуктов питания. Однако с 2001 г. доля расходов на питание вне дома начинает расти, достигнув 3,5% в 2004 г. (если же принять за 100% все потребительские расходы на питание и пересчитать, то указанная выше доля расходов на питание вне дома в 2004 г. составила 8,9%).

Считается, что одним из главных аргументов в пользу перехода от плановой системы народного хозяйства СССР к рыночной было неудовлетворительное обеспечение населения России и бывших союзных республик продовольствием, называемое в прессе «советским дефицитом», «колбасными электричками», обусловленное в первую очередь проводимой политикой поддержки низких розничных цен на продукты питания, требовавшей все больших и больших дотаций как потребителям, так и производителям. В 1989 г. только продовольственные дотации потребителям составили 1/3 бюджета Российской Федерации, а их доля в розничной цене основных продовольственных товаров достигала 80% (Titterton, 2006). При сокращении бюджетных поступлений вследствие падения в конце 1980-х гг. цен на энергоресурсы дефицит продовольствия в стране обострился.

Либерализация цен в 1991 г. означала отмену продовольственных дотаций. В результате этих мер и общего двукратного падения доходов населения спрос на отечественную сельскохозяйственную продукцию существенно сократился. Спад внутреннего производства стал восполняться импортом, **потребление импортных продуктов питания** существенно возросло. Импорт продовольствия продолжил расти, и в начале 2000-х в Россию завозилось около 40% продуктов питания. По мнению ряда исследователей, это свидетельствовало о потере Россией продовольственной независимости, так как ее угроза наступает тогда, когда доля иностранных продуктов превышает 20–25% (Sedik, Sotnikov et al. 2003). Однако если 5 лет назад это утверждение соответствовало действительности, то в последние годы нижеприведенные статистические данные показывают явные тенденции по импортозамещению продовольствия. Так, на базе балансов продовольственных ресурсов Росстат стал рассчитывать показатель, характеризующий продовольственную безопасность страны: уровень самообеспечения основными видами агропродукции, который определяется как отношение производства продукции на территории страны к внутреннему потреблению, включающему импортные поставки.

Как показывает статистика, по основным социально значимым продуктам — мясу и ряду *молочных продуктов* — порог продовольственной безопасности мы перешагнули. В условиях роста цен на продовольствие во всем мире, начавшегося осенью 2007 г., этот факт приобретает особую актуальность, так как для населения России вновь возникает угроза ухудшения продовольственного потребления.

Несмотря на все недостатки советского сельского хозяйства, питание в СССР было достаточно хорошим. Одним из главных требований, предъявляемых к питанию, является обеспечение организма человека физиологически необходимым количеством энергии, выраженной в килокалориях, и питательными веществами в виде белков, жиров, углеводов, витаминов и минералов. Согласно данным ООН, по основным характеристикам качества питания — **пищевой и энергетической ценности суточного рациона** — в середине 1980-х гг. СССР

Таблица 3.1. Уровень самообеспечения основной сельскохозяйственной продукцией по Российской Федерации, в процентах

	2007	2008	2009	2010	2011
Мясо	65.5	66.6	70.6	72.2	74.0
Молоко	83.1	83.2	82.9	80.5	80.8
Яйца	98.6	98.9	98.8	98.3	98.0
Картофель	97.6	100.0	102.0	75.9	113.0
Овощи и бахчевые	80.2	86.8	87.3	80.5	93.2

Источник: данные Росстата.

входил в десятку стран мира с наилучшим типом питания (Госкомстат, 1993). В 1985 г., по данным ОБДХ, в средний суточный рацион жителя России входило 78 г белка, 101 г жиров, 376 г углеводов. Энергетическая ценность суточного рациона составляла 2739 ккал, в том числе в продуктах животного происхождения, в процентах от общей калорийности суточного рациона — 34,8% (рис. 3.1).

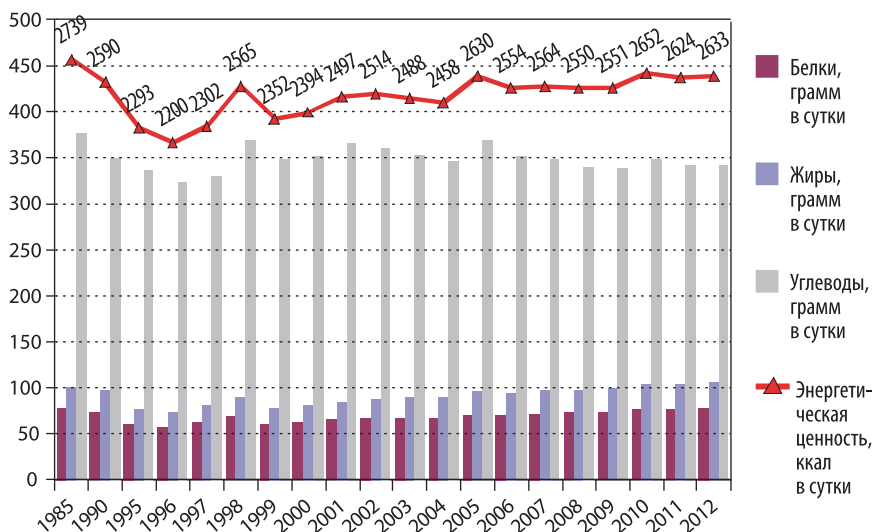

Рис. 3.1. Пищевая и энергетическая ценность продуктов питания в домашних хозяйствах (в среднем на одного члена домохозяйства)

Источник: данные Росстата (ОБДХ).

Кризис 1990-х гг. в России привел к существенному снижению как предложения, так и спроса на продукты питания. Вызванные экономической реформой 1990-х гг. негативные изменения в условиях занятости и обеспечении социальных гарантий (высокий уровень безработицы вследствие спада производства, в том числе в агропродовольственном секторе, ограниченные возможности подработок, рост задолженности по выплатам заработной платы, пенсий и пособий на детей и др.) крайне негативно отразились на уровне жизни домохозяйств, и в первую очередь на его питании. Из-за снижения среднего жизненного стандарта потребления был пересмотрен дореформенный прожиточный минимум. В конце 1992 г. был рассчитан средний минимально приемлемый набор средств существования, основу которого составила рекомендуемая диетологами сбалансированная ежедневная норма потребления энергии, примерно в 2240 ккал. Содержание белка, жира и углеводов в ней составило соответственно 73, 57 и 353 граммов на человека. Как показал анализ питания в 1990-е гг., даже эти минимальные характеристики питания были недоступны для большинства российского населения. Так, например, в 1997 г., по данным бюджетной статистики, средний суточный рацион жителя России состоял всего из 56 г белка, 74 г жиров, 323 г углеводов. Энергетическая ценность суточного рациона упала до 2190 ккал, в том числе продуктами животного происхождения — до 28,3% (рис. 3.1).

Особенно заметна была белковая недостаточность в питании горожан. В отдельные годы (1995 г., 1996 г.) потребление белков горожанами снижалось на 21–25%, сельских жителей — на 17–23% относительно 1990 г. Подобной ситуации не было в последние дореформенные годы. Причиной недостаточного питания в 1990-е и 2000-е гг. было не отсутствие каких-либо продуктов на рынке, а недостаток материальных возможностей для удовлетворения этой самой насущной потребности.

Экономическая стабилизация и значимый восстановительный рост доходов населения в 2000-е гг. положительно сказались на потреблении населения, и в первую очередь на его питании. Однако сопоставление реального уровня среднего потребления энергии россиянами с нормативным минимумом показало, что, несмотря на все тучные 2000–2007 гг., питание в России являлось недостаточным, а в 2008 г. положение даже несколько ухудшилось. По данным бюджетной статистики Росстата, среднесуточное потребление калорий, после определенного роста, в 2008 г. снизилось вследствие разразившегося нового кризиса. Снижение было невелико: лишь 0,5% (2564 килокалорий в 2007 г. и 2550 ккал в 2008 г.). Об этом также свидетельствует рост доли расходов на питание (раздел 1.2).

Данные бюджетной статистики за 2010–2012 гг. показывают определенные улучшения характеристик питания: энергетическая ценность суточного рациона россиянина в 2012 г. увеличилась до 2633 ккал, в том числе в продуктах животного происхождения — до 32,3%, питательная ценность составила 77,5 г

белка, 105,3 г жиров и 341 г углеводов¹. Тем не менее в сравнении с 1985 г. эти данные говорят о том, что советское продовольственное потребление все еще не восстановилось, и в первую очередь по-прежнему сохраняется дефицит белковосодержащих продуктов животного происхождения (как указывалось выше, в 1985 г. доля килокалорий в продуктах животного происхождения составляла 34,8%, в 2012 г. — 32,3%). Кроме того, анализ характеристик питания в зависимости от уровня доходов в 2012 г. показал, что в первых трех децильных группах с наиболее низкими доходами суточный уровень потребления белков составил в первом дециле 54 г, во втором — 63,8 г, в третьем — 69,3 г, что ниже действующего норматива прожиточного минимума.

Как отмечалось выше, потребление продовольствия в 1990-е гг. заметно сократилось. Об ухудшении **структуры питания** как следствии снижения уровня жизни свидетельствует также таблица П2. Как показывают данные бюджетной статистики, периодами наиболее ощутимого падения уровня потребления явились 1991–1992 гг., 1995–1996 гг. и 1998–1999 гг. В первую очередь снижение проходило по наиболее ценным (по содержанию животного белка) *мясным и молочным продуктам, рыбе, яйцам*. Снижение потребления продуктов животного происхождения тесно связано с падением уровня реальных доходов населения в эти годы (раздел 1.1).

Восстановительный рост доходов населения, начавшийся с 2000 г., благоприятно сказался на структуре питания: снижалось потребление *хлебобулочных изделий и картофеля*, расло потребление более качественных и полезных продуктов, в первую очередь — *мясных, молочных, фруктов и овощей*. Так, рост потребления *мясных продуктов, включая сало и субпродукты*, в 2012 г., по данным бюджетной статистики, увеличился до 83 кг на душу, что превысило уровень потребления 1990 г. на 13 кг, или на 18,6%². Также заметно повысилось потребление *молочных продуктов*: в 2012 г. по сравнению с 2000 г. их рост составил 34%. Однако по сравнению с 1990 г. уровень душевого потребления данных продуктов все еще отстает и не превышает 70%. По бюджетным данным 2012 г., по сравнению с 1990 г. в 2 раза выросло потребление *фруктов и ягод*; на 18% увеличилось душевое потребление *овощной продукции*; на 47% — *рыбы и рыбопродуктов*; на 60% — *растительного масла*; практически достигнут уровень потребления *яиц, сахара и кондитерских*

¹ См.: Потребление продуктов питания в домашних хозяйствах Российской Федерации. М., 2013.

² В то же время потребление *мясопродуктов без сала и субпродуктов*, по данным ФАО, все еще отстает от уровня 1990 г.: 65 кг в 2011 г. и 69 кг в 1990 г. Данные душевого потребления мясопродуктов в 1990 г., по данным ФАО (без сала и субпродуктов) и по данным бюджетной статистики, составляли соответственно 69 и 70 кг, т.е. доля *сала и субпродуктов* предположительно не превышала 1 кг. В 2011 г. соответствующие уровни составили 65 кг и 71 кг, т.е. доля *сала и субпродуктов* в общем объеме *мясопродуктов* увеличилась и составила 6 кг.

изделий. При этом значительно сократилось потребление *картофеля* — до 68% от уровня 1990 г. Душевое потребление *хлеба и хлебопродуктов* также снизилось: с 116 кг в 1998 г. до 98 кг в 2012 г., т.е. находится на уровне 1990 г. (97 кг).

Если сравнить питание городских и сельских жителей, то благодаря натуральному потреблению из ЛПХ, объем которого уже в первые годы реформ вырос в 2,5–3 раза, у сельского населения ситуация оказалась более благоприятной. Оно смогло сохранить потребление продовольствия за счет продукции собственного производства, при этом сократив потребление тех продуктов, которые нельзя произвести самостоятельно (Суринов, 2003). Сельские жители в годы реформ потребляли заметно больше, чем горожане, *хлебопродуктов* (на 25–30%), *картофеля* (на 30–70%), *сахара и кондитерских изделий* (25%).

Особенно заметна была разница между сельским и городским населением в потреблении *молочных продуктов* в 1995–1996 гг. К этому времени уровень потребления этих продуктов горожанами сократился почти в 2 раза, а у сельских жителей снижение составило лишь 15% от уровня 1990 г. Однако начиная с 1997 г. потребление *молока* на селе стало резко сокращаться и в последние годы практически сравнялось с уровнем потребления данного продукта городскими жителями. Причиной сокращения потребления *молочных продуктов* сельскими жителями стала убыточность их производства.

По данным бюджетной статистики за 2012 г., сельские жители потребляют меньше, чем горожане: *молока и молочных продуктов* (соответственно 249 и 274 кг), *мяса и мясных продуктов* (76 и 85 кг), *фруктов и ягод* (62 и 74 кг) в среднем на потребителя в год. И как следствие, потребление *хлебопродуктов, картофеля и сахара* на селе выше, чем у горожан, но в то же время в динамике потребления данных углеводистых продуктов сокращается.

Наряду с положительными изменениями последних лет нельзя не отметить тот факт, что современная структура питания российского населения все еще характеризуется недостаточным потреблением наиболее биологически ценных продуктов питания, таких как *мясные и молочные продукты, фрукты*, особенно в сравнении с соответствующими данными США (вставка 3.2).

Вставка 3.2. Сравнительный анализ потребления продуктов питания в России и США

Душевое потребление американцами *мяса и мясопродуктов, фруктов* в 2009 г. почти в 2 раза превышало российское потребление в 2010 г., по *молоку и молочным продуктам* — на 11% (рис. 1). По *хлебопродуктам* мы постоянно «обгоняем» американцев, а *картофеля* едим в 2 раза больше. Таким образом, недостаток *мясных и молочных продуктов, фруктов* в своем рационе россияне восполняют углеводами: *хлебом, картофелем*.

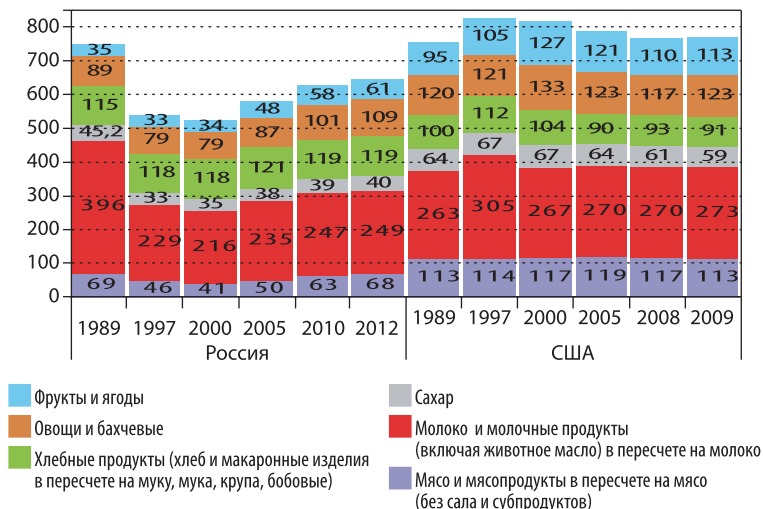

Рис. 1. Потребление основных продуктов питания в России и США в среднем на душу населения, кг в год

Источник: данные Росстата по международным сопоставлениям.

В завершение сравнения питания жителя России с питанием среднего американца приведем данные об энергетической ценности их питания. Так, в 2000 г. среднесуточное потребление калорий россиянином составляло 2916 ккал, американцем — 3814 ккал; в 2005 г. соответственно 3206 и 3799 ккал; в 2009 г. 3172 и 3688 ккал, т.е. разница в количестве калорий сократилась с 30% до 19 и 16%.

3.3. ИМУЩЕСТВЕННАЯ ОБЕСПЕЧЕННОСТЬ

За постсоветские годы — длительный период, соизмеримый с периодом смены поколений, — **оснащенность быта российских домашних хозяйств** изменилась коренным образом. В первую очередь это касается расширения набора электробытовых приборов и внедрения новых современных технологий. *Микроволновые печи и персональные компьютеры* — товары, которых почти не было в быту в начале 1990-х гг., — сегодня массово используются домашними хозяйствами (рис. 3.2). По данным лонгитюдного обследования РМЭЗ-ВШЭ, компьютеры сегодня имеются у 58% российских домохозяйств, тогда как в 1998–2000 гг. они были лишь у 4–5% семей. Стремительно расширилось число пользо-

вателей компьютера и интернета, как по месту работы или учебы, так и дома. По этому показателю лидируют занятые респонденты и семьи с детьми — в этом просматривается роль повышения «компьютеризации» школьного образования, внедрение новых компьютерных технологий анализа и учета на предприятиях, в учреждениях и в работе с населением. *Мобильные телефоны/смартфоны* имеются в наличии у 92% домохозяйств. Постепенно расширяется и круг семей, использующих *посудомоечные машины* и *кондиционеры* — приборы, до сих пор находящиеся в сегменте премиумного потребления, доступного немногим.

Нужно подчеркнуть, бедные домашние хозяйства также активно включены в процесс повышения оснащенности быта, и различия по этому критерию между самыми бедными и среднеобеспеченными перестают быть значимыми (таблица П5). Например, в 2011 г. на 100 семей первого дециля (с самыми низкими душевыми доходами) приходилось 48 микроволновок и 43 компьютера — всего в 1,5 раза меньше, чем в десятом дециле (с самыми высокими душевыми доходами). Еще в 2004 г. разрыв по этим показателям между двумя крайними доходными группами составлял 4,5 раза. По предметам из базового набора (холодильники и стиральные машины) дифференциация между доходными группами практически отсутствует. Примечательно, что по количеству мобильных телефонов домохозяйства первого дециля даже опережают домохозяйства десятого дециля.

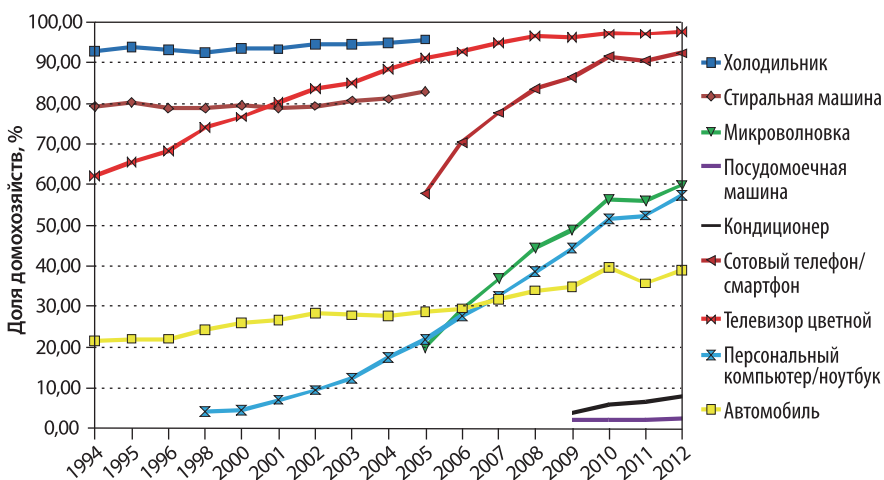

Рис. 3.2. Доля домохозяйств, имеющих в распоряжении данный товар длительного пользования в 1994–2012 гг.

Источник: рассчитано по данным РМЭЗ-ВШЭ.

В то время как использование в быту современной техники растет за счет расширения охвата семей, оснащенность бытовыми приборами в терминах количества на одно домашнее хозяйство почти не меняется. К середине 1990-х гг. российские домашние хозяйства получили возможность приобрести основную бытовую технику, и уже тогда почти в каждом доме появился и *холодильник* и *стиральная машина*, далее же происходило обновление этих бытовых приборов. По данным РМЭЗ-ВШЭ, за 2006–2012 гг. доля семей, у которых есть холодильник системы *no frost*, выросла с 22 до 49%; доля семей, имеющих стиральную машину-автомат, увеличилась с 40 до 71%. В данном случае рассматривается только факт наличия данных бытовых приборов и не учитывается количество однотипных приборов у одного домашнего хозяйства. Данные ОБДХ показывают почти тотальное вытеснение в быту российских домашних хозяйств черно-белых *телевизоров* цветными и распространение потребительского стандарта «телевизор на кухне» или «телевизор в каждой комнате» вместо «телевизор в гостиной» — в 2011 г. в среднем на 100 домашних хозяйств приходилось 168 цветных телевизоров (таблица П5).

Отдельно остановимся на **наличии легковых автомобилей** у населения (рис. 3.3). Макростатистика показывает, что их количество в расчете на 1000 населения выросло в 8,5 раза с начала 1980-х, и в 4,4 раза с начала 1990-х.

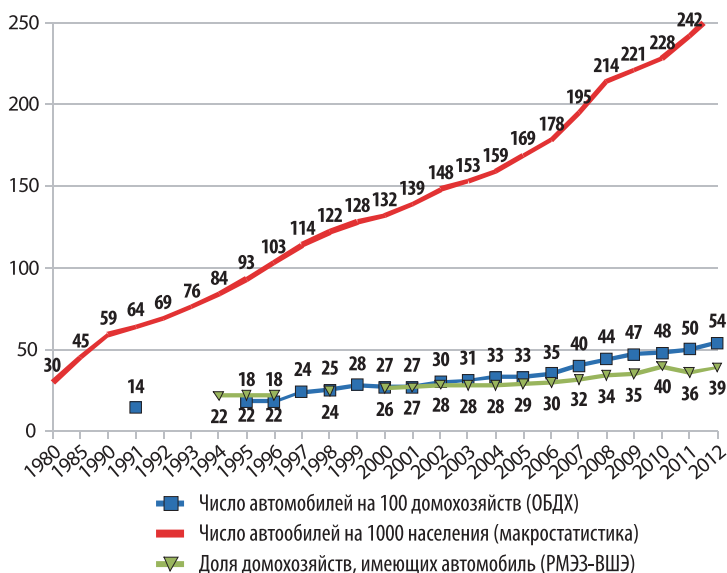

Рис. 3.3. Обеспеченность населения собственными легковыми автомобилями в 1980–2012 гг.

Источник: данные макростатистики Росстата, ОБДХ и расчеты по данным РМЭЗ-ВШЭ.

Поскольку автомобиль может использоваться сразу несколькими и/или всеми членами семьи, данные ОБДХ дают более адекватную оценку доступа населения к этому ресурсу. Показатель количества легковых автомобилей на семью согласно ОБДХ вырос в 3,9 раза за 1991–2012 гг. — с 14 до 54 штук на 100 семей. Эти данные хорошо согласуются и с макростатистикой. Однако они не фиксируют охват — сегмент семей, имеющих автомобиль. По данным обследования РМЭЗ-ВШЭ, доля семей, у которых есть легковой или грузовой автомобиль, выросла с 21,5% в 1994 г. до 38,9% в 2012 г. Таким образом, оба выборочных обследования свидетельствуют о росте числа автовладельцев. Более детальный анализ данных ОБДХ позволяет заключить, что наличие в семье нескольких легковых автомобилей — довольно редкое явление в масштабах всей России (речь идет о менее чем 5% домашних хозяйств¹).

3.4. СУБЪЕКТИВНЫЕ ПОКАЗАТЕЛИ УДОВЛЕТВОРЕННОСТИ МАТЕРИАЛЬНЫМ ПОЛОЖЕНИЕМ

Мнение населения относительно своего материального положения не всегда отражает объективное положение дел. Однако субъективные оценки и ожидания влияют на перспективы развития экономики. Оценка личного материального положения и общих экономических условий во многом определяет потребительские намерения населения. В совокупности такие намерения оказывают серьезное воздействие на экономику и служат достаточно точными показателями изменений в будущих расходах и сбережениях потребителей.

Наблюдение за этими показателями ведется Росстатом на основе выборочного обследования 5000 респондентов². Анкета включает вопросы о мнении респондента об общей экономической ситуации и личном материальном положении, о ситуации на рынках товаров (услуг) и сбережений. На основе баланса оценок респондентов (в процентах)³ по соответствующим вопросам анкеты рассчитываются **индексы финансовых настроений**.

¹ Служебный автотранспорт здесь не учитывается.

² Подробнее о методологии исследования: http://www.gks.ru/free_doc/new_site/population/urov/murov8.htm

³ Баланс оценок представляет собой разность между суммой долей (в процентах) определенно положительных и скорее положительных ответов и суммой долей (в процентах) определенно отрицательных и скорее отрицательных ответов. Нейтральные ответы не принимаются во внимание.

На фоне улучшения макро- и микроэкономических индикаторов уровня жизни за период экономического роста 1999–2007 гг. индексы финансовых настроений населения в контексте ожидаемых и произошедших изменений личного материального положения также имели положительную динамику (рис. 3.4). Отметим: рост *индекса текущего материального положения* происходил преимущественно за счет сокращения доли отрицательных оценок (с декабря 1999 г. по декабрь 2008 г. с 40 до 17%) и роста доли тех, кто находился в зоне стабильности (их материальное положение не улучшалось и не ухудшалось). Именно поэтому на уровне массового сознания 8 лет с 2000 по 2008 г. воспринимались не как годы подъема, а как период стабилизации благосостояния: объективные показатели доходов населения прирастали быстрее субъективных оценок населения.

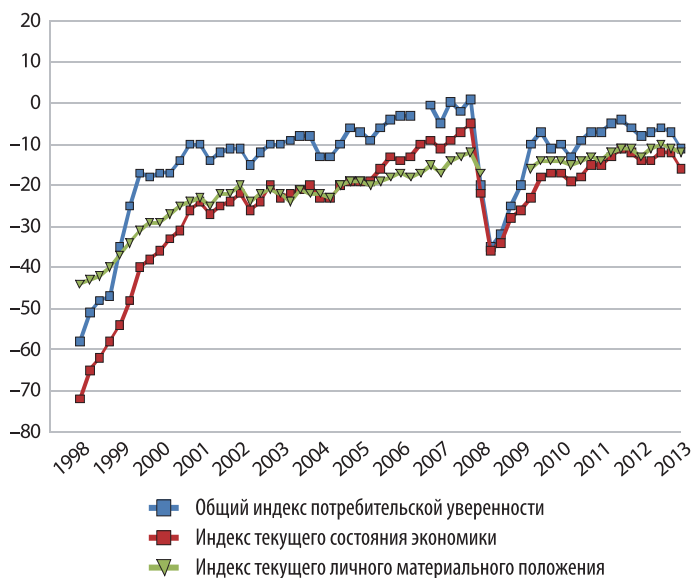

Рис. 3.4. Динамика индексов финансовых настроений в 2000–2012 гг., в процентах

Источник: рассчитано по данным Росстата.

Финансово-экономический кризис 2008 г. привел к редукции индексов финансовых настроений населения: соответствующие показатели упали в первой половине 2009 г. ниже отметки 2000–2001 гг. На фоне ухудшения макроэкономических показателей индексы произошедших и ожидаемых изменений личного материального положения в первом квартале 2009 г. демонстрировали

небывалый обвал. На начальном этапе кризиса наибольшие опасения у населения вызывало соотношение динамики изменения доходов и роста цен. К столь ощутимому снижению субъективных индексов в 2008–2009 гг. на фоне незначительного изменения объективных доходных показателей, вероятно, привел негативный опыт, полученный в ходе рецессии 1990-х гг. Однако понимание того, что сценарии кризисов 1990-х и 2000-х гг. существенно отличаются друг от друга, не заставило себя ждать: уже в I квартале 2010 г. субъективные оценки материального положения и ожидания относительно изменений экономической ситуации существенно приблизились к уровню середины 2000-х — кризисные настроения были преодолены.

По данным выборочного опроса РМЭЗ-ВШЭ, показатели **удовлетворенности населения своим материальным положением** оказались менее чувствительны к макроэкономическим шокам. Доля населения, удовлетворенного своим материальным положением, продолжала расти даже в кризисный 2008 г. Но в целом сегмент такого населения был и остается небольшим и, по данным 2012 г., составляет 23% в среднем по населению (рис. 3.5). Различия между самыми бедными и самыми богатыми по этому критерию минимальны: от 17,5% среди представителей первого квинтиля (с самыми низкими душевыми доходами) до 31% среди представителей пятого квинтиля (с самыми высо-

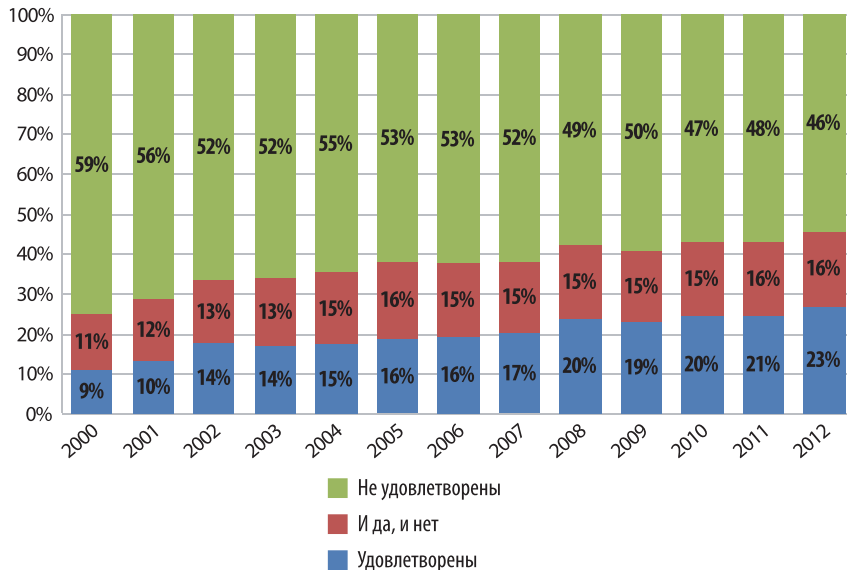

Рис. 3.5. Динамика удовлетворенности своим материальным положением в 2000–2010 гг., в процентах

Источник: рассчитано по данным РМЭЗ-ВШЭ.

кими душевыми доходами). Нельзя не отметить, что доля тех, кто недоволен своим материальным положением, имеет устойчивую тенденцию к сокращению: к 2012 г. она уменьшилась на четверть по сравнению с началом периода наблюдения.

3.5. ОСНОВНЫЕ ТЕНДЕНЦИИ ДИНАМИКИ НЕМОНЕТАРНЫХ ПОКАЗАТЕЛЕЙ БЛАГОСОСТОЯНИЯ

- В 1990-е гг. в динамике продовольственного потребления произошел спад, причем в первую очередь снижение происходило по наиболее ценным (по содержанию животного белка) продуктам. Особенно заметна была белковая недостаточность в питании горожан. Подобной ситуации не было в последние дореформенные годы. Причиной недостаточного питания в 1990-е гг. было не отсутствие каких-либо продуктов на рынке, а недостаток материальных возможностей для удовлетворения этой самой насущной потребности.
- Несмотря на экономическую стабилизацию в 2000-е гг., реальные уровни среднего потребления энергии россиянами были ниже нормативного минимума, а в 2008 г. положение даже несколько ухудшилось. По данным ОБДХ за 2012 г., три нижние децильные группы (30% населения) все еще не получают полноценного сбалансированного питания, отвечающего медицинским нормам, хотя официальный уровень бедности гораздо ниже 30%.
- В 2000-х гг. в структуре питания произошли положительные изменения: снизилось потребление хлебопродуктов и картофеля, выросло потребление более качественных и полезных продуктов, в первую очередь — мясных, молочных, фруктов и овощей. Однако по некоторым продуктам советское продовольственное потребление все еще не восстановилось, и в первую очередь сохраняется дефицит белковосодержащих продуктов и фруктов, особенно в трех нижних децильных группах.
- Гораздо больший прогресс был достигнут в вопросах оснащенности быта. В первую очередь это касается расширения набора электробытовых приборов и внедрения новых современных технологий. Например, по данным обследования РМЭЗ, компьютеры сегодня имеются у половины российских домохозяйств, тогда как в 1998–2000 гг. они были лишь у 4–5% семей. Бедные домашние хозяйства также активно включены в процесс повышения оснащенности быта, и различия по этому критерию между самыми бедными и среднеобеспеченными перестают быть значимыми.

- Все источники информации единогласно свидетельствуют о росте числа автовладельцев. Макростатистика за последние 30 лет показывает, что количество легковых автомобилей в расчете на 1000 населения выросло более чем в 7 раз, в том числе начиная с 1990 г. — в 3,5 раза. По данным РМЭЗ, доля семей, у которых есть автомобиль, выросла с 21,5% в 1994 г. до 38,9% в 2012 г.
- Анализ динамики субъективных оценок текущего материального положения показывает, что на уровне массового сознания 8 лет с 2000 по 2008 г. воспринимались не как годы подъема, а как период стабилизации благосостояния: объективные показатели доходов населения прирастали быстрее субъективных оценок населения. Очередной кризис привел к ощутимому снижению субъективных индексов в 2008–2009 гг. — их значения ниже отметки 2000–2001 гг. на фоне незначительного снижения реальных доходов, что обусловлено негативным опытом, полученным в ходе рецессии 1990-х гг. Однако уже в начале 2010 г. кризисные настроения были преодолены.
- Доля населения, удовлетворенного своим материальным положением, росла на протяжении 2000-х гг., но в целом этот сегмент был и остается небольшим (менее 25%, по данным 2012 г.).

ГЛАВА 4. БЕДНОСТЬ

4.1. КОНЦЕПТУАЛЬНЫЕ ОСНОВЫ ОЦЕНКИ БЕДНОСТИ

В современной экономической теории в вопросе определения и измерения такого явления, как бедность, существует несколько альтернативных подходов, имеющих разную концептуальную основу, методологию расчета показателей и область применения (например, разработка критериев для программ социальной поддержки населения, международные сравнения и т.д.). Тем не менее, любое определение бедности предполагает методологическое решение двух принципиальных вопросов (Ravallion, 1992):

- определение характеристик благосостояния, то есть уровня и качества жизни индивидов или домашних хозяйств, для соотнесения с чертой бедности;
- установление черты бедности или того минимального стандарта, уровень ниже которого рассматривается как бедность.

Согласно общепринятой в мире классификации, черта бедности может быть определена на основе (1) *абсолютного*, (2) *относительного* и (3) *субъективного* подходов.

Возникшая раньше всех *абсолютная концепция* исходит из установления черты бедности посредством формирования минимальной потребительской корзины. Бедными считаются семьи, собственных ресурсов которых недостаточно для удовлетворения базовых потребностей. Иными словами, правительство страны утверждает набор самых необходимых для потребления товаров и услуг, стоимость которых составит пороговое значение, или черту, бедности. Данным подходом, помимо России, пользуется множество стран, включая США (Orshansky, 1965). В рамках абсолютного подхода черта бедности рассчитывается как *стоимостная оценка минимальной потребительской корзины*. Для измерения масштабов бедности с ней могут сравниваться различные монетарные показатели, например доходы или расходы.

Относительная концепция определения черты бедности базируется на том, что к бедным относятся те, чей уровень жизни существенно отличается от стандарта, преобладающего в стране. В основе относительной черты бедности лежит метод оценки относительных лишений, разработанный английским ученым П. Таунсендом в 1970-х гг. В этом случае бедность измеряется через немонетарные характеристики уровня жизни домохозяйства и понимается как недостаточность ресурсов, необходимых для достижения сложившихся в дан-

ном обществе стандартов потребления. Отклонения от стандартного для общества уровня жизни было обозначено понятием *лишения*, или *депривации* (Townsend, 1979). Список лишений, касающихся всех областей человеческой жизни, был определен П. Таунсендом экспертным путем. Наличие каких-либо лишений из экспертного списка означает, что домохозяйство имеет недостаточный ресурсный потенциал для полноценного участия в жизни общества, к которому оно принадлежит. Критики этого подхода полагали, что собственное мнение эксперта, составляющего список лишений, может вносить элемент субъективизма и исказить действительную картину бедности. Для решения этой проблемы в рамках *метода относительных лишений* (депривационной концепции) Дж. Мак и С. Лэнслей предложили для составления списка лишений в качестве экспертов выбирать самих опрашиваемых (Mack and Lansley, 1985).

В силу сложности применения данного подхода разработана альтернативная оценка — *монетарная относительная линия бедности*, устанавливаемая на уровне 50–60% от величины медианного дохода. Эти линии бедности используются Евростатом и ОЭСР.

Альтернативой абсолютному и относительному подходу служит *субъективная концепция* бедности, которая предполагает установление черты бедности на основе анализа представлений населения о том, какой объем ресурсов необходим для удовлетворения минимальных потребностей (Van Praag, Goedhart et al., 1980). Характеристики масштабов субъективной бедности рассматриваются как предварительные оценки численности потенциальных претендентов на социальную поддержку в связи с низким уровнем жизни. К субъективным признакам бедности могут относиться ощущения трудности существования, недостатка ресурсов и денежных средств, невозможности обеспечить уровень жизни, который воспринимается как «нормальный».

Отметим, что исследования феномена субъективной бедности, проведенные специалистами многих стран, в том числе на основе РМЭЗ-ВШЭ, показывают слабое совмещение субъективных ощущений и объективных оценок бедности респондентов на основе показателя доходов, в частности (Ravallion and Lokshin, 1999). Причина кроется как в недостатках оценки бедности на основе доходов, так и в недостаточно точном выборе вопросов для определения субъективной бедности домохозяйства. Однако исследование данного феномена крайне важно для планирования социальных программ, поскольку помогает спрогнозировать, какая доля населения будет заинтересована в получении помощи от государства: индивид, относящий себя к категории бедного населения, с большей вероятностью будет участвовать в программах поддержки малоимущих. Кроме того, показатели субъективной бедности позволяют достаточно точно охарактеризовать социальный «климат» общества.

Стоит сказать, что ни один из вышеперечисленных методов оценки бедности не является бесспорным и универсальным. Поэтому М. Равальон в своей работе отмечает важность дополнения различных подходов друг другом и извлечения преимуществ из их комбинирования (Ravallion, 1992). Например, регулярный мониторинг показателя абсолютной бедности позволит зафиксировать динамику определенного стандарта уровня жизни, а дополнение ее относительной оценкой — изменения общего уровня жизни общества, а следовательно, и представлений о благосостоянии в нем. С другой стороны, сочетание монетарных оценок с немонетарными также может быть очень эффективным, так как позволяет устранить погрешности идентификации бедных, неизбежные при использовании каждого подхода в отдельности. Одной из рекомендуемых процедур должно стать сравнение оценок, полученных на основе анализа доходов и данных анализа антропометрических и других показателей лишений (например, недоедания). В данной главе рассматриваются альтернативные подходы к выявлению бедного населения, а также представлен результат комплексного их использования.

4.2. МОНЕТАРНЫЕ ОЦЕНКИ БЕДНОСТИ

Основным официальным показателем мониторинга бедности в России с 1992 г. по настоящее время является **доля населения с доходами ниже стоимости прожиточного минимума (ПМ)** — минимальной потребительской корзины, рассчитанной нормативным методом. Напомним, что по идеологическим соображениям понятие «бедность» в Советском Союзе не использовалось. Его аналогом служило понятие «уровень малообеспеченности», впервые получившее применение в начале 1970-х при разработке программы помощи детям в малообеспеченных семьях. Однако, осуществляя регулирование минимальной оплаты труда, государство опиралось на категории «минимального потребительского бюджета». После либерализации цен в 1992 г. доходы 70% российских граждан опустились ниже уровня прожиточного минимума советского периода (Ovcharova and Popova, 2001). Для того чтобы выявить наиболее нуждающихся в социальной поддержке в новых экономических условиях, пришлось изменить границу бедности. Подход к определению прожиточного минимума был пересмотрен: минимальная потребительская корзина 1992 г. оказалась в 2 раза дешевле аналогичной корзины советского периода (вставка 4.1).

Вставка 4.1. Черта бедности в России

Россия была первой страной СНГ, в которой после начала рыночных преобразований в 1992 г. была утверждена официальная методика оценки черты бедности на основе расчета прожиточного минимума. За годы постсоветского развития методика расчета величины прожиточного минимума менялась трижды. С 1992 по 1999 г. он определялся нормативно-статистическим методом, согласно которому на основе минимальных норм потребления белков, жиров, углеводов, минеральных веществ и витаминов оценивалась стоимость продуктовой корзины. Стоимость непродуктовой части рассчитывалась на основе структуры расходов 20% самых бедных семей. Доля продуктовой корзины в общей структуре прожиточного минимума составляла 68,3%. С 2000 г. величина прожиточного минимума стала определяться полностью нормативным методом, это означает, что и продуктовая, и непродуктовая части минимальной корзины оцениваются на основе минимальных норм потребления.

Следует отметить, что для каждого субъекта РФ определялся свой прожиточный минимум. Различия в стоимости региональных прожиточных минимумов оцениваются на уровне 3,5–4 раз. Так как потребности населения значительно дифференцируются в зависимости от его социально-демографических характеристик и условий проживания, прожиточный минимум рассчитывался не только в среднем на душу населения или домохозяйство, но и отдельно для детей, пенсионеров и трудоспособных граждан.

Ретроспективные оценки показателя за 1999 и 1998 гг. по методике, действующей с 2000 г. (таблица 1), указывают на то, что новый прожиточный минимум стал дороже примерно на 15%. При этом для пенсионеров величина прожиточного минимума, рассчитанного по методике 2000 г., возросла примерно на 25%, для детей — на 20%, для трудоспособного населения — примерно на 12%.

Прожиточный минимум определяется как стоимостная оценка потребительской корзины, а также обязательных платежей и сборов. В свою очередь, потребительская корзина определяется как минимальный набор продуктов питания, а также непродовольственных товаров и услуг, необходимых для сохранения здоровья человека и обеспечения его жизнедеятельности. С 2000 г. состав ПМ определяется не реже одного раза в пять лет. Минимальные наборы продуктов питания разрабатываются Институтом питания РАМН с учетом рекомендаций Всемирной организации здравоохранения (ВОЗ). Минимальные наборы непродовольственных товаров составляются по результатам обследований бюджетов домашних хозяйств с учетом данных о

Таблица 1. Величина прожиточного минимума в разрезе социально-демографических групп в 1998–2000 гг.

	Все население	В том числе по социально-демографическим группам		
		Трудоспособное население	Пенсионеры	Дети
1998	493 (567)	555 (616)	348 (426)	498 (572)
1999	908 (1008)	1003 (1089)	640 (771)	902 (1017)
2000	1210	1320	909	1208

Источник: рассчитано по данным Росстата.

фактической обеспеченности семей с низкими доходами. Минимальные наборы услуг, налогов и других платежей формируются исходя из платного характера оказания услуг. Они включают услуги жилищно-коммунального хозяйства, общественного транспорта, а также другие виды услуг (в частности, услуги культуры). Услуги здравоохранения, образования, социального обслуживания в минимальную потребительскую корзину не включаются, поскольку считается, что они предоставляются на бесплатной основе. Налоги и другие платежи включаются в ПМ только для трудоспособного населения.

На протяжении 2000-х гг. наблюдалось сокращение доли стоимости продуктов питания в структуре величины ПМ, а также некоторое снижение доли стоимости непродовольственных товаров. Происходило это на фоне существенного увеличения вклада стоимости услуг. Так, в 2012 г. услуги составляли более 40% ПМ, что в 2 раза выше, чем в 2000 г.

Стоимостная оценка ПМ производится на основании данных Росстата об уровне потребительских цен на продукты питания, непродовольственные товары и услуги, поэтому динамика стоимости прожиточного минимума повторяет динамику цен.

В декабре 2012 г. Федеральным законом № 227-ФЗ «О потребительской корзине в целом по Российской Федерации» была утверждена новая, ныне действующая методика определения минимальной потребительской корзины, согласно которой Россия вернулась к нормативно-статистическому методу. Теперь продовольственная часть корзины зафиксирована и установлена на уровне 50% от минимальной потребительской корзины. Норма потребления мясопродуктов для трудоспособного населения возросла на 57,5%, для пенсионеров — на 71,4%, для детей — на 30,6%; рыбопродуктов — на 15,6%, 6,7% и 32,9% соответственно. Более чем в 2 раза увеличена норма потребления свежих фруктов. Энергетическая ценность новой корзины в среднем на одного человека в сутки составляет для трудоспособного населения 2 487 ккал, пенсионеров — 2 100 ккал, детей — 2 012 ккал.

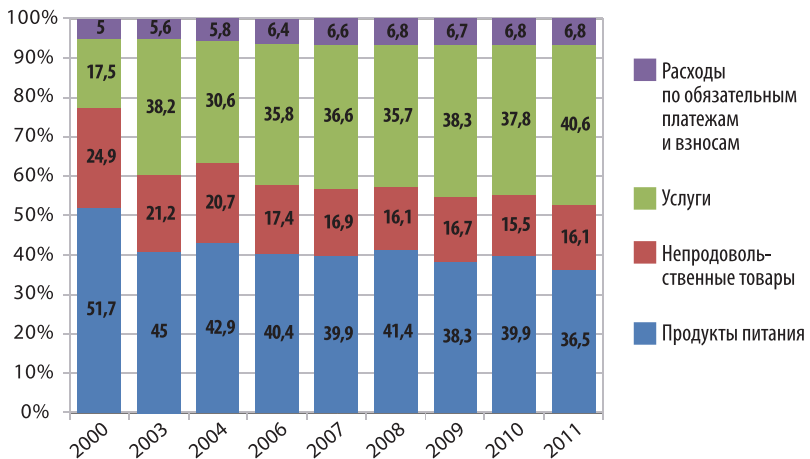

Рис. 1. Динамика структуры прожиточного минимума в 2000–2010 гг., в процентах

Источник: данные Росстата.

Вставка 4.2. Относительный подход к монетарной бедности

Монетарная черта бедности может быть определена на основе как абсолютного, так и относительного подхода. Согласно методике Евростата порог относительной бедности устанавливается на уровне 60% медианного эквивалентного дохода в стране, ОЭСР использует менее жесткий 50%-й порог. Использование медианы необходимо, потому что распределение по доходам обычно смещено влево и медианный доход практически всегда ниже среднего дохода. Как правило, прирост доходов на верхнем конце распределения отражается на среднем доходе, в то время как медианный доход к нему нечувствителен. Если бы в такой ситуации для измерения бедности использовался процент от среднего дохода, мы бы получили завышенные оценки уровня относительной бедности.

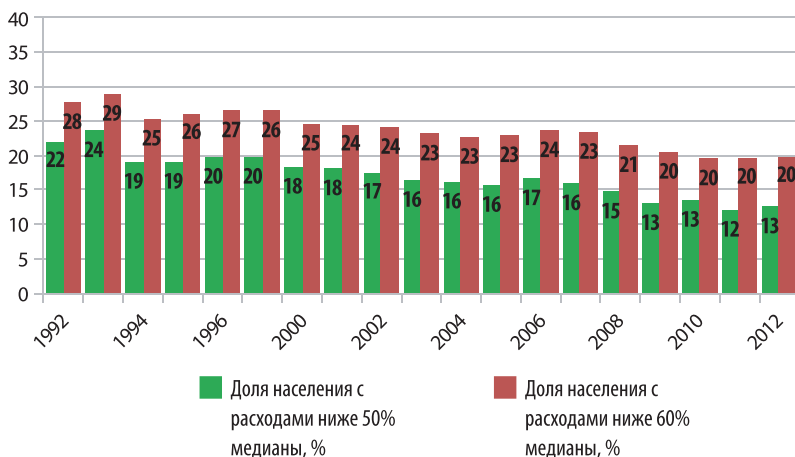

Рис. 1. Динамика относительной монетарной бедности домохозяйств

Источник: рассчитано по данным РМЭЗ-ВШЭ.

По сути, оценки относительной бедности отражают неравенство в распределении доходов на нижнем конце распределения, поэтому если тренды неравенства и абсолютной бедности имеют разнонаправленный характер, динамика относительной бедности будет отличаться от динамики абсолютной бедности по доходам, что и демонстрируют наши расчеты на данных РМЭЗ-ВШЭ (рис. 1). Согласно данным РМЭЗ-ВШЭ, максимальная доля бедных по относительным критериям наблюдалась в 1993 г. (24% по слабому критерию и 29% по жесткому критерию). С 1998 г. и вплоть до нового кри-

зиса в 2008 г. наблюдается монотонное сокращение сегмента бедных, однако это сокращение не является столь ощутимым, как трансформация абсолютного монетарного уровня бедности. В 2012 г. в число бедных по менее жесткому относительному критерию попадало 13% домохозяйств, то есть такой же процент домохозяйств, что и по абсолютной оценке. Таким образом, на данный момент российская черта бедности аналогична черте бедности, используемой ОЭСР.

По пересчитанной минимальной потребительской корзине в 1992 г. в число бедных попала треть российского населения (рис. 4.1). С 2001 г. наблюдалась устойчивая тенденция снижения доли бедного населения, и за период между 2000 и 2007 гг. сегмент малоимущих сократился в два раза. Кризис 2008 г. не привел к росту бедности — существенных изменений показателя по итогам 2009 г. не наблюдалось. В 2010–2011 гг. официальная статистика также не фиксирует радикальных перемен, и лишь в 2012 г. доля бедного населения снижается на 1 п.п. — до 11% от численности населения России.

Оценки бедности, полученные на основе микроданных, несколько отличаются от макростатистических. Согласно данным РМЭЗ–ВШЭ, доля бедных и по расходам, и по доходам на протяжении 1990-х и до середины 2000-х гг. была

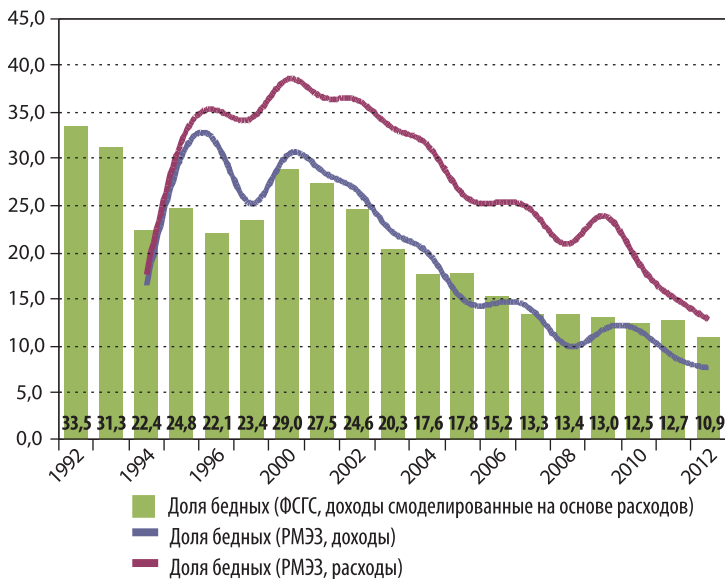

Рис. 4.1. Динамика уровня бедности населения России в 1992–2011 гг.

Источник: данные Росстата и расчеты по данным РМЭЗ–ВШЭ.

выше показателей Росстата (который, как известно, не ведет наблюдения за доходами и использует оценки расходов, дооцененные на основе доходов)¹. Хотя в целом динамика уровня бедности по микро- и макроданным похожа, в периоды экономических кризисов эти оценки могут входить в противоречие. Например, в период 2009–2010 гг. данные РМЭЗ-ВШЭ фиксируют рост бедности, тогда как показатель Росстата не меняется.

Может ли индекс численности бедного населения считаться хорошим показателем бедности? В некоторых случаях — да. Он легок в понимании и использовании на практике. В случае оценки общего прогресса в сокращении бедности он является вполне адекватным инструментом анализа. Однако в некоторых случаях, включая анализ влияния на бедных тех или иных политических мер, использование показателя доли бедного населения не позволяет оценить получаемые эффекты. Так обстоит дело, например, в том случае, когда программа нацелена на самых бедных и в результате ее действия получатели социальной помощи не покидают группу бедных, но существенно повышают уровень доходной обеспеченности. В подобном случае наиболее точные оценки динамики дает показатель *дефицита дохода*.

Этот показатель бедности может исчисляться различными способами. Официальная российская статистика исчисляет его как сумму доходов, которую необходимо доплатить всем бедным для того, чтобы они перестали быть таковыми, в процентном выражении от объема доходов всего населения. Динамика этого показателя также представлена на рис. 4.2. Из него видно, в частности, что в 2012 г. для ликвидации бедности необходимо было перераспределить в пользу бедных 1% от общего объема доходов. Однако в условиях роста доходов средне- и высокообеспеченных слоев населения данный показатель может сокращаться даже при усугублении проблем бедности. Наиболее информативным является душевой **дефицит дохода, выраженный в процентах от величины прожиточного минимума**. Оценки на данных РМЭЗ-ВШЭ свидетельствуют о том, что этот средний дефицит дохода бедных в 2012 г. по доходам составлял 31% величины прожиточного минимума, по расходам — 26% данной величины. Данный результат указывает на то, что российская бедность все еще является достаточно глубокой, хотя в настоящее время ее глубина гораздо ниже, чем в конце 1990-х.

¹ Причины такого расхождения следующие. С одной стороны, при расчете макроэкономических показателей БДР с помощью имитационного моделирования проводится дооценка скрытых доходов населения, что в равной степени приращивает доходы бедных и небедных, хотя известно, что неучтенные доходы в большей степени концентрируются у высокообеспеченных слоев. Это существенно снижает оценки бедности, полученные на основе макроэкономических данных. С другой стороны, данные любых выборочных обследований не учитывают в полном объеме скрывающиеся от учета доходы, что способствует завышению масштабов бедности.

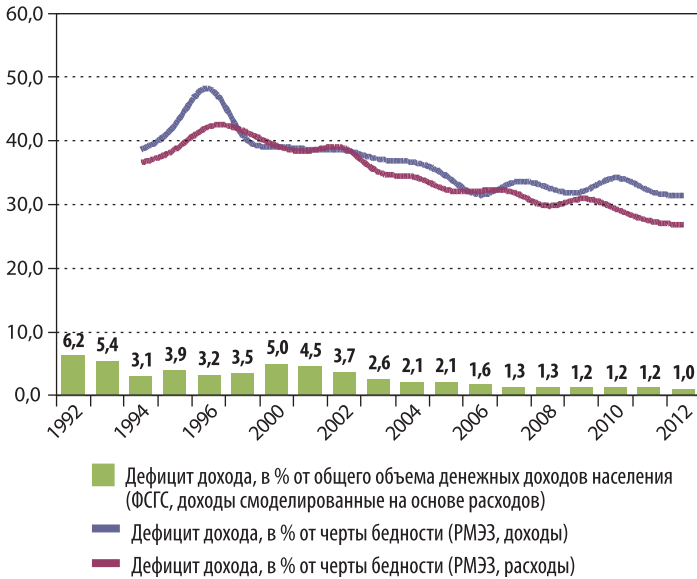

Рис. 4.2. Динамика дефицита денежного дохода бедного населения России в 1992–2012 гг.

Источник: данные Росстата и расчеты по данным РМЭЗ–ВШЭ.

Подводя итог рассмотрению динамики уровня монетарной бедности отметим, что на основании данного индикатора мы можем сделать вывод о том, что стандарт выживания перестал быть массовым для России и формируются условия для новой модели преобладающего потребительского поведения, но чтобы понять, каковы эти условия, насколько далеко мы продвинулись в данном направлении и что будет способствовать дальнейшему прогрессу, необходимо обратиться к показателям профиля бедности и компаративному анализу ее монетарных и немонетарных критериев.

Профиль и структура бедности уже неоднократно анализировались в наших публикациях (Овчарова Л.Н, 2005 и 2009). Росстат ежегодно выпускает специальный статистический сборник «Социально-экономические индикаторы бедности». Оценки официальной статистики и результаты, полученные на основе микроданных РМЭЗ–ВШЭ и РидМиЖ, относительно основных тенденций в динамике структуры и рисков бедности совпадают (Овчарова Л.Н., 2012). Для их иллюстрации обратимся к микроданным РМЭЗ–ВШЭ, на примере которых мы можем проанализировать максимально длинный временной ряд (Таблица 4.1).

Начиная с периода реформ 1990-х и до настоящего момента домохозяйства, в которых проживают дети, отличаются максимальными рисками бедности. Для семей пенсионеров, к которым мы отнесли все семьи, где нет трудоспо-

Таблица 4.1. Динамика доли домохозяйств с расходами ниже ПМ в 1994–2012 гг.

	Все домохозяйства	Домохозяйства с детьми до 18 лет	Домохозяйства пенсионеров (без трудоспособных)	Домохозяйства трудоспособных	Домохозяйства трудоспособных и пенсионеров
1994	17.6	22.9	9.7	13.3	18.4
1995	31.8	43.2	16.9	23.6	31.8
1996	35.2	44.9	20.5	29.3	37.6
1998	34.3	44.4	16.9	31.7	37.5
2000	38.5	46.6	24.6	34.7	43.7
2001	36.6	43.6	25.1	33.2	41.6
2002	36.3	43.6	24.6	31.5	42.0
2003	33.3	42.9	20.3	27.2	38.0
2004	31.5	39.3	18.3	27.9	37.1
2005	26.2	34.5	13.3	24.9	28.6
2006	25.3	31.4	17.7	21.7	28.2
2007	24.3	30.4	18.9	20.1	25.0
2008	20.9	27.4	13.4	17.5	29.8
2009	23.9	30.2	13.8	26.0	24.6
2010	18.9	25.6	7.4	16.5	17.3
2011	15.2	21.6	6.7	14.6	16.9
2012	12.8	19.0	5.5	13.0	12.3

Источник: рассчитано по данным РМЭЗ-ВШЭ.

собных, но есть пенсионеры, монетарная бедность, вопреки распространенному стереотипу, нехарактерна. Быстрые темпы сокращения бедности среди пожилых в последние пять лет обусловлены как мерами, направленными на ускоренное повышение размера пенсии, так и развитием программ социальных пособий для пожилых. В частности, с 2010 г. введена доплата для всех неработающих пенсионеров, повышающая их индивидуальные доходы до величины прожиточного минимума.

При подготовке данного доклада нас в большей степени интересовали немонетарные критерии бедности, которые наиболее полно представлены в обследовании РидМиж. Данное обследование проводилось по инициативе и при финансовой поддержке Пенсионного фонда РФ, поэтому используемая в его рамках социально-демографическая типология ориентирована на изучение пенсионных стратегий. Именно для того, чтобы получить представление о сопоставимости данных РМЭЗ и РидМиж мы применили социально-демогра-

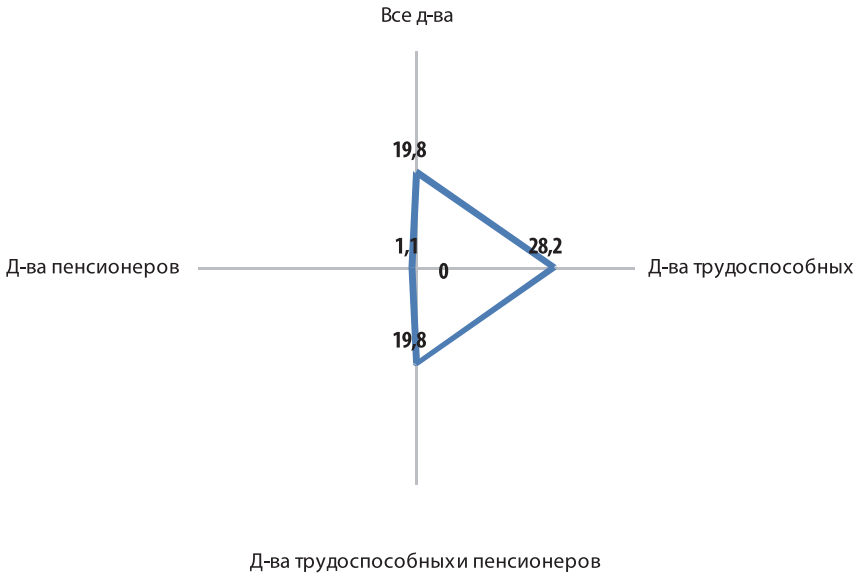

Рис. 4.3. Риски бедности по доходам для домохозяйств разного типа

Источник: рассчитано по данным РидМиЖ 2011 г.

фическую типологию, представленную в табл. 4.1. В целом РидМиЖ показывает более пессимистичные оценки бедности, что обусловлено смещением выборки в сторону бедных домохозяйств, использованием менее тщательной процедуры оценки доходов и невозможностью перевзвешивания данных на основе данных о расходах. Детальная информация о социально-демографическом профиле бедности по доходам представлена в Таблице П6 Приложения, колонка 1. Итак, согласно РидМиЖ среди бедных широко представлены работающие. Доля молодых групп в составе бедных выше, чем в составе населения в целом. При этом наличие высшего образования существенно понижает вероятность оказаться в числе малоимущих. Риски бедности по доходам существенно дифференцированы в разрезе типов поселения — самая многочисленная доля бедных фиксируется среди жителей села. Доля бедных по доходам максимальна среди домохозяйств, в составе которых есть только трудоспособные (с детьми или без детей), а минимальные риски бедности имеют домохозяйства, в составе которых есть пенсионеры, но нет трудоспособных (рис. 4.3).

4.3. НЕМОНЕТАРНЫЕ ОЦЕНКИ БЕДНОСТИ

Уровень и профиль бедности по лишениям. На данный момент единственным источником репрезентативных данных о распространенности потребительских лишений в России является обследование РидМиЖ. До этого метод относительных деприваций применялся лишь в рамках исследований бедности городского населения (Овчарова, Прокофьева и др., 1998) и на уровне отдельного региона (Laurie, Ovcharova et al., 2006). На основе опыта этих исследований в анкету РидМиЖ были включены вопросы с целью выявления в каждом конкретном домохозяйстве восьми типов лишений. Считается, что лишение по данному благу присутствует, если домохозяйство этого блага не имеет и не может себе позволить из-за нехватки средств. Если домохозяйство не имеет данного блага по другим причинам (например, не едут в отпуск, потому что не хотят), считается, что лишение отсутствует.

Таблица 4.2 характеризует динамику показателей лишений в 2007–2011 гг. в различных типах домохозяйств. За 2007–2011 гг. распространенность всех видов деприваций снизилась. Самыми часто встречающимися видами лишений являются недостаток средств для оплаты недельного отпуска вне дома (67% домохозяйств) и оплаты образования членов семьи (62%). Около половины домохозяйств сталкивается с нехваткой средств для замены износившейся мебели или товаров длительного пользования, столько же семей не имеют средств для организации семейных праздников хотя бы раз в месяц. 18% домохозяйств сталкивались с ограничениями в питании. 13% не могли обновлять одежду по мере необходимости. Проблемы с оплатой отопления были у 10% семей. В отличие от монетарной бедности наиболее высокие риски присутствия лишений как в 2007 г., так и в 2011 г. зафиксированы у домохозяйств пенсионеров. Это касается всех видов деприваций.

Напомним, что в рамках подхода к оценке бедности через «относительные депривации/лишения» бедными считаются индивиды/домохозяйства, которые из-за отсутствия средств не могут позволить себе те же блага, что и основная масса граждан и вследствие этого исключены из сложившегося в стране стиля и образа жизни. Следовательно, для того чтобы определить черту относительной бедности, необходимо сначала оценить преобладающий жизненный стандарт. В преобладающий жизненный стандарт логично включить те блага, которые себе могут позволить более 50% всех домохозяйств. Согласно этому критерию в итоговый список вошли только 6 из 8 индикаторов лишений, поскольку средствами на оплату ежегодного отпуска и образования всех членов семьи располагают менее 50% российских семей. Каждый индикатор равен 1, если домохозяйство не может позволить себе данное благо из-за нехватки средств, или 0, если указаны другие ответы. Индекс деприваций равен сумме шести индикаторов. Проанализировав распределение индекса, к

Таблица 4.2. Динамика распространенности лишений среди домохозяйств различных типов, в процентах

	Домохозяйства пенсионеров		Домохозяйства пенсионеров и трудоспособных		Домохозяйства трудоспособных		Все домохозяйства	
	2007	2011	2007	2011	2007	2011	2007	2011
Потребительские товары								
Не могут не реже чем через день есть мясо, курицу или рыбу	38.0	24.7	22.9	18.6	19.0	15.3	24.5	18.3
Не могут покупать новую, а не подержанную одежду	40.2	22.9	16.6	13.6	9.0	8.1	18.3	12.9
Не могут заменять по мере надобности износившуюся мебель, бытовые приборы	80.1	65.2	55.4	48.5	44.9	39.9	55.9	48.0
Не могут платить за то, чтобы дома было достаточно тепло	17.6	11.5	12.0	11.3	9.8	9.2	12.2	10.2
Социальные услуги								
Не могут оплачивать медицинские услуги, исключая дорогостоящие операции, если это необходимо	60.4	52.7	42.3	42.2	34.4	35.4	42.6	41.1
Не могут оплачивать образование членов семьи, если это необходимо	93.2	87.8	63.4	63.3	51.8	49.7	64.5	61.9
Социальная включенность								
Не могут не реже чем раз в месяц приглашать к себе друзей или родных на угощение, обед, ужин	72.1	60.6	52.1	52.6	41.3	40.2	51.4	48.0
Не могут ежегодно оплачивать недельный отпуск вне дома	86.7	78.2	70.5	69.5	64.4	59.7	71.2	66.4

Источник: рассчитано по данным РидМиж 2007 и 2011 гг.

числу бедных мы отнесли те домохозяйства, которые сталкивались как минимум с двумя видами лишений. Таким образом, в 2011 г. 21% российских домохозяйств попали в группу **бедных по лишениям**.

Профиль бедности по лишениям существенно отличается от рассмотренного в предыдущем разделе профиля бедности по доходам. Среди бедных по

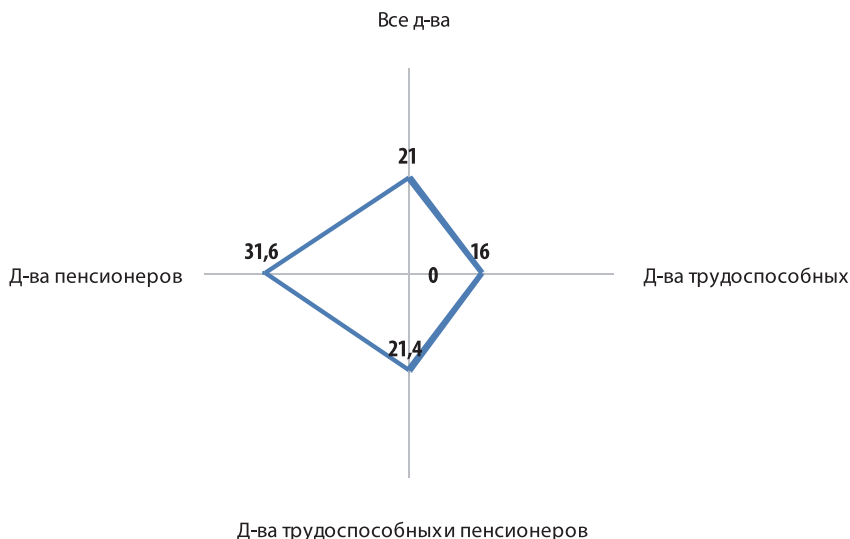

Рис. 4.4. Риски бедности по относительным лишениям для домохозяйств разного типа

Источник: рассчитано по данным РидМиЖ 2011 г.

лишениям преобладают люди старших возрастов (таблица П6, колонка 2). Соответственно, самые высокие риски бедности характерны для домохозяйств пенсионеров (31,6%), а наименьшие — для семей трудоспособных (16%). В числе смешанных домохозяйств трудоспособных и пенсионеров фиксируется фактически такая же доля бедных по лишениям, как и в среднем по всем семьям (рис. 4.4).

Уровень и профиль бедности по субъективным оценкам. Исследование РидМиЖ также дает возможность проанализировать субъективные представления населения о бедности на основании следующего вопроса: «Если говорить о совокупном доходе домохозяйства, насколько легко у Вас получается сводить концы с концами?». Данный вопрос предполагает шесть вариантов ответа (от «с большим трудом» до «очень легко»). Оценивая долю бедных по совокупности ответов «с большим трудом» и «с трудом», а сегмент крайне бедных — по ответу «с большим трудом», мы получили следующие результаты: в 2011 г. доля субъективно бедных составила 39% (45% в 2007 г.), доля крайне бедных — 15% (19% в 2007 г.) (таблица 4.3).

Отметим, что риски бедности распределены более равномерно, чем риски бедности по доходам и лишениям (таблица П5, колонка 3). Максимальная доля бедных по субъективной оценке наблюдается среди домохозяйств трудоспособных и пенсионеров (40,4%), однако в домохозяйствах пенсионеров этот

показатель ниже всего на 3 п.п. (37,4%), а среди домохозяйств трудоспособных — на 2 п.п. (38,1%) (рис. 4.5).

Таблица 4.3. Динамика субъективной бедности домохозяйств различных типов, проценты

	Домохозяйства пенсионеров		Смешанные домохозяйства		Домохозяйства трудоспособных		Все домохозяйства	
	2007	2011	2007	2011	2007	2011	2007	2011
Бедные по субъективной оценке	54.1	37.4	46.3	40.4	40.1	38.1	45.1	38.5
Крайне бедные по субъективной оценке	23.9	14.1	19.6	16	17.1	15.6	19.4	15.4

Источник: рассчитано по данным РидМиж 2007 и 2011 гг.

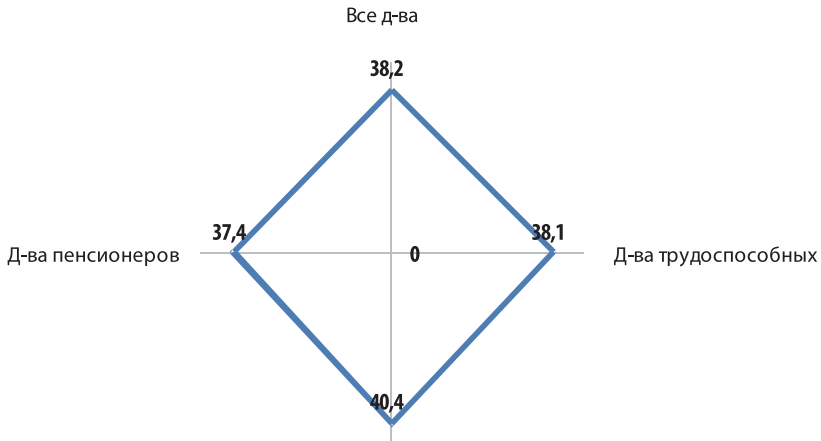

Рис. 4.5. Риски субъективной бедности для домохозяйств разного типа

Источник: рассчитано по данным РидМиж 2011 г.

4.4. СОВМЕЩЕНИЕ МОНЕТАРНЫХ И НЕМОНЕТАРНЫХ ОЦЕНОК БЕДНОСТИ

Как было показано выше, различные подходы к определению бедности относятся к числу бедных разные по размеру группы домохозяйств. Согласно данным РИДМиЖ в 2011 г. минимальный уровень бедности фиксируется при применении абсолютного монетарного подхода (19,8%). Сопоставимый процент домохозяйств (21%) могли быть признаны бедными по лишениям. Максимальная же доля бедных фиксируется при использовании метода субъективных оценок (38,2%). Насколько пересекаются эти множества? Данные, представленные на рис. 4.6, свидетельствуют о том, что зона пере-

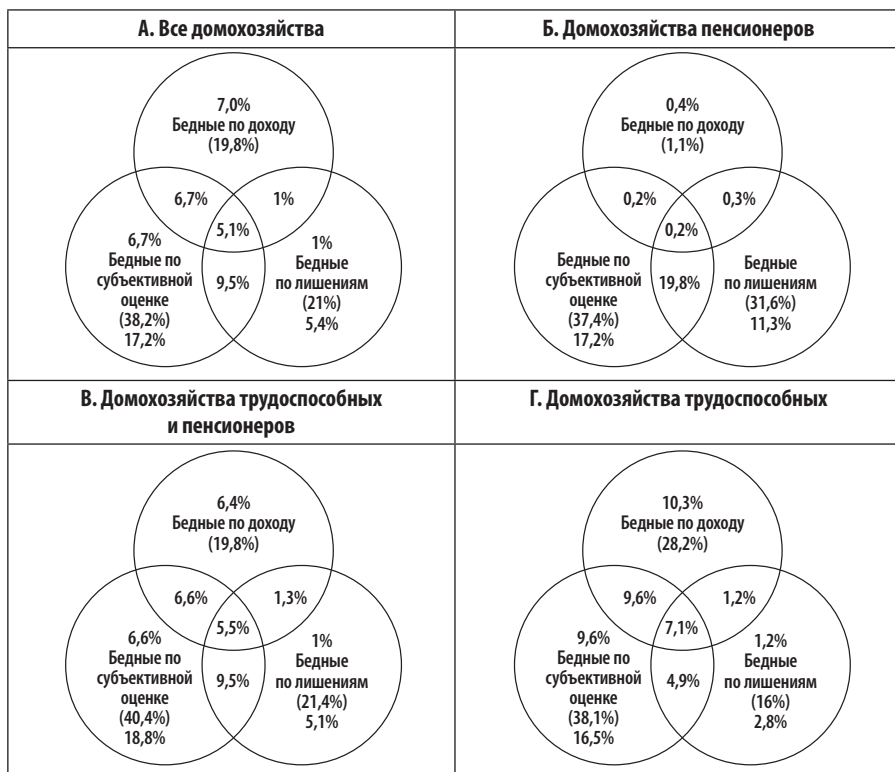

Рис. 4.6. Совмещение различных определений бедности для домохозяйств различных типов, в процентах

Источник: рассчитано по данным РИДМиЖ 2011 г.

сечения невелика. В целом хотя бы один критерий бедности присутствует у 51,8% домохозяйств, при этом у 29,6% присутствует лишь один критерий бедности. 17,2% семей могут быть отнесены к бедным по двум критериям из трех. Концентрация же всех трех признаков бедности наблюдается лишь у 5,1% семей. Если рассматривать этот показатель в разрезе социально-демографических групп, то лидерами по риску присутствия всех трех форм бедности вновь являются семьи трудоспособных (7,1%). Среди семей пенсионеров доля таковых едва отлична от нуля.

Важно отметить, что подобные расхождения между оценками бедности наблюдаются не только в России, но и в большинстве европейских стран (Whelan and Maitre, 2009). Они объясняются рядом причин. Во-первых, существуют определенные искажения, присутствующие в ответах респондентов на вопросы об уровне их благосостояния. В группе бедных по доходам оказываются те, кто имеет скрытые доходы, но не имеет лишений. В то же время семьи, живущие на грани бедности, но честно указавшие свои доходы, попадают в категорию среднеобеспеченных, в то время как их душевой доход в абсолютном выражении может быть всего на 10 рублей выше черты бедности. Во-вторых, небедные по абсолютной концепции семьи могут испытывать лишения, связанные с медицинским обеспечением, образованием (т.е. иметь расходы, не предусмотренные при расчете величины прожиточного минимума), и за счет этого попадают в категорию бедных по депривационной концепции. В-третьих, субъективная оценка имеет свою специфику, поскольку отражает именно субъективное мнение человека, а само позиционирование на шкале «благосостояние» не всегда и не только зависит от материального положения респондента и может не корреспондировать с уровнем достигнутого им благосостояния. Оценивая субъективно свое положение на шкале экономического благосостояния, опрошенные семьи очень часто соотносят себя не с новыми, только формирующимися стандартами уровня жизни, а со своей прошлой жизнью.

Комбинированный подход к измерению бедности лишает статуса бедных, с одной стороны, семьи, которые не испытывают лишений или не считают себя бедными при низком уровне текущего благосостояния, что подтверждает тезис о сокрытии и нестабильности получаемых доходов; с другой стороны, значительную долю семей, признанных бедными только по депривационной или субъективной концепциям, но с уровнем благосостояния, обеспечивающим им по крайней мере минимальные средства к существованию. Таким образом, многокритериальная черта бедности позволяет получить наиболее адекватные оценки и тем самым устраняет погрешности идентификации бедных, неизбежные при использовании каждого метода в отдельности. Если речь идет о приоритетных группах участников адресных социальных программ, то именно данные домохозяйства должны стать таковыми.

4.5. ОСНОВНЫЕ ТЕНДЕНЦИИ ДИНАМИКИ МОНЕТАРНОЙ И НЕМОНЕТАРНОЙ БЕДНОСТИ

- После либерализации цен в 1992 г. доходы 70% российских граждан опустились ниже уровня прожиточного минимума советского периода. В результате кардинального пересмотра минимального потребительского стандарта в 1992 г. в число бедных попала треть российского населения.
- Трехкратное сокращение абсолютной бедности до уровня 12–10%, подтверждаемое макро- и микроданными является одним из главных достижений последних 15 лет. Именно этот результат является прямым подтверждением весьма ограниченной распространенности потребительского стандарта выживания. Даже при переходе к относительной линии по методологии Евростата, которая в теории классифицируется как линия бедности более высокого порядка (Овчарова Л.Н., 2012), доля бедных составляет 12–13% населения. Это означает, что характерное для России высокое неравенство по доходам, а именно его в большей степени контролирует относительная линия бедности, не генерирует более высокие масштабы абсолютной бедности.
- Различные подходы к определению бедности относят к числу бедных разные по размеру группы домохозяйств. Согласно данным РиДМиЖ в 2011 г. минимальный уровень бедности фиксируется при применении абсолютного монетарного подхода (19,8%). Сопоставимый процент домохозяйств (21%) может быть отнесен к бедным по лишениям. Максимальная же доля бедных фиксируется при использовании метода субъективных оценок (38,2%). Зона пересечения этих множеств совсем невелика. 17,2% семей могут быть отнесены к бедным по двум критериям из трех. Концентрация же всех трех признаков бедности наблюдается лишь у 5,1% семей.
- Представление о профиле бедности меняется в зависимости от того, какая концепция бедности используется. Самые высокие риски бедности по доходам имеют семьи трудоспособных с детьми, тогда как согласно концепции относительных лишений наиболее уязвимыми являются семьи пенсионеров. Риски субъективной бедности равномерно высоки для всех социально-демографических типов домохозяйств. Однако при комбинировании трех признаков бедности на первое место по рискам бедности вновь выходят семьи трудоспособных.

ЗАКЛЮЧИТЕЛЬНЫЕ ВЫВОДЫ

Обобщая результаты анализа динамики основных показателей уровня жизни за годы постсоветского развития мы сформулировали четыре вывода, наиболее значимых для понимания возможных векторов роста, которые связаны с экономическим, политическим и социальным пониманием возможностей и ограничений для устойчивого развития, формирующихся в секторе домохозяйств.

Во-первых, подводя итог анализу изменений в доходах населения за годы постсоветского развития можно отметить, что объем доходов российского населения уже позволяет выйти на некоторый новый стандарт потребления, в рамках которого ресурсов достаточно не только для покупки предметов и услуг первой необходимости, но и для организации досуга, инвестиций в человеческий капитал и покупки товаров, существенно расширяющих возможности для развития. Расширение ресурсов за пределы стандарта выживания является объективной предпосылкой для развития навыков ответственного потребительского выбора и инвестиционной активности. Однако, это продвижение в сторону потребительского стандарта развития еще не столь значительно, что подтверждают характеристики потребления продуктов питания, критерии субъективной бедности и относительные лишения в потреблении.

Во-вторых, на протяжении всего постсоветского периода сохраняется высокий уровень неравенства в доступе к доходам и ресурсам, на что указывают показатели доходного неравенства, субъективной и относительной немонетарной бедности. Не удастся запустить в нужном режиме такой важный инструмент снижения дифференциации как развитие предпринимательской активности, что подтверждается данными о динамике структуры доходов. Единственное, что удалось, это сдерживать неравенство за счет механизмов противодействия бедности, и здесь мы наблюдаем не только эффекты влияния экономического роста, но и увеличивающуюся роль социальных трансфертов, доля которых в доходах населения уже превысила уровень советского периода. Среди лифтов экономической мобильности, выделить которые позволяет использование метода разложения неравенства на межгрупповое и внутригрупповое, наиболее значимым является проживание в экономически успешных субъектах Российской Федерации. Возрастает значимость восходящей доходной мобильности, обусловленной образованием, однако в сравнении с европейскими странами мы не получаем сопоставимой отдачи от данного ресурса развития. Что касается занятости в целом, то компаративный межстрановой анализ показывает слабость работы в России данного лифта восходящей доходной мобильности.

В-третьих, в настоящее время ограничения для развития формируются не столько со стороны бедности, сколько со стороны неравенства. Ряд исследователей неравенства (Alesina, A., 2005; Lokshin, M. 2000) отмечают возрастающую социальную напряженность по вопросу высокой дифференциации доходов на этапе экономической стагнации, обусловленную туннельным эффектом. Суть данного явления заключается в том, что когда нет общего экономического прогресса, повышение благосостояния узкого круга людей формирует негативное отношение к неравенству, поскольку высокие доходы не трансформируются в инвестиции в национальную экономику, следовательно сужается коридор возможностей для экономического роста, не создаются новые рабочие места и нет перспектив роста доходов для экономически активного населения.

В-четвертых, проведенный в докладе анализ позволяет увидеть вектор трансформации массовой модели потребления: сначала — выживание; потом — расходы на товары длительного пользования и развлечения; затем — инвестиции в услуги и развитие. Если расширяются возможности для рационального выбора в секторе домохозяйств, значит, есть новые шансы для повышения эффективности бизнеса, выравнивания уровня жизни на различных этапах жизненного цикла, увеличения доли граждан, способных принимать ответственные решения. Имея некоторый запас прочности, с точки зрения ресурсной обеспеченности, и овладевая навыками принятия ответственных решений в части благосостояния своих семей, граждане предъявляют совершенно иной спрос на товары, услуги и институты, в том числе управленческие и политические.

БИБЛИОГРАФИЯ

Alesina, A., La Ferrara, E. (2005) Preferences for redistribution in the land of opportunities. *Journal of Public Economics* 89.

Atkinson, A. B. (1983). *The economics of inequality*. Oxford: Clarendon Press.

Cook, L. J. (2007). *Post-communist welfare states: reform politics in Russia and Eastern Europe*. Ithaca, NY, and London: Cornell University Press.

Deaton, A. (1997). *The analysis of household surveys: a microeconomic approach to development policy*. Baltimore, MD: Johns Hopkins University Press.

EC (2009). *Annual Monitoring Report of Social Situation Observatory*. Brussels.

EUROSTAT (2013). *Household consumption expenditure — national accounts // Statistics in focus 2*.

Firebaugh, G. (2003). *The new geography of global income inequality*. Cambridge: Harvard University Press.

Firebaugh, G. and B. Goesling (2011). Accounting for the Recent Decline in Global Income Inequality // *American Journal of Sociology* 110 (September): 283–312.

Förster, M. F. (2000). *Trends and Driving Factors in Income Distribution in the OECD Area*. OECD Labour Market and Social Policy Occasional Papers No. 42. Paris.

Gorodnichenko, Y., K. Sabirianova Peter and D. Stolyarov (2010). Inequality and volatility moderation in Russia: evidence from micro-level panel data on consumption and income // *Review of Economic Dynamics* 13(1): 209–237.

Grusky, D. B. and T. Kricheli-Katz, Eds. (2013). *The New Gilded Age*. Stanford: Stanford University Press.

Hernanz, V., F. Malherbet and M. Pellizzari (2004). Take-up of welfare benefits in OECD countries: a review of the evidence. *OECD Social, Employment and Migration Working Papers* No. 17.

IBRD/WB (2006). *Equity and Development*. World Development Report 2006. Oxford: World Bank and Oxford University Press.

Laurie, H., L. Ovcharova and D. Popova (2006). Support for Poverty Reduction in Leningrad oblast: Analysis and Recommendations, Birks Sinclair and Associates and the UK Department for International Development.

Mack, J. and S. Lansley (1985). Poor Britain. London: George Allen and Unwin.

Milanovic, B. Global income inequality by the numbers: in history and now. Paper was presented at the Conference on Global Justice held at the Libera Università Internazionale degli Studi Sociali (LUISS) in Rome on June 6–9, 2012

Manning, N. P. and N. E. Tikhonova, Eds. (2004). Poverty and social exclusion in the new Russia. Aldershot: Ashgate.

Mitra, P. and R. Yemtsov (2006). Increasing Inequality in Transition Economies: Is There More to Come? // World Bank Policy Research Working Paper No. 4007. Washington, D.C.

Notten, G. and F. Gassmann (2008). Size matters: targeting efficiency and poverty reduction effects of means-tested and universal child benefits in Russia // Journal of European Social Policy 18(3): 260–274.

OECD (2008). Growing unequal? Income Distribution and Poverty in OECD countries, OECD Publishing.

OECD (2011). How's Life? Measuring Well-being. Paris: OECD.

Orshansky, M. (1965). Counting the poor another look at the poverty profile // Social Security Bulletin 28: 3–29.

Ovcharova, L. and D. Popova (2001). What Kind of Poverty Alleviation Policy Does Russia Need? // Russian Economic Trends 10(1): 7–14.

Ovcharova, L. and E. D. Tesliuk (2006). Poverty and inequality in Russia: sensitivity of poverty and inequality statistics to alternative definitions of households welfare. Illustration using the NOBUS survey. Moscow: The World Bank.

Ravallion, M. (1992). Poverty comparisons: a guide to concepts and methods Living Standards Measurement Study Working Paper No. 88. Washington, D.C.: The World Bank.

Ravallion, M. and M. Lokshin (1999). Subjective Economic Welfare. Policy Research Working Paper No 2106. Washington, D.C.: The World Bank Development Research Group, Poverty and Human Resource.

- Ravallion, Martin and Lokshin, Michael (2000). Who Wants to Redistribute? The Tunnel Effect in 1990 Russia, *Journal of Public Economics*, 76.
- Sedik, D., S. Sotnikov and D. Wiesmann (2003). Food Security in the Russian Federation. FAO Economic and Development Paper No. 153. Rome, Food and Agriculture Organisation of the United Nations.
- Sen, A. K. (1997). *On economic inequality*. Oxford: Clarendon Press.
- Shorrocks, A. (1984). Inequality decomposition by population subgroups // *Econometrica* 52(6): 1369–1386.
- Shorrocks, A. F. (1980). The Class of Additively Decomposable Inequality Measures // *Econometrica* 48(3): 613–625.
- Stiglitz, J. E., A. K. Sen and J.-P. Fitoussi (2009). Report by the Commission on the Measurement of Economic Performance and Social Progress.
- Theil, H. (1967). *Economics and Information Theory*. Chicago: Rand McNally and Company.
- Titterton, M. (2006). Social policy in a cold climate: health and social welfare in Russia // *Social Policy and Administration* 40(1): 88–103.
- Townsend, P. (1979). *Poverty in the United Kingdom: a survey of household resources and standards of living*. Harmondsworth: Penguin.
- UNDP (2011). *National Human Development Report for the Russian Federation 2011. Modernisation and human development*. Moscow: UNDP.
- Van Praag, B. M. S., T. Goedhart and A. Kapteyn (1980). The poverty line — a pilot survey in Europe // *The Review of Economics and Statistics* 62: 461–465.
- Whelan, C. T. and B. Maitre (2009). The 'Europeanisation' of Reference Groups. A reconsideration using EU-SILC // *European Societies* 11(2): 283–309.
- Андрушак, Г., А. Ивантер, Н. Косарева, Л. Овчарова, А. Пономаренко, В. Фадеев, Е. Ясин (2011). Социальные итоги трансформации, или Двадцать лет спустя // *Вопросы экономики* 8.
- Бобков, В. Н. (2012). 20 лет капиталистических трансформаций в России: влияние на уровень и качество жизни // *Мир России* 2.

Великанова, Т., И. Колмаков, Е. Фролова (1996). Совершенствование методики и моделей распределения населения по среднему душевому доходу // Вопросы статистики 5.

Госкомстат (1993). Агропромышленный комплекс Российской Федерации. Статистический сборник. Москва: Госкомстат России.

Дмитриев, М. Э., С. Г. Мисихина (2012). Прощай, нищета! // Вестник Европы 34–35

Инглхарт, Р., К. Вейцель (2011). Модернизация, культурные изменения и демократия: последовательность человеческого развития. Москва.

ИСЭПН (2003). Дифференциация экономического благосостояния и возможные пути ее снижения (итоговый доклад). Программа фундаментальных исследований Отделения общественных наук РАН «Россия в глобализирующемся мире». Москва.

Капелюшников, Р. И. (2001). Российский рынок труда: адаптация без реструктуризации. Москва: ГУ-ВШЭ.

Можина, М.А., Овчарова Л. Н., Прокофьева, Л.М. и др. (1998). Бедность: альтернативные подходы к определению и измерению. Москва, Московский Центр Карнеги.

Овчарова, Л.Н., Малева, Т.М., Ниворожкина, Л.И., Шишкин, С.В. и др. (2005). Доходы и социальные услуги: неравенство, уязвимость, бедность. Москва, Независимый институт социальной политики, Изд. дом ГУ ВШЭ.

Овчарова, Л.Н. (2009). Теоретические и практические подходы к оценке уровня, профиля и факторов бедности: российский и международный опыт. Москва, Учреждение Российской академии наук Ин-т социально-экономических проблем народонаселения РАН.

Овчарова, Л. Н. (2012). Теоретико-методологические вопросы определения и измерения бедности. SPERO, Социальная политика: экспертиза, рекомендации, обзоры, 2012, № 16.

Пайпс, Р. (2002). Собственность и свобода. Москва: Московская школа политических исследований.

ПРООН (2003). Доклад о развитии человеческого потенциала в Российской Федерации за 2002 г. Москва: ИнтерДиалект.

Римашевская, Н. М., В. К. Бочкарева, ред. (2007). Сбережение народа. Москва: Наука.

Росстат (2012). Социально-экономические индикаторы бедности в 2008–2011 гг. Москва: Федеральная служба государственной статистики.

Смирнов, С.Н., Т. Ю. Сидорина (2003). Социальная политика: Учебное пособие. Москва: Издательский дом ГУ ВШЭ.

Суворов, А. В. (2001). Доходы и потребление населения: макроэкономический анализ и прогнозирование. Москва: МАКС Пресс.

Суринов, А. Е. (2003). Уровень жизни населения России: 1992–2002 гг. . Москва: ИИЦ «Статистика России».

Шевяков, А. Ю., А. Я. Кирута (2001). Экономическое неравенство, уровень жизни и бедность населения России и ее регионов в процессе реформ: методы измерения и анализ причинных зависимостей. Москва: РПЭИ.

Шевяков, А. Ю., А. Я. Кирута (2002). Измерение экономического неравенства. Москва: Лето.

Шкаратан, О. И., ред. (2003). Государственная социальная политика и стратегии выживания домохозяйств. Москва: ГУ ВШЭ.

Уровень и образ жизни населения России в 1989–2009 годах: докл. к XII Междунар. науч. конф. по проблемам развития экономики и общества, Москва, 5–7 апр. 2011 г. / Е.Г. Ясин, Г.В. Андрущак, А.Я. Бурдяк и др. ; рук. авт. колл. Е.Г. Ясин ; Высшая школа экономики. — М. : Изд. дом Высшей школы экономики, 2011.

Приложение 1. Источники данных об уровне жизни населения России

ОФИЦИАЛЬНАЯ СТАТИСТИКА

Федеральная служба государственной статистики (ФСГС) традиционно является основным источником информации о благосостоянии населения и для выработки управленческих решений. В настоящее время в области статистики доходов населения ФСГС осуществляет две программы, связанные с мониторингом бедности, каждая из которых имеет свою целевую направленность.

Баланс доходов и расходов (БДР) является обобщением данных, полученных от предприятий и организаций, осуществляющих выплаты населению, а также из отчетности банков о движении сбережений и наличных денег в обращении. Согласно этому источнику денежные доходы населения рассчитываются как сумма выплаченной заработной платы наемных работников (начисленная заработная плата, скорректированная на изменение просроченной задолженности), доходов лиц, занятых предпринимательской деятельностью, пенсий, пособий, стипендий и других социальных трансфертов, доходов от собственности в виде процентов по вкладам, ценным бумагам, дивидендов и других доходов. Расчеты денежных доходов населения производятся с досчетом на объем скрытой оплаты труда. Применение процедур дооценки доходов существенно изменяет наши представления об уровне и структуре доходов. В частности, включение в учет скрытой от наблюдения заработной платы увеличивает на 20–30% уровень доходов и практически удваивает долю заработной платы, сокращая при этом удельный вес такого показателя, как «другие доходы».

В действующей системе статистики эти данные используются для определения общего объема доходов, на основе которого определяется средняя величина доходов или расходов, являющихся основополагающими параметрами модели построения ряда распределения по доходам (расходам). На основе распределения по доходам оценивается уровень бедности и неравенства доходов. Данные БДР отличаются достаточно высоким уровнем надежности, однако они не привязаны к конкретным домохозяйствам и непригодны для детального анализа структуры доходов, детерминант неравенства, профиля бедности и т.д.

Обследование бюджетов домашних хозяйств (ОБДХ) формирует данные о доходах и расходах домохозяйств на основе ежеквартальных опросов 49,2 тыс. домохозяйств, благодаря которым возможно получить подушевые оценки и анализировать неравномерность распределения доходов и расхо-

дов. Обследование проводится по двухступенчатой стратифицированной выборке, построенной по территориальному принципу¹. Основные задачи обследования связаны с получением весовых показателей для расчета индекса потребительских цен и данных для составления счетов сектора домашних хозяйств в системе национальных счетов.

Традиционно его задачей также является получение актуальных и сопоставимых данных о *расходах домохозяйств*, распределении населения по уровню материального благосостояния, об уровне бедности и потреблении продуктов питания. Вопросы по размеру, составу и источникам денежных доходов домохозяйств полностью изъяты из программы обследования с 1997 г. по той причине, что они давали заведомо недостоверные результаты. Определение размеров *денежных доходов* по каждому домохозяйству производится расчетным путем, исходя из регистрируемых сумм денежных расходов и прироста финансовых активов. Однако эти итоги используются исключительно во вспомогательных целях, главным образом при определении характеристик уровня бедности, и это не восполняет информационного пробела в плане точной оценки распределения денежных доходов домохозяйств.

Серьезным недостатком, искажающим результаты обследования, является недополучение ответов от групп домашних хозяйств с относительно высокими доходами. В этих условиях возникает необходимость дополнительного перевзвешивания данных². Данная корректировка проводится на основе использования региональных данных о среднедушевых денежных доходах генеральной совокупности и гипотезы о соответствии распределения доходов в генеральной совокупности закону *логнормального распределения*. На данный момент в свободном доступе находятся микроданные за 2003–2009 гг.

АЛЬТЕРНАТИВНЫЕ ИСТОЧНИКИ ДАННЫХ: РЕПРЕЗЕНТАТИВНЫЕ ОБЩЕРОССИЙСКИЕ ОПРОСЫ

В настоящей работе мы обращаемся к двум следующим источникам данных об уровне жизни населения. Рассмотрим их основные характеристики.

Российский мониторинг экономического положения и здоровья населения (РМЭЗ-ВШЭ)³ представляет собой серию общенациональных репрезентатив-

¹ Обследование проводится во всех регионах России, за исключением Чеченской Республики.

² Помимо «базового» перевзвешивания, позволяющего привести данные выборочного обследования к генеральной совокупности исходя из общих принципов отбора.

³ Дополнительная информация об обследовании РМЭЗ может быть найдена на <http://www.cpc.unc.edu/rfms/> или <http://www.hse.ru/rfms/spss>

ных опросов, проводившихся начиная с 1992 г. В распоряжении исследователей имеются данные двух волн первого этапа РМЭЗ (1992–1993 гг.), в ходе которых опрашивалось около 6000 домашних хозяйств, или 15 000 респондентов, и 17 волн второго этапа (1994–2012 гг.), для которых выборка в среднем составляет около 4000 домохозяйств, или 11 000 респондентов. Показатели за 1997 и 1999 гг. отсутствуют, так как в эти годы обследование РМЭЗ–ВШЭ не проводилось.

На сегодняшний день РМЭЗ представляет собой единственное репрезентативное для России микрообследование, охватывающее период с начала 1990-х до конца 2000-х гг., доступное академическому сообществу¹. Достоинством РМЭЗ является то, что методология учета показателей благосостояния сопоставима с методологией, используемой в ОБДХ, но при этом собирается информация не только о расходах и потреблении, но и о доходах домохозяйств.

В основе РМЭЗ лежит многоступенчатая вероятностная выборка². Дизайн выборки разрабатывался с учетом того, что данные будут в первую очередь использоваться для кросс-секционного анализа³. Однако с 1994 г. выборка является еще и «панелью адресов»: в каждом раунде интервью проводилось с домохозяйством и его членами, проживающими по адресу первоначальной выборки⁴. Таким образом, данные второго этапа РМЭЗ могут использоваться

¹ Обследование бюджетов домашних хозяйств (ОБДХ), ежеквартально проводимое Росстатом, могло бы служить лучшим источником данных для такого рода исследования за счет большего объема выборки (49 тыс. домохозяйств) и репрезентативности в региональном разрезе. Однако на данный момент доступны и пригодны для анализа лишь 6 волн данного обследования (2003–2009 гг.).

² Дизайн выборки, примененный в 1992–1993 гг., отличался от используемого в 1994–2008 гг. по причине более высокой степени кластеризации. В опросах 1992–1993 гг. средний размер кластера приближался к 360 при выборке около 6000 домохозяйств. В 1994–2008 гг. выборка включала всего около 4000 домохозяйств, но средний размер кластера был гораздо меньше, чем в предыдущей фазе (около 42). В 2000 г. дизайн выборки был вновь частично изменен: одна из 38 ПЕВ была заменена.

³ Первый этап РМЭЗ проводился с 1992 по 1993 г. и включал 4 волны, в ходе которых опрашивалось около 6000 домохозяйств из 21 региона России; с 1994 г. была сделана новая выборка, охватывающая около 4000 домохозяйств в 33 регионах России. В соответствии с рекомендациями разработчиков РМЭЗ для работы с данными второго этапа использовались постстратификационные веса для домохозяйств и индивидов, приближающие структуру выборки к структуре генеральной совокупности (по данным переписи населения 1989 г. и микропереписи 1994 г.). При расчете этих весов принимались во внимание следующие параметры: для индивидуальных данных — возраст, пол, тип населенного пункта; для семейных данных — размер домохозяйства, тип населенного пункта.

⁴ Это не полноценная панель, потому что оригинальный план выборки не подразумевал поиска и отслеживания домохозяйств из оригинальной выборки после их перемещения из жилья, входящего в первоначальную выборку адресов 1994 г. Аналогично не отслеживались и перемещения отдельных членов домохозяйств, сменивших место жительства. Однако в раунде 1996 г. и последующих раундах разработчики частично отошли от оригинального протокола и проводили интервью с некоторыми домохозяйствами и респондентами, которые сменили адрес.

как для кросс-секционного, так и (с большими оговорками) для панельного анализа.

Данные РМЭЗ-ВШЭ позволяют проанализировать изменение показателей доходов и расходов населения и их компонент с 1994 г., используя единую методологию оценки расходов на протяжении рассматриваемого периода. Также обследование дает возможность проанализировать субъективные характеристики материальной обеспеченности населения, которые не представлены в данных официальной статистики.

Обследование РидМиЖ. Основным источником данных о немонетарных оценках уровня жизни является обследование «Родители и дети, мужчины и женщины в семье и обществе», проводимое Независимым институтом социальной политики. На данный момент проведены три волны обследования: в 2004 г. (далее — РидМиЖ-2004, или первая волна РидМиЖ), в 2007 г. (РидМиЖ-2007, или вторая волна РидМиЖ) и 2011 г. (РидМиЖ-2011, или третья волна РидМиЖ).

При формировании выборки использовался метод многоступенчатого территориального вероятностного отбора. Выборка обследования РидМиЖ-2004 охватывает 11 261 опрошенных в возрасте 18–79 лет (11 261 домохозяйство), что позволяет получить репрезентативные оценки на общероссийском уровне. Выборка РидМиЖ-2007 охватывает 11 117 опрошенных в возрасте 18–82 лет (11 117 домохозяйств), большая часть которых была опрошена в рамках обследования 2004 г. (число повторных респондентов — 7 786), а также некоторую часть новых домохозяйств, впервые включенных в повторное обследование для обеспечения репрезентативности данных для российского населения в целом. Выборка РидМиЖ-2011 охватила 10 896 респондентов из 10 896 домохозяйств, основная часть которых опрашивалась в рамках обследований 2004 и/или 2007 г. (7368 человек). В 2011 г. был проведен опрос респондентов в возрасте 18–87 лет (в том числе панельных респондентов в возрасте 22–87 лет — верхняя возрастная граница повышается за счет постарения панельной части выборки с 2007 г. — и впервые опрошенных респондентов 18–21 лет).

Дизайн выборки по схеме «повторно опрашиваемые и новая подвыборка» обеспечивает возможность проведения как панельного анализа по одним и тем же опрошенным, так и кросс-секционного (продольного) анализа на базе выборок 2004, 2007 и 2011 гг., каждая из которых репрезентирует российское население в возрасте 18–79 (87) лет в соответствующем году. Исключения из генеральной совокупности не превышают 5% от общей численности населения России (при построении выборки было исключено население Чеченской Республики, Калининградской области, а также население, проживающее в труднодоступных северных, горных и т.п. местностях).

Третья волна обследования РидМиЖ была проведена летом 2011 г., через 7 лет после первой волны и через 4 года после второй. Увеличение временнó-

го лага между опросами напрямую связано с одним важным обстоятельством, а именно с проведением Всероссийской переписи населения осенью 2010 г. Это событие оказывает значительное влияние на весь ход процесса сбора статистики в год проведения переписи. Известно, что при реализации крупномасштабных социологических обследований в том же году существенно снижается уровень достижимости респондентов. Помимо этого, наличие данных по генеральной совокупности на дату, предшествовавшую проведению конкретного опроса, важно с точки зрения обоснования репрезентативности массива данных и возможностей его взвешивания в случае необходимости. Для оценки эффектов кризиса в августе 2010 г. было проведено дополнительное обследование «Кризис и поведение домохозяйств» (далее КПДХ), охватившее 3140 домохозяйств из выборки РидМиЖ.

Приложение 2. Статистические данные

Таблица П1. Динамика структуры потребительских расходов населения на непродовольственные товары и услуги, проценты, все потребительские расходы = 100%

	Расходы на покупку непродовольственных товаров, из них на покупку:	одежды, обуви, белья, тканей	терапевтических аппаратов, предметов для отдыха и увлечения	транспортных средств	строительных материалов	топлива	товаров и принадлежностей по ведению хозяйства, мебели	предметов личной гигиены, фармацевтических и медицинских товаров и др.	табачных изделий	других непродовольственных товаров	Расходы на оплату услуг, из них на оплату:	жилищно-коммунальных услуг	бытовых услуг	услуг учреждений культуры	услуг в системе образования	медицинских услуг	санаторно-оздоровительных услуг	услуг правового характера	услуг пассажирского транспорта	услуг связи	прочих услуг
1990	45.8	23.6	5	2.3	1.6	0.2	5.7	2.7	0.9	3.8	13.1	3.1	2.1	0.9	2.2	...	1.1	...	2.6	0.5	0.6
1991	47.7	25.9	5	2.2	1.7	0.1	5.9	2.1	1.1	3.7	9.7	1.6	1.8	0.7	1.5	...	1	...	2.3	0.4	0.4
1992	41.2	23.4	3.4	1.7	1.3	0.1	6.1	1.4	1.2	2.6	7.7	0.9	1.4	0.5	1.9	...	0.8	...	1.6	0.3	0.3
1993	42.4	21.8	4.3	2	1.3	0.1	8	1.7	0.9	2.3	8.2	0.7	1.8	0.4	1.7	...	1	...	1.8	0.4	0.4
1994	40.2	19.1	5.1	2.4	1.6	0.3	6.1	2.5	0.8	2.3	10.1	1.8	2.4	0.2	1	0.4	0.6	0.1	2.8	0.7	0.1
1995	31.8	14.6	3.9	2	1.4	1.1	3.6	2.9	1	1.3	13.7	4.3	2.2	0.2	1.2	0.4	0.7	0.1	3.6	1	0
1996	31.3	14	3.7	2	1.1	1.1	3.5	3.4	1	1.3	16	5.7	2.2	0.2	1.3	0.5	0.7	0.1	4	1.3	0
1997	36.5	14.8	4.1	5.6	0.9	1.1	4.9	3.4	1	0.7	14.9	5.1	2	0.5	1	0.7	0.8	0.1	3.2	1.2	0.3
1998	30.2	12.9	2.8	2.3	1.1	1	4.2	3.8	1.4	0.7	13.9	5.2	1.8	0.5	1	0.6	0.5	0.1	2.6	1.2	0.4
1999	30.8	13.5	2.6	3.1	0.9	1.3	3.8	3.8	1.3	0.5	13	4.7	1.7	0.4	1.5	0.6	0.3	0.1	2.4	1.1	0.2

Таблица П1. Продолжение

	Расходы на покупку непродовольственных товаров, из них на покупку:	одежды, обуви, белья, тканей	генерально-аппаратуры, предметов для отдыха и увлечений	транспортных средств	строительных материалов	топлива	товаров и принадлежностей по ведению хозяйства, мебели	предметов личной гигиены, фармацевтических и медицинских товаров и др.	табачных изделий	других непродовольственных товаров	Расходы на оплату услуг, из них на оплату:	жилищно-коммунальных услуг	бытовых услуг	услуг учреждений культуры	услуг в системе образования	медицинских услуг	санаторно-оздоровительных услуг	услуг правового характера	услуг пассажирского транспорта	услуг связи	прочих услуг
2000	34.3	15.5	3.2	2.8	1	1.5	4.5	3.9	1.2	0.7	13.8	4.6	1.8	0.5	1.2	1	0.6	0.1	2.6	1.2	0.3
2001	34.4	13.4	3.2	3.6	1.4	1.3	5.2	3.9	1.1	1.3	14.8	5.2	1.6	1	1.4	0.6	0.4	0	2.5	1.2	0.9
2002	36.2	13.3	3.4	4.6	1.5	1.6	5.7	3.9	1	1.2	17.5	6.2	2.2	1.1	1.7	0.9	0.3	0.1	2.7	1.5	0.8
2003	37.3	12.4	4.4	4.3	1.9	1.7	6.4	4	1	1.2	19.8	7.2	2.7	1.4	1.6	0.7	0.5	0	2.8	1.9	1
2004	37.2	11.4	4.6	5.1	2	1.8	6	4	0.9	1.4	21.2	7.7	2.4	1.7	2	0.8	0.5	0.1	2.9	2.2	0.9
2005	38.5	10.5	5.2	6.7	1.9	2.1	6.3	3.9	0.8	1.1	23.5	8.3	2.8	2.1	2.2	1	0.4	0.1	2.9	2.7	1
2006	38.8	10.7	4.5	6.3	2.4	2.3	6.2	4.2	0.8	1.4	25.2	8.7	2.9	2.1	2.5	1.2	0.4	0.1	3.1	3.2	1
2007	41.7	10.2	4.1	10.6	2.2	2.3	6.3	3.8	0.7	1.5	25.4	8.2	3.2	2.2	2.2	1.5	0.5	0.1	3	3.1	1.4
2008	40.9	10.2	4.6	9.1	1.6	2.5	6.6	3.9	0.6	1.8	25.5	7.7	3.3	2.9	2	1.2	0.7	0	3.1	3.1	1.5
2009	37.8	10.2	3.7	6.8	1.5	2.6	6	4.5	0.7	1.8	26.8	8.7	3	3	2.1	1.2	0.7	0.1	3.1	3.3	1.5
2010	38.8	10.6	3.5	8.2	1.4	2.9	5.3	4.5	0.8	1.6	26.7	9.2	3.1	2.8	1.7	1.3	0.5	0.1	3.1	3.3	1.7
2011	39.3	9.9	3.5	9.0	1.3	3.1	5.6	4.4	0.8	1.7	26.4	9.5	2.9	2.9	1.6	1.5	0.4	0.1	2.9	3.2	1.4
2012	40.9	9.9	3.4	10.4	1.3	3.4	5.5	4.5	0.9	1.7	26.0	8.8	3.1	3.2	1.7	1.4	0.4	0.1	2.7	3.1	1.6

Источник: рассчитано по данным Росстата.

Таблица П2. Динамика индикаторов неравенства по данным макростатистики

	Распределение совокупного объема доходов по 20%-м группам населения								Коэффициент Джини	Коэффициент фондов, число раз
	Первая (с наименьшими доходами)	Вторая	Третья	Четвертая	Пятая (с наибольшими доходами)	Денежные доходы, всего				
1991	11.9	15.8	18.8	22.8	30.7	100		0.260	4.5	
1992	6.0	11.6	17.6	26.5	38.3	100		0.289	8.0	
1993	5.8	11.1	16.7	24.8	41.6	100		0.398	11.2	
1994	5.3	10.2	15.2	23.0	46.3	100		0.409	15.1	
1995	5.5	10.2	15	22.4	46.9	100		0.381	13.5	
1996	6.2	10.7	15.1	21.6	46.4	100		0.375	13.0	
1997	5.8	10.5	15.2	22.3	46.2	100		0.39	13.6	
1998	6.0	10.5	15	21.5	47.0	100		0.394	13.8	
1999	6.1	10.4	14.7	20.9	47.9	100		0.399	13.9	
2000	6.0	10.4	14.8	21.2	47.6	100		0.395	13.9	
2001	5.7	10.4	15.4	22.8	45.7	100		0.397	13.9	
2002	5.7	10.4	15.4	22.7	45.8	100		0.397	14.0	
2003	5.5	10.3	15.3	22.7	46.2	100		0.403	14.5	
2004	5.4	10.1	15.1	22.7	46.7	100		0.409	15.2	
2005	5.4	10.1	15.1	22.7	46.7	100		0.409	15.2	
2006	5.3	9.9	14.9	22.6	47.3	100		0.415	15.9	
2007	5.1	9.7	14.8	22.5	47.9	100		0.422	16.7	
2008	5.1	9.7	14.8	22.5	47.9	100		0.421	16.6	
2009	5.1	9.8	14.8	22.5	47.8	100		0.421	16.6	
2010	5.2	9.8	14.8	22.5	47.7	100		0.421	16.6	
2011	5.2	9.9	14.9	22.6	47.4	100		0.417	16.2	
2012	5.2	9.8	14.9	22.5	47.6	100		0.420	16.4	

Источник: данные Росстата.

Таблица ПЗ. Социально-демографическая структура домохозяйств

	1992	1993	1994	1995	1996	1998	2000	2002	2003	2004	2005	2006	2007	2008	2009	2010	2011
	100.0	100.0	100.0	100.0	100.0	100.0	100.0	100.0	100.0	100.0	100.0	100.0	100.0	100.0	100.0	100.0	100.0
Размер семьи																	
1	20.5	19.9	16.6	18.0	18.3	18.5	17.9	18.7	19.3	18.9	19.3	19.5	19.5	20.3	22.8	19.9	26.0
2	29.3	29.3	28.4	27.9	27.9	28	28.3	29.0	28.1	27.7	28.4	28.2	27.7	27.7	26.4	27.4	28.7
3	21.6	21.2	23.5	23.1	23.0	21.3	25.4	25.7	26.4	26.8	26.0	26.3	26.8	26.6	21.6	22.4	23.0
4	20.4	20.8	21.1	20.8	20.6	20.3	18.1	16.7	16.3	16.5	16.4	16.2	16.0	15.5	19.5	20.2	14.3
5 и более	8.2	8.8	10.4	10.2	10.2	10.2	10.3	9.9	10.0	10.0	9.8	9.8	10.0	9.8	9.7	10.1	8.0
Гендерный состав																	
Только мужчины	4.7	3.8	4.4	4.5	4.6	4.9	4.3	5.2	5.2	5.0	4.7	5.0	4.9	4.6	4.6	4.5	6.0
Преобладают мужчины	6.4	7.0	7.4	7.4	7.3	8.5	8.3	7.8	8.4	8.6	8.8	9.2	8.8	8.8	9.7	9.9	8.5
Равное число женщин и мужчин	53.0	53	54.5	53.0	51.3	50.6	51.1	49.7	49.1	48.8	48.7	47.9	47.9	47.6	43.3	45.0	43.2
Преобладают женщины	9.8	10.1	12.6	12.5	14.2	13.2	12.7	12.8	12.9	13.4	12.5	13.2	13.8	13.9	15.3	15.8	12.9
Только женщины	26.1	26	21.1	22.6	22.6	22.8	23.6	24.4	24.5	24.2	25.2	24.6	24.6	25.1	27.1	24.7	29.3
Возрастной состав																	
Все в возрасте 18–64 лет	73.4	70.7	71.1	69.6	68.7	68.3	70.2	68.8	68.7	68.5	68.4	68.5	69.2	69.8	65.8	70.1	67.1
Все старше 65 лет	14.4	16.3	13.7	15.4	16.0	15.7	15.2	15.5	15.9	16.3	16.7	16.6	16.0	15.8	18.2	15.0	19.0
Смешанный тип	12.2	13.1	15.3	15.0	15.3	15.8	14.6	15.7	15.5	15.3	14.9	14.9	14.9	14.5	16.0	14.9	13.9
Детская нагрузка (на работающих 18+)																	
0	56.2	59.9	54	56.5	65.0	58.1	53.4	55.7	56.4	56.6	57.3	59.4	58.9	60.3	65.1	61.9	66.6
0.1–0.5	14.7	13.1	16	15.1	12.5	14.3	15.8	15.7	16.1	16.0	16.1	16.7	17.6	16.8	13.8	15.1	12.0

Таблица ПЗ. Продолжение

	1992	1993	1994	1995	1996	1998	2000	2002	2003	2004	2005	2006	2007	2008	2009	2010	2011
	100.0	100.0	100.0	100.0	100.0	100.0	100.0	100.0	100.0	100.0	100.0	100.0	100.0	100.0	100.0	100.0	100.0
0.6 – 1	20.6	19	21.3	20.2	16.1	19.1	21.7	20.9	20.1	20.4	20.0	18.0	17.9	17.5	15.8	16.9	16.1
1.1 – 2	6.9	6.9	7.5	6.9	5.2	7.5	7.4	6.2	6.0	5.5	5.2	4.7	4.6	4.2	4.5	5.1	4.4
2.1 и выше	1.6	1.1	1.1	1.3	1.1	1	1.7	1.6	1.4	1.6	1.5	1.2	1.1	1.2	0.8	1.0	0.9
Тип образования																	
У всех высшее образование	7.6	9.1	9.3	8.0	9.1	11.8	10.0	11.3	12.0	12.0	12.2	13.3	13.7	13.7	13.1	14.5	13.2
Ни у кого нет высшего образования	77.9	74.2	73.8	75.9	73.0	69.7	71.5	68.6	67.1	66.1	65.4	62.9	62.8	62.2	61.8	59.0	64.3
Смешанный	14.5	16.7	16.9	16.0	17.9	18.5	18.5	20.1	20.9	21.9	22.4	23.7	23.5	24.1	25.1	26.5	22.6
Тип занятости																	
Все работают	41.9	38.2	37.4	36.6	34.4	29	31.2	32.7	33.6	33.5	33.6	34.5	36.3	36.7	31.2	33.3	31.3
Нет работающих	26.2	29.2	28.9	30.4	31.5	34.1	31.7	31.2	30.4	29.4	29.3	28.0	27.3	27.0	30.8	28.0	32.9
Смешанный	31.9	32.6	33.8	33.0	34.1	36.9	37.1	36.0	36.0	37.1	37.1	37.4	36.3	36.3	38.0	38.7	35.8
Тип населенного пункта																	
Город	75.2	73.9	75.6	75.0	68.1	73.7	73.1	75.3	75.2	75.5	74.7	75.5	74.9	75.6	74.2	74.8	75.4
Село	24.8	26.1	24.4	25.0	31.8	26.2	26.9	24.7	24.8	24.5	25.3	24.5	25.1	24.4	25.8	25.2	24.7

Источник: рассчитано по данным РМЭЗ.

Таблица П4. Потребление продуктов питания в домашних хозяйствах (в среднем на одного члена домохозяйства, кг в год)

	Хлебные продукты	Картофель	Овощи, бахчевые	Фрукты, ягоды	Мясо и мясoproductы*	Молочные продукты	Яйца, шт	Рыба, рыбо-продукты	Сахар, конд.-издел	Масло раст., жиры
1990	97	94	85	37	70	378	231	15	32	7
1991	101	98	87	35	65	348	229	14	29	7
1992	104	107	78	29	58	294	343	12	26	—
1993	107	112	76	31	57	305	236	11	29	—
1994	101	113	71	30	58	305	210	9	28	—
1995	102	112	83	30	53	249	191	9	27	6
1996	97	108	78	31	48	235	173	9	26	7
1997	100	109	84	33	55	234	178	13	26	8
1998	116	117	87	29	57	240	205	15	28	11
1999	111	94	81	22	47	194	199	13	28	10
2000	109	93	82	27	50	199	202	14	30	10
2001	115	93	83	33	53	214	202	14	27	11
2002	113	90	83	35	58	227	209	15	26	10
2003	109	86	84	36	61	225	208	14	26	10
2004	106	86	86	39	61	227	202	15	26	10
2005	113	78	90	51	64	244	209	17	34	11
2006	107	73	88	53	67	244	206	17	32	11
2007	104	72	89	58	71	246	204	18	32	11
2008	101	67	89	62	75	247	203	20	32	11
2009	99	67	95	64	73	256	211	20	31	11
2010	102	66	97	70	79	263	221	21	33	11
2011	99	64	98	71	81	263	217	21	32	11
2012	98	64	100	74	83	267	220	22	32	11

* Включая сало и субпродукты.

Источник: данные ОВД.

Таблица П5. Наличие предметов длительного пользования по децильным группам в 2004, 2007 и 2011 гг., штук на 100 домохозяйств

Предметы длительного пользования	В среднем	Децильные группы распределения душевых доходов									
		Первая	Вторая	Третья	Четвертая	Пятая	Шестая	Седьмая	Восьмая	Девятая	Десятая
Холодильник	2004	97	101	102	104	108	107	111	112	109	109
	2007	102	105	106	107	109	110	112	114	113	111
Стиральная машина	2004	84	87	90	92	94	95	98	98	100	97
	2007	91	95	97	98	101	101	103	104	105	101
Телевизор цветной	2004	101	107	109	116	117	124	129	142	136	129
	2007	115	122	129	131	136	146	156	164	157	155
Мобильный телефон	2004	24	29	33	39	47	52	70	79	85	73
	2007	118	131	148	156	177	193	228	230	198	183
Микроволновая печь	2004	6	7	10	14	15	19	20	29	24	25
	2007	16	22	26	30	34	43	51	53	53	50
Посудомоечная машина	2004	0	1	1	2	1	1	1	4	0	2
	2007	1	0	1	0	3	1	2	6	4	1
	2011	2	2	2	3	3	4	3	7	6	5

Таблица П5. Продолжение

Кондиционер	2004	3	1	1	1	1	1	1	1	1	2	1	2	10	6	5
	2007	5	1	2	2	2	2	2	2	2	3	4	10	8	10	6
	2011	9	4	5	6	7	7	7	6	6	6	12	10	13	13	18
Персональный компьютер	2004	19	6	8	11	12	15	15	19	27	33	34	28	28	28	28
	2007	38	15	21	25	27	36	36	42	52	60	58	48	48	48	48
	2011	63	43	53	55	56	64	64	63	72	77	71	72	72	72	72
Легковой автомобиль	2004	32	15	18	22	25	29	29	32	43	43	45	48	48	48	48
	2007	38	15	22	25	29	33	33	37	54	53	56	56	56	56	56
	2011	49	25	34	40	42	47	47	50	57	66	66	66	66	66	58

Источник: данные ОБДХ.

Таблица Пб. Профиль бедности в 2011 г., в процентах по столбцу

Категории населения/домохозяйств	Бедные по доходам	Бедные по лишениям	Бедные по субъективной оценке	Все домохозяйства
<i>Индивидуальные характеристики</i>				
Возраст, лет				
29 и ниже	24.2	11.2	13.8	18.1
30-39	22.5	10.3	14.3	15.5
40-49	24.2	15.4	20.9	17.2
50-59	18.9	20.6	22.5	20.5
60-69	4.7	15.9	13.5	13.2
70 и выше	5.4	26.6	15	15.5
Всего	100	100	100	100
<i>Образование</i>				
Начальное профессиональное и ниже	54.7	56.3	51.9	43.3
Среднее профессиональное	24	25.5	27	26
Высшее, включая незавершенное и после-вузовское	21.3	18.2	21.1	30.7
Всего	100	100	100	100
<i>Занятость</i>				
Занят	58.1	57.8	57.1	57.6
Не занят	41.9	42.2	42.9	42.4
Всего	100	100	100	100

Таблица П6. Продолжение

Категории населения/домохозяйств	Бедные по доходам	Бедные по лишениям	Бедные по субъективной оценке	Все домохозяйства
<i>Домохозяйственные характеристики социально-демографического типа</i>				
Одиночки-пенсионеры	0.7	26	15	13.4
Домохозяйства пенсионеров	0.6	9.7	8.1	10.3
Пенсионеры и непенсионеры без детей	12.4	18	17.1	16.7
Пенсионеры и непенсионеры с детьми	11.6	6.4	8	7.2
Одиночки-непенсионеры	4.4	6.7	5.1	5.5
Домохозяйства непенсионеров без детей	24.8	17	21.3	22.1
Домохозяйства непенсионеров с детьми	45.6	16.3	25.4	24.8
Всего	100	100	100	100
<i>Тип поселения</i>				
Город	58	70	68.3	74.2
Село	42	30	31.7	25.8
Всего	100	100	100	100

Источник: рассчитано по данным РидМиж 2011 г.

**ДИНАМИКА МОНЕТАРНЫХ И НЕМОНЕТАРНЫХ
ХАРАКТЕРИСТИК УРОВНЯ ЖИЗНИ РОССИЙСКИХ ДОМОХОЗЯЙСТВ
ЗА ГОДЫ ПОСТСОВЕТСКОГО РАЗВИТИЯ**
Аналитический доклад

Ответственный за выпуск – Михаил Ледовский

Дизайн – Мария Ратинова

Верстка – Амина Кольцова

Корректор – Елена Абоева

Подписано в печать 24.03.2014

Тираж 800 экз.

Фонд «Либеральная Миссия»

101000, Москва, ул. Мясницкая, 20

Тел.: (495) 621 33 13, 623 40 56

Факс: (495) 623 28 58

Фонд «Либеральная Миссия» был создан в феврале 2000 года, чтобы содействовать развитию либеральной идеологии и обоснованию либеральной политической платформы, соответствующих сегодняшней России. Основная задача Фонда – распространение универсальных либеральных ценностей свободной рыночной экономики, свободы личности и свободы слова как основ существования гражданского общества и правового государства. Для этого Фонд инициирует публичные дискуссии, где вырабатываются условия конструктивного диалога различных направлений либерализма и их идеологических оппонентов. Другое направление деятельности Фонда – издательская программа, призванная познакомить широкий круг читателей с достижениями либеральной мысли и прикладными исследованиями перспектив либеральных преобразований в современной России.